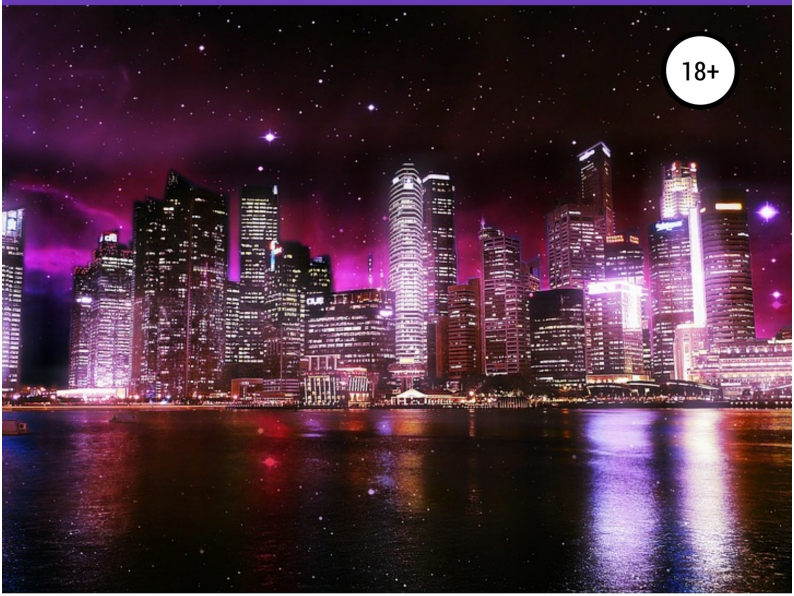
Мансуров Андрей



Дикие домохозяйки

Остросюжетная фантастика

Андрей Арсланович Мансуров
Дикие Домохозяйки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41856942
SelfPub; 2019

Аннотация

Недалекое будущее. Развязанная США глобальная война не затронула лишь их территорию. В остальных странах положение катастрофическое.Население самих США жестко поделено на Касты и Уровни – в зависимости от способностей и интеллекта. Представители низших каст влачат жалкое существование, довольствуясь минимальными жизненными благами и пайками. Представители же элиты вынуждены постоянно доказывать, что они достойны своих льгот и привилегий. Зато все живы, здоровы, сыты, и надеются на лучшее будущее.А зря…Потому что есть кое-кто, кто очень хочет отомстить!

Содержание

1.Крепость 4
2.Фаршированная индейка 70
3.Организационные проблемы 141
4.Состав преступления 229
5.Расплата 248

1.Крепость

Сегодня для разнообразия, крепость Билла действительно выглядела как крепость.

Внешний вид утрированно простой, без архитектурных изысков: приземистая коробка в форме шестигранника, с плоскими и ровными гранями. Гладкая, и наверняка бронированная, крыша. Чуть наклонённые вовнутрь чёрные стены. Взгляду зацепиться не за что – экстерьер воображение не потрясает. (Наверняка так и задумано!) Но внутри…

Наверняка полно хитростей и ловушек.

И если она туда без разведки, очертя голову, сунется, наверняка в пару-тройку попадёт. Теряя время и баллы. Но паршивец Билли наверняка сейчас потирает руки и облизывается в предвкушении другого: знает, что она – педантка. И любит доискиваться…

Ну как любит – ей интересней противопоставлять свой *интеллект* интеллекту противника, а не примитивно бомбить-стрелять-взрывать, едва увидав!..

Твердыня, словно бельмо в глазу, дерзко нарушала монотонность пустыни, покрытой приземистыми, словно расплющенными, не то – временем, не то – ветром, барханами жёлтого песка. На фоне марева нагретого воздуха она смотрелась инородным телом, абсолютно чуждым безбрежности

чуть волнистой поверхности. Монстром, дерзко бросающим вызов лежащим вокруг «тлену и суете» – крохотным песчинкам, в которые беспощадные время, солнце и ветер превратили всё то, что находилось здесь прежде…

А тут – прямо какая-то несокрушимая, неподвластная векам и стихиям, скала!

Ну, или чудовищная гайка.

К ней бы ещё и разводной ключ. И инструкцию по сборке. Вернее – разборке.

Это ей как раз и предстоит выяснить – как «разобрать», а если не получится «технично», так и просто – разрушить сооружение врага. Чтобы добраться, и вырвать, словно материнскую плату из компа, сердце чёртовой твердыни: Командный Центр.

Чёрные псевдокаменные стены возвышались над заросшим камышом и ряской рвом с чёрной водой на добрых сорок футов. (Странно. Небось на водонепроницаемый слой, чтоб вода не уходила в песок, ушла уйма пластоплёнки… Но *для чего* этот ров – если реальной пользы… Вот именно – ноль! Ловушка?.. Хм-хм.)

А вот мост*а* с цепями, и въездных ворот, положенных по канонам жанра, нигде не обнаруживалось. Как и дор*о*г, или охранных надолбов. Интересно – как это у чёртова Билли происходит положенная загрузка-разгрузка провианта, боезапаса, сменного гарнизона, и всего того, что положено по Правилам иметь нормально функционирующей крепости?

По воздуху, что ли? Так ведь – неэкономично, мать его… На него не похоже. Её противник – рационалист. Значит – внутри точно подвохи!

Ну, это-то она и так… Знает. Хватит. А то она уже начинает повторяться – мысли словно ходят по кругу. Догадками и логическими построениями делу не поможешь. Нужна конкретная и достоверная информация.

Черри вернула на борт разведочные капсулы, и придирчиво рассмотрела повтор их видеозаписей.

Нет – всё верно: никаких ворот, выступов, калиток, окон, люков, или бойниц.

А Билл-то – молодец. Учёл опыт прошлых схваток, и не оставил отверстий, которые можно было бы расширить, и воспользоваться для высадки десанта.

Ладно, раз он так с нами – и мы поступим жестоко! Он ждет от неё «разгадки шарады»? Скрупулёзного изучения и обдумывания? Ну так она применит примитивный, зато – эффективный «консервный нож»! Для банального взлома. Для разнообразия – а то сколько же можно «изучать»?!

Открыв носовые люки, Черри выдвинула на всю длину орудия, и произвела залп разрывными. Уносящиеся к твердыне быстро уменьшающиеся чёрные пчёлы двигались бесшумно – скорость полёта превышала звуковую.

Три мили между её линкором и крепостью снаряды преодолели за пару секунд.

Ого! Вон как брызнули осколки!.. Похоже, Билл забыл

установить защитные экраны. Или… Или это очередная хитрость с его стороны – заманивает! Думает, что она, как наивная дурочка, тут же ринется туда – расширять образовавшиеся бреши в стене!

Оставаясь на месте, Черри снова запустила капсулы. Нужно посмотреть…

А что – хорошие кратеры оставили взрывы. Вот только насквозь стену не пробили, будь она неладна! Какая же у неё тогда толщина?!

Противник – что? Поглупел?! Какое нерациональное использование массы допустимого материала! Ведь если хотя бы половина из ста девяноста тысяч тонн пошла на каменно-монолитный остов, на своды казематов Бункера останется… Всего ничего!

Хм… Ну уж нет. Сегодняшний противник Черри беспечностью или глупостью никогда не отличался. Значит – точно ловушка! Что-то новенькое он явно приготовил!

Пришлось выпустить шмеля: огромный аппарат легко завис над монолитом крепости, с гамма-сканнеров пошла картинка.

А-а, вот в чём дело! Сегодня Билли решил двинуться не вглубь, а вширь! Вон: по семи направлениям от основания фундамента уходят вглубь пустыни толстые чёрные нити – подземные ходы! И ведь не просто так уходят – а ещё и углубляются. Да, комнаты на концах километровых ходов располагаются на глубине по крайней мере полукилометра…

Странно. Билли не может не понимать, что она будет применять просвечивание недр, и обнаружит его ухищрения обезопасить Командный Центр простым увеличением числа вариантов. Конечно, может случиться и так, что все эти заглублённые Центры – ложные…

А может – что и нет!

В любом случае, похоже, противник ждёт от неё или дробления сил, или…

Перебора всех возможных вариантов? Глупо. Она не купится. Ведь, как говаривали древние – столица государства, расположенная далеко от центра – подобна сердцу в пальце: отруб*и*, и страна потеряна! М-м-м… Кажется, это сказал Наполеон по поводу Санкт-Петербурга.

Ах ты ж гад!.. Пока она думала, оставив шмеля зависающим над одним из особо длинных тоннелей, сверху, от солнца, его атаковал истребитель врага!

Проклятье! Шмель потерян.

Она, проводив полыхающее, словно головешка, ценное оборудование сочувственным взглядом, (Прости, малыш, мамочка загляделась вниз. А надо было – на радары кругового оповещения!) нажала клавишу бомбардировщика. Сразу – и перехватчиков.

Пока неторопливая и тяжёлая громада с полным боекомплектом на борту выдвигалась из бронированного ангара, и вползала на стартовый стол, шустрые беспилотники, не ограниченные, как бывало раньше, присутствием человеческого

тела с его хиленькой выносливостью, разделались с истребителем. Победа, конечно, ерундовая. Но приятно.

Хотя с точки зрения потерь… На профуканную ладью она отыграла хотя бы пешку.

Однако надо быть повнимательней, и не раздумывать, как только что – непозволительно долго!

Кинув тренированный всеохватывающий взор на кучу шкал, циферблатов и дисплеев, и переключив радары на звуковое предупреждение, она направила жука-бомбардировщика под прикрытием армады кусачих пчёл-перехватчиков к крыше здания-монстра.

Противоракеты, стартующие из вертикальных шахт этой самой крыши легко сбивались мощными лазерами её линкора – уж на них-то она не поскупилась, хотя это отняло почти четверть «финансовых» ресурсов. Свет не имеет инерции, как снаряды или пули: уничтожает мгновенно!

Вот поток ракет и иссяк! (Ха-ха!)

Бомбардировщик завис над сектором у северной стороны – ближе к центру крепости, где она обнаружила свод потоньше. Ничего страшного, даже если Билли сделал так сознательно: она сегодня делает ставку на «грубую силу», а не интеллектуальные выверты. Бомба пошла. Машину она укрыла полем – на пару секунд, не больше. На это уходит непозволительно много энергии. А ей ещё вскрывать переборки-соты в фундаменте. Вдруг хитрец Билли запрятал Центр всё же там…

Взрыв всё равно подбросил могучий аппарат вверх на добрых сто футов. Зато уж дыра получилась – будь здоров! Немедленно вернув бомбардировщик вниз, она сбросила вторую бомбу. Хорошо, что та тоже защищена полем – её пытаются остановить противоракетными лазерами!

Врёшь, не возьмёшь! Она предвидела такие попытки – защита бомбы не пробивается столь дохленькими лучиками! А поле при достижении поверхности исчезнет само! И тогда уж хоть лазеры, хоть запал – разницы, от чего детонирует ультратротил, нету!

Отлично! Второй свод тоже пробит! Странно – третьего, который Билл всегда устраивает, не наблюдается… Очередная ловушка? Или он думает, что она так и подумает?!

Что-то она стала слишком нервной – везде чуются коварные ловушки, обманы и хитрые придумки… Может, противник попросту обленился?! Почивает на лаврах предыдущих побед? А ну-ка: десантные боты – вперёд!

Восемь десантных ботов из двадцати оказались, однако, сбиты из орудий, прятавшихся – вот подлость! – в боковых гранях крепости-гайки! Ну и мерзавец – *почти* подловил её! Ей и в голову не пришло, что в толстых и сделанных для противостояния прямым попаданиям фугасных снарядов монолитах могут-таки кое-где оказаться амбразуры!

Однако её бортовые лазеры почти мгновенно отреагировали – и десять распустившихся огненных цветков сказали ей, что и орудия, и орудийные склады надземной части кре-

пости уничтожены! Жаль, что опять ушло слишком много энергии. А ещё более жаль – что стены крепости всё же устояли, и оказались столь толсты, чтобы скрыть от просвечивания… Чёртовы пушки и лазеры.

Посадке оставшихся ботов на крышу уже ничто не препятствовало: весь состав её перехватчиков, расположившихся правильной полусферой, прикрывал высадку дроидов.

И вот они ринулись вниз стальной членистоногой лавиной, громыхая, звеня и ревя, словно старинный железнодорожный экспресс!

Ах, обожает она эту стадию! Когда поток самоуправляющихся, и снабженных эффективнейшими программами убийц и разрушителей, несётся неудержимым цунами по внутренним помещениям твердыни врага, сметая, круша и корёжа все на своем пути!..

Теперь у неё на центральном, и двух боковых мониторах появилась картинка внутренних помещений – с камер дроидов, быстро бегущих по лабиринту внутренних переходов. А почему дроиды противника не встречают захватчиков огнём?

Ах, вон оно в чём дело…

Третий свод всё-таки есть – но, как и пушки, упрятан под одной из боковых стен. Проклятье! Толщина-то его… Позволяет надеяться, что уж раз Билли использовал здесь столько материала, основное ценное оборудование и сам Центр точно – внутри!

Пришлось посадить на крышу и бомбардировщик – чтобы дроиды могли перенести третью, самую тяжелую, бомбу – вовнутрь, и вбок: к последнему (Надеемся!) своду.

Для этого всё равно понадобилась тележка на гусеничном ходу. Её привезла последняя машина Черри – универсальный проходчик. Но, похоже, сегодня она останется без дела: тоннели в почве или скале сверлить не придётся! Они уже проложены. Врагом.

Но вот бомба погружена, и тележка, сопровождаемая толпой механической пехоты, двинулась внутрь! Готовься, враг мой, к смерти!..

Внезапно изображение на центральном и боковых мониторах сменилось чернотой.

Что за!..

Она глянула на монитор переднего обзора своего линкора. Ах ты ж урод!..

Точно – это была ловушка. Хитрец небось заминировал простой пол уровня под двумя могучими противовзрывными куполами – а она не догадалась, что он только и ждал, пока она пробьётся сквозь них. И поведёт основные силы к…

Она готова поспорить, что и Командный Центр вовсе не там, не под башней за третьим сводом, а всё же в одном из тоннелей… А зд*о*рово этот сукин сын купил её.

Ничего – хоть десант почти полностью потерян, и все тактические корабли тоже, у неё ещё остаются перехватчики, и сам Линкор! Придётся, правда, действовать осторожней: ма-

ло ли чего ещё приготовил любитель сюрпризов!

Вот ведь д…мо собачье! Бедные перехватчики… Нужно было, конечно, догадаться, и спасти их, уведя обратно к… !

А сейчас приходится только в бессильной ярости сжимать кулаки и кусать губы, вспоминая, как в чёрном дыму вдруг скользнула молнией яркая вспышка выхлопных дюз, и на высоте полумили расцвёл шар ядерного микрозаряда.

Можно не сомневаться: электромагнитный импульс разрушит всю чёртову электронику её перехватчиков – у них же нет тяжёлой защиты, как у Линкора, или бомбера!

Точно: вот они падают на равнодушно взрывающийся фонтанчиками от их корпусов песок вокруг всё ещё успешно огрызающейся, якобы «вскрытой», чёрной твердыни!

Ну вот она и осталась без авиации.

Плохо. А если учесть, что бомбардировщик, с оставшимися двумя бомбами, тоже «подорван», ей остаётся уповать лишь на бортовые лазеры – благо, зарядов осталось… Шестьдесят процентов.

Но почему вдруг запищал радар ближнего оповещения? Что?! Где?!

Нападение с какой стороны она упустила?! Ох!..

Включив двигатели на форсаж, она попыталась как можно быстрее увести бронированную громаду с тщательно выбранной позиции с отличным обзором…

Поздно.

Взрыв самой обычной, «примитивной» таймерной (Вот

почему обследование детекторами ничего не дало! В *такой* нет электроники – только часовой механизм. Да и тот – из пластика…) мины под песком переломил днище бронированной сигары, отбросив половинку кормы со всеми столь тщательно укрытыми броней сверху от бомбёжек и ракет, генераторами. Дно-то она не бронировала, наивно посчитав, что мины её детищу с его исключительной мобильностью и отличными сенсорами на металл, не страшны.

Ну вот она и без энергии: аккумуляторов хватит только на запуск спасательной капсулы. А все её чёртовы дальнобойные лазеры теперь… Не опасней зубочисток.

Остаётся… бежать! Спасать жизнь – иначе сволочь Билли получит очки ещё и за физическое устранение Оператора. Но… Уж больно хочется знать, где у него всё-таки находился Командный Центр. Она откинулась на спинку кресла, глубоко дыша.

Конечно, Билли неспроста возвёл свою крепость именно там, в низине. Он знал, что согласно стандартным тактическим установкам Учебника, она расположит свой флагман-линкор где-то на вершине господствующего бархана. А он такой здесь – один. Господствующий. Остальные слишком малы, и далеко от крепости. А она – как дура, поверила, что раз сканнеры не выявили стали – значит, нет и мин!. Блинн…

Вот скотина хитро…опая! Не поленился для переключения её мыслей в другое русло даже ров соорудить! Словно

издевался – знал, что она обожает читать про принцесс и королевства… Да, это её реально отвлекло.

Направило эти самые мысли в нужную *ему* сторону…

Включилось радио – на волне официальных переговоров.

– Привет, малышка! (Гад волосатый! Она ещё припомнит ему это обращение – она всего на три месяца моложе!) Сдаваться будем? Или ты предпочитаешь «геройскую смерть самурая-камикадзе?»

– Пошёл в задницу, Билли! Чтоб тебе … защемило в унитазе! Ты выиграл нечестно!

Билли поржал. Видать, заценил юмор пожелания. Потом посерьёзнел:

– Извини, солнышко. План игры у Рефери. Можешь, если сомневаешься, посмотреть – я подробно расписал твои возможные ходы. И свои ответные действия. Мне не пришлось применять «экспромты» в виде «непредвиденных альтернативных действий», на которые так любишь ссылаться ты… Да и в любом случае – если у тебя ещё сохранились радары, взгляни-ка на них.

Чёрт! Точно! Даже спасаться на Капсуле поздно.

В зените, прямо под солнцем, на пределе чувствительности приборов возникла и зависла маленькая точка – всего один перехватчик!

Что ж. Даже его с гарантией хватит на то, чтоб разнести её последнюю надежду – спасательную капсулу – по песку в радиусе полумили…

А Билли-то не растранжиривал ресурсы зря… И действительно изучил её. И план продумал. И к рекомендациям Учебника подошёл… Критически! И даже учёл её страсть к «экспромтам».

Она включила волну Рефери. Голос сделала нарочито чёткий, лишенный эмоций.

– Внимание, Рефери! Говорит Черри Боткин. Это официальное заявление. Я признаю своё полное поражение в сегодняшней битве с Биллом Уотсом. Подтверждаю честное ведение им битвы. Конец.

Щёлкнув тумблером, она до крови прикусила изнутри щёку – нет, они не должны услышать и понять… До чего ей на самом деле обидно!

Рывком сдёрнув визуализационный шлем, и с треском отодрав от тела все датчики – чтоб не было видно учащённого пульса и предательских тэта-волн гнева и обиды! – она громко разрыдалась.

Стены операторской, не первый раз видевшие такое, равнодушно молчали.

Боже! До чего она этого скота ненавидит!..

В душевой она сделала воду погорячей.

Тугие струи исходили п*а*ром – словно она в сауне. Ничего: телу, которое сегодня даже не «пострадало», полезно расслабиться, а душ*е* – отдохнуть и отвлечься. От обидных мыслей.

За последнюю сессию Билли обыгрывает её в пятый раз!

Подряд.

Это говорит о том, что он и правда достаточно хорошо изучил её психологию и приёмы: тактику, методику разведки, привычки, приверженность к определённым видам оружия… Словом, составил её психосоматический портрет.

Ну ничего: уж в следующий-то раз она ему покажет, до какой степени он ошибся!..

Домой пришлось идти уже почти в темноте: сегодня их смена приходилась на поздний вечер. Однако она ничего не боялась – те подростки нулевого Уровня, что учатся в Учебках тут, наверху, и славятся своей неадекватностью и любовью к дерзким выходкам, после шести вечера не поднимаются на поверхность: для них действует расширенный Комендантский час.

Закатное солнце скрывала пелена тяжёлых, набухших массой дождя, туч. Она старалась глубже вдохнуть – но кислорода, как и всегда перед грозой, не хватало. В воздухе уже висел тот неповторимый, полный не то – пыли, не то – озона, запах – какой всегда бывает только перед грозой…

Ехать в тесном вагончике монорельса одну остановку от Центра Единоборств до дома казалось глупо: нужно хоть иногда просто гулять, а не упражняться в зале для физразвития. Да и просто приятно – пройтись, давая отдых телу и уму.

Но сегодня отдых ума что-то никак…

Скотина Билли – она не могла не возвращаться постоянно

к своему поражению. Нет, ей и правда, нужно что-то менять. В мышлении. В-смысле, в его стереотипах. Кардинально. Потому что: раз можно вычислить, значит – она их и правда создала. Шаблоны.

Ага. Менять их и само мышление надо. Главный вопрос только – как?!

Ноги словно бы сами несли её вдоль улицы – она почти не смотрела по сторонам.

Но вот чередование угольно-чёрных провалов проёмов и чуть более светлых участков, где ещё серели строгие грани Социальных задний, закончилось – она у своего подъезда.

Экономичный тусклый свет редких уличных фонарей не достигал даже трети высоты её дома-башни, и тот уходил ввысь огромным тёмным айсбергом из стекла и алюминия. Если, конечно, бывают сверкающие точечками окон-прямоугольников, айсберги…

У подъезда ей встретилась Дайана – девочка с Первого Уровня. Черри отметила, что та перекрасилась: пушистые волосы каштановыми волнами стелились по плечам, и ярким голубым тоном отливали ногти рук и даже ног, видимые сквозь лямки белых босоножек. В сочетании с ярко-оранжевым платьем это смотрелось… Бр-р-р!

Черри мысленно передёрнуло: это ж надо – до такой степени не понимать, что тебе идёт, а что… Да тут и родители девочки вряд ли ей помогут: у них и своего-то вкуса… Особенно у мамочки – расплывшейся после вторых родов в

бесформенную глыбу самовлюблённой любительницы телефонных разговоров, сериалов и полуфабрикатов.

Но вообще-то общение с Дайаной развлекало её – милая малышка, с очень сексапильной и ладной фигуркой, ещё без хитринки и желчной язвительности, которыми чуть позже ей всё равно придётся обзавестись в полном объёме, чтоб не быть заклёванной заклятыми «подругами» со своего Уровня. Общались они часто, поскольку были «соседками»… Правда, в основном это были ни к чему не обязывающие разговоры: «Как дела?» – «Спасибо! Хорошо – как твои?..»

Сегодня Дайана тоже решила поговорить:

– О, привет, Черри! Как дела?

– Здравствуй, Дайана. Спасибо, неплохо. А как твои?

– Спасибо, тоже хорошо. – девочка помолчала. Было почти ощутимо заметно, как в её голове происходит напряжённая работа: она ищет, о чём бы ещё спросить сверстницу с Третьего Уровня. Черри чуть повернула на бок головку – приняла позу вежливой заинтересованности: надо помочь. Девочка явно стеснительна. И абсолютно безопасна.

– Ну… как проходят твои занятия по… «развитию стратагического мышления»? – Дайане удалось наконец, почти вспомнить, как называется этот курс.

– Нормально. Правда, могло бы быть и получше – пока набрала только восемьдесят два из ста.

– Так ведь это отлично! До конца месяца почти неделя. Норму обязательно доберёшь! Ты же такая умная! – в голосе

столько неприкрытого восторга, что сразу ясно: это никакая не подколка, а действительно – восхищение. Приятно.

– Спасибо. Да, надеюсь добрать… А как там ваши кулинарные курсы?

– О-о, здорово, отлично! Сегодня проходили экзотические блюда – люля-кабеб! Кажется, это что-то тирольское… Или – турецкое… Неважно – я справилась сразу же!..

– И как оно… На вкус?

– В том-то и дело! Отлично! Мне жутко понравилось!

Ну, мы все, конечно, как всегда, пробовали друг у друга – как получилось!.. Ну так вот: у Лаймы вообще получились подгоревшие сухарики вместо мяса… А Джейн забыла посолить. Рози и Мириам – положили тёртый картофель вместо обычного, и обе облажались!.. Мы так смеялись: у Ольги вообще получился суп – она перепутала воду с маслом…

Короче: даже Наставник мистер Диксон признал, что самый вкусный, и почти как стандартный люля… э-э… кабоб – у меня! Я так радовалась, нет, серьёзно… У меня уже сто два: я досрочно набрала Норму в этом месяце! Теперь мне дадут бонусы! Я жутко рада!.. – Дайана захлопала в ладоши, попрыгивая на носочках. А взгляд прямо лучился восторгом.

Черри даже стало её немного жаль – бедняжка!

Столько времени, сил и эмоций тратить на то, с чем отлично справляется процессор кухонного автоповара! На банальное приготовление пищи! Вот уж ничуть не развиваю-

щее мозг занятие… Стоять до конца жизни у кастрюль и казанов… Тьфу!

Впрочем, и хорошо, что девочки с Первого Уровня любят готовку: им *действительно* придётся заниматься этим всю оставшуюся жизнь. Поскольку нет у них на кухнях автоповаров. Не вышли Статусом. На то и Предопределение.

Дипломированная Домохозяйка…

А что – тоже звучит.

Черри внутренне содрогнулась. Вслух же она сказала, нарисовав «умеренно довольную» улыбку на лице:

– Я очень рада за тебя! Ты и правда – молодец! Бонусы – это отлично! И я буду стараться, чтобы заработать их! Всё-таки учиться – так тяжело! Скорее бы уж начать работать – это, как мне кажется, куда легче. И спокойней. Ну, ладно – желаю успехов! Будь счастлива!

– Будь счастлива! Да уж – учиться – О-ох-х!.. А вот насчёт работать – я так не уверена. Я, скорее, предпочла бы просто – замуж… Ну, пока! – видя, что Черри кивнула и делает шаг к Дому, Дайана поторопилась, – И тебе – успехов!

Горящие восторгом и азартом глаза не позволяли всё же понять, чему так радуется малышка: то ли своим достижениям, то ли – желанию поскорее завести Семью, то ли – тому, что с ней вот так, запросто, общается девочка с Третьего Уровня…

Войдя в подошедший лифт, Черри махала рукой, пока её не отрезала от улицы закрывшаяся дверь. И только тогда

убрала улыбку с лица. Развернулась.

Приблизила лицо к сканнеру, нажала зелёную клавишу. Чётко произнесла:

– Черри Боткин. Подуровень три-шесть.

Глазок объектива моргнул раз, другой – проверив сетчатку и форму черепа. Огонёк под зелёной клавишей загорелся, лифт, вначале мягко, затем всё быстрее, двинулся.

В коридорах на её подуровне через каждые десять шагов стояли кадки с растениями, освещаемые идентичными натуральному солнечному свету специальными светильниками. Тут росли и настоящие пальмы, и сосны, и даже плодоносящие карликовые деревья: абрикос, яблони, сливы… Она на ходу сорвала три сливы – ей захотелось их кисловатой мякоти. А что: даже некоторые взрослые рвут и едят плоды!

Их Уровень даёт и не такие льготы и преимущества! Взять хотя бы сами коридоры: в высоту почти четыре ярда! Это вам не то, что у Второго, Первого, и уж тем более – подземного, Нулевого, Уровней!.. Здесь и дышится легко, и казённо-бетонные некрашеные перекрытия сверху не давят, и вечно тусклый, серо-голубоватый, свет не гнетёт, как там, внизу…

А вот у них лампы дают тепло-жёлтое, действительно почти естественное солнечное освещение: не то, что мертвенно-равнодушный розоватый в коридорах Первого Уровня, где она однажды случайно побывала. Что же до мрачно-голубых катакомб Нулевого…

Вспоминать то «приключение» подробней ей никогда особо не хотелось.

Так что повезло ей со Статусом. Разумеется, тут главным было то, что и ма и отец сдали Экзамен. И позже подтвердили продуктивной работой свою квалификацию. Однако она-то отлично знает, какой ценой даётся чёртов социальный Статус, и связанные с ним Льготы! Отец первые пять лет Рабочего Периода прожил и проработал на Втором!

Откладывал, ущемлял себя во всём, но – накопил на Курс «Менеджера-распорядителя строительства жилых зданий»! И только затем его Социальное Предопределение поменяли – после сдачи Экзамена и Зачёта. Так что она гордится своим отцом Мигуэлем Боткин: он реально добился повышения до Третьего – *сам*!

Матери, конечно, легче – дизайнером рекламы может стать только креативщица в третьем поколении. С родителями и пра-родителями у Анн-Марии всё в этом плане в порядке. И Экзамен, и Зачёт матери удалось сдать сразу.

Дело – за Черри. Нужно доказать, что она тоже… Достойна родителей.

И своего Уровня.

Выкинув косточки в отверстие мусороприемника у двери, она позвонила: два коротких и один длинный. Ма открыла почти сразу. Словно стояла за дверью.

– Ма! – Черри кинулась на шею матери, забыв обещания самой себе не расстраиваться из-за пустяков. Прижавшись к

тёплому поджарому телу под невесомым домашним халатиком, она уже не сдерживалась, содрогаясь в молчаливых рыданиях, шмыгая носом, и всхлипывая. Предательская влага упорно изливалась из огромных глаз, и текла по щекам…

Миссис Боткин в голосе и поведении дочери сразу уловила досаду и расстройство, (Да и кто бы их не уловил!) и легко вычислила их причину:

– Что, опять Билли побил тебя?

– Да. Да-да-да!.. Он – волосатая скотина! Я… Обижусь на него. – она сдержалась, чтоб не зареветь в голос: девушке её Уровня не положено!..

– Это глупо, Черри. – мать нежно чмокнув в лобик, опустила тоненькое ещё тельце на пол, – Ты не должна злиться на него – злость мешает размышлять. И сковывает действия. Он выиграл честно?

– Д-да… Да, честно. – Черри кулачком размазала по щекам остатки косметики.

– Тогда тем более глупо злиться – так ты только приблизишь свою эмоциональную Карту к психограммам нижних Уровней. Это пусть *они* злятся, скандалят, сплетничают, болеют за тупых футболистов, и восторгаются своими крохотными достиженьицами…

Мы, Третий, не можем себе этого позволить. Мы всегда стремимся развиваться, учиться, и превзойти – в первую очередь себя… А уж только затем – и других!

Поэтому ты должна быть благодарна Билли. Помнишь

древнюю мудрость: «То, что не убивает нас – делает нас сильнее!»

Черри знала, конечно, что мать права на все сто… Хм-м…

А вот с такой стороны она ещё не пробовала рассматривать их с Билли отношения: ведь это правда! Выиграв у неё, он здорово раззадорил её – так хочется взять реванш!.. И доказать этому… Этому вредному болвану, что она ничуть не глупее. Да – не глупее!

Но для этого придётся поднапрячь мозги и инстинкты охотницы-пантеры! Да, это её любимый мультик! Пантера такая хитрая, ловкая, гибкая… И пусть она слабее Льва и Тигра – но всегда оставляет тех в дураках!

Ничего, она придумает. Поберегись, Билли – её очередь «сделать» тебя сильнее!..

Проводив дочь, пошедшую переодеться и умыться, долгим, внешне лучащимся мягкой материнской любовью взглядом, Анн-Мария вернулась в гостиную, к мужу.

А что: он до сих пор смотрится солидно и достойно: чуть наметившиеся валики жирка на боках не портят широкой грудной клетки и стройного в остальном торса. Подбородок пусть грубый – словно вырублен топором! – зато сразу говорит о главной черте супруга: упорстве. Да, она имела возможность убедиться: при продвижении к Цели его ничто не остановит!

Именно поистине носорожья целеустремлённость, и му-

жество, и привлекли её в своё время, заставив предпочесть, может быть, более привлекательных лицом, но не столь конкретных в желаниях и настойчивых в действиях, кандидатов.

Единственное оставшееся от прежних привычек плебейское хобби мужа – сволочной футбол! – она не осуждала. Нравится ему, как двадцать два идиота, похожие в своих дебильных щитках не то на средневековых рыцарей, не то – на боевые линкоры, не то на австралийских хвостатых броненосцев, непроизводительно растрачивают своё и чужое время и силы, якобы таская мяч, а на самом деле – стараясь переломать друг другу как можно больше костей, и нанести ран, синяков и царапин – пусть смотрит!

Главное, что на его умственном потенциале это никак не сказывается. (Тьфу-тьфу!) Только в прошлом месяце он опять получил дополнительные Бонусы: они смогли сходить в Луна-Парк… Черри там нравится.

Однако чтобы поговорить, пришлось дождаться, пока в матче объявят перерыв между четвертями: она не настолько глупа, чтобы влезать тогда, когда внимание супруга наверняка поглощено бегающими с мячом в объятиях, или лихо бороздящими газон поля, прокладывая собственным телом рытвины в земле, накачанными выше всякой меры стероидами болванами-нулевиками… Но вот прозвучал свисток. Болваны, утирая кровь и пот, и еле двигаясь, словно их защитные костюмы весят добрую тонну, потащились в раздевалку. Рука Мигуэля потянулась к солёным косточкам.

Удачно получилось: команда, за которую, как она знает, болеет муж, выигрывает.

– Дорогой! – точно выверенная пауза и чуть заметный вздох: словно от раздумий, – Меня беспокоит Черри… – она знала, что уж это-то сразу переключит внимание «дорогого» полностью на неё. Мистер Боткин обожает их златокудрую малышку!

Действительно, Мигуэль поспешил даже убавить звук – чтоб не мешала назойливая реклама:

– Что, Мария? Что там случилось с нашей дочерью?! – брови мужа сошлись на переносице. Она помолчала, тщательно выдерживая ещё одну паузу, зная, что этим напрягает его сильнее, чем если бы кричала и трясла кулачками у него под носом. Вот, пора.

– Пока, – она подчеркнула это слово нарочито равнодушным тоном. – Ничего. Но – может!

– Что – может? – он даже оторвал спину от дивана. – Мария! Да говори уже!

– Хорошо. – она присела, плотно сдвинув коленки, напротив него, зная, что он и туда обязательно свой взгляд переместит. (Вот и хорошо: ножки у неё до сих пор – «отпад»!) – Проблема в Билли – её назначенном на этот семестр партнёре-противнике по развивающим Играм-стратегиям…

– И что там с этим Билли? Он вёл себя по-хамски?! Приставал?! Да я ему!.. И его папаше!.. – похожие на гири, тяжёлые кулаки мужа сжались, мышцы рук напряглись…

– Ничего подобного. Вовсе нет. – она сделала успокаивающий жест ладошкой, – Билли очень корректен. Его отец может гордиться: сын явно уже превосходит его способностями… То, что Билли опять выиграл, несомненно хорошо. Для его отца и успеваемости Билли. А вот то, что он выиграл у *нашей* девочки – плохо. Малышка не на шутку расстроена. Я вижу. Она молодец – держится, конечно… Но *я-то вижу*! Этот Уотс для неё – как заноза в заднице!

– Ну, и чего ты хочешь? В-смысле, чего ты хочешь от меня? Чтобы я пошёл, и навалял по-старинке этому чёртову Билли? За то, что он, скотина такая, обыграл мою дочь, и обидел девочку?! – у Мигуэля раздувались крылья носа, и Анн-Мария поняла, что муж… Созрел. (А быстро она его!.. Вот что значит – практика!) За дочь он – она не сомневалась! – мог действительно и пойти, и навалять… Но, конечно, не Билли, а, скорее, его папаше Томасу, тоже, кстати, бывшему второуровневику – потому что глупо бить талантливого мальца за то, что он – талантлив в Игре! За это, по идее, как раз поощряют. Чтоб был талантлив, находчив, и изобретателен и позже – в работе.

– Дорогой, ну что ты такое говоришь! Глупо бить или ругать пятнадцатилетнего мальчишку. Да ещё за то, что он старается! А уж его отца – вообще смысла нет. Я не об этом сейчас говорю.

– Тогда – о чём?! Ты, что же, хочешь сказать, что наша – не старается?! Или – что она – тупее?!

– Нет. Я хочу сказать вовсе не это. – вот Мигуэль и оказался в том месте, которое она наметила, – Она вовсе *не* тупее! Наставник сказал – ну ты помнишь! – что у девочки *огромный* потенциал. Но она не совсем грамотно его направляет. Отвлекается. Тратит время и силы на посторонние дела… И – главное! – на ненужные эмоции.

Недостаточно мотивирована, как мне представляется… Была. Но вот сегодня – я поняла, что она действительно расстроилась. Билли выиграл в пятый раз подряд. – Анн-Мария замолчала.

– И… Что? Как я могу помочь ей?.. Дорогая, к чему ты ведёшь? – ага, он молодец. Тоже уже «вычислил» её «хитрые» ухищрения.

– Я хочу попросить тебя дать ей денег на Курсы Социомотивации, и Креативного мышления. Мы – не бедные! И можем себе это позволить!

А девочка будет просто счастлива. Особенно, если это поможет одолеть хитреца Билли! Не забывай – через неделю конец месяца. И ей нужно добрать восемнадцать баллов. А за поражение дают не больше двух… – ну вот она и сказала. Должно сработать!

Уж мистера Боткин-то она за шестнадцать лет подизучила.

«Дорогой» прибег к традиционному способу помочь мыслительным способностям: стал чесать затылок с наметившейся плешью. Она даже не сделала обычного замечания

насчёт углубления и расширения безволосого пространства: пока это отвечает её целям – пусть себе чешет!

– Э-э… Ласточка моя. Но ведь ты всего месяц назад говорила, что хотела бы съездить летом на пляжи Нью-Фриско. Отдохнуть… Если мы используем деньги на Дополнительные Курсы – нам не хватит…

– Плевать на эти пляжи! – поняв, что победа достигнута, раз в ход пошёл такой аргумент, она поспешила закрепить успех, – Прекрасно поплаваем и здесь, в нашем Заливе. А девочка сможет куда успешней развиваться! Мы же хотим, чтобы наша малышка стала… Разработчик Высшего Уровня номер один?!

– Конечно, хотим… А ты уверена, что так много гипнопедии не повредит? Ведь ей всего четырнадцать.

– Пятнадцать, дорогой. (Ну вот никак у него не получается запомнить, сколько лет их доченьке. Впрочем, наверное, это свойственно и всем отцам. Главное – любить дочурку больше жизни это не мешает!) И я уверена: ничего плохого *нашей* дочке не будет. Никаких «побочных явлений»! Она – почти взрослая. И плевать на соседей – пусть думают что хотят. Я считаю: будущее девочки – важнее пускания пыли в глаза окружающих! – она перевела дух. Собственно, поддержание Статуса и достойного реноме перед соседями и коллегами всегда больше волновало вовсе не мистера Боткин, а как раз её… Ну и ладно. Она подвела итог, – Пива дать?

– Конечно. И себе возьми банку. – мистер Боткин вновь

откинулся на спинку, поняв, что от него отстали, и семейная Проблема благополучно разрешена. Слава Господу, мирно.

Разумеется, Анн-Мария не опускалась до такого, чтобы скандалить и кидаться на мужа с кулаками, как позволяли себе Дипломированные Домохозяйки Первого и Нулевого Уровней… Но молчанка, игнор, и глаза «на мокром месте», к которым она прибегала в случаях недовольства супругом, действовали не хуже: Мистер Боткин имел глупость всё ещё любить жену. О чём она отлично знала.

И нагло пользовалась.

После сеанса гипнопедического Курса Креативного мышления первые два часа Черри ощущала себя так, словно в голову натолкали в три раза больше мозгов, чем там может поместиться, и они медленно вытекают наружу через уши и ноздри… Впрочем, так казалось всегда после сеанса с чёртовой гигантской бандурой гипнопеда.

Ничего – к завтрашнему дню всё «уляжется» и «срастётся». Вдолблённые словно кувалдой знания «встанут на место», приживутся, и станут ощущаться как свои, врождённые…

Держись, Билли! Завтра она тебе покажет!..

Вытянувшись на сразу подстроившейся постели, она с наслаждением потянулась.

А сейчас – спать! Сон лучше всего способствует… Усвоению влитых в неё Навыков и Идей. И – главное! – *новых и*

оригинальных подходов к самым разным задачам и проблемам!

А уж она сможет применить всё это – Пантера смогла бы, значит, сможет и она!

Кое-что она видит уже и прямо сейчас!

Сколько возможностей! Мимо которых она раньше сдуру проходила, игнорируя: то, понимаешь, стеснялась, то – брезговала, то считала… Нечестным.

Вот балда закомплексованная!.. Ведь знала же, что Билли к ней… скажем так – не совсем равнодушен. Да и она тоже… Немного… Или – много, даже – непозволительно много!.. Ну, то есть – часто думает о нём…

Что из него вышел бы неплохой отец для её детей!

Такое не может, конечно, не отвлекать – теперь-то она отлично это осознаёт…

Ну, погоди ж ты, паршивец волосатый – она тебе покажет… Кое-что. После чего твои «концентрация внимания» и «стратегическое воображение» резко… Вот именно.

Что же до собственно Игры…

Завтра она разработает План, и сдаст Рефери. Послезавтра – официально сообщит Биллу, в каком Мире им предстоит встретиться, и в какую Игру сыграть. Да, теперь – её очередь обороняться…

Но кто сказал, что оборона может быть только пассивной?!

Кайл Юровски привстал за надолбом, оценивая обстановку. Ага: пора!

Молча он кинулся вперёд, по дороге раскручивая болас. Бросок! Есть!

Дэн Фрай, неизменный главарь клана Акул, завалился на бетонный пол со спутанными ногами и одной примотанной к заднице рукой, успев, однако, заорать:

– Сзади!..

Валявшийся на земле Локус, которого Дэн только что бил стальными накладками носков, имевшихся на его десантных сапогах, поторопился откатиться в сторону, лишь теперь застонав. Молодец, конечно, что сдерживал вопли, но помочь им в драке уже вряд ли сможет!

Предупреждение не спасло Пита Питчерса и Сэма Оруэла: первого – от здоровенного пинка в живот, от которого его скрючило, словно подгоревший кусок колбасы на сковороде, а второго – от горсти перца в наглую морду!

Блинн! Так и свинья не завизжала бы!..

После этого Кайл и остававшиеся на ногах Торпеды накинулись на троих ещё державшихся Акул, и задали им жару! Заодно Кайл лично «угостил» пытавшегося скинуть путы п…раса Локуса мощным пинком точно в копчик: вот теперь – «в расчёте» за прошлый раз! Локуса выгнуло теперь в другую сторону: так, что Кайл не удержался, и добавил – теперь пяткой в живот!

А приятно, оказывается, слушать утробный вой, что по-

лился из глотки поверженного на землю врага! Особенно, когда его сопровождают подвывания получившего в рожу кайенского перца, и вопли и стоны добиваемых Сэма и Б*о*риса… Ф-фу…

Ну вот все Акулы и на земле! И в ближайшие десять минут точно не поднимутся!

Кайл оказался ближе к переходу, поэтому первым услышал сирену копов. Оглянулся на видеокамеру – порядок! Идея со скотчем на конце багра вполне себя оправдала!:

– Атас! Копы! Сваливаем через котельную!.. – сам он поторопился подхватить Локуса, ещё согнувшегося и еле двигавшегося, – Алик! Помоги! Нэш! Скотч! – Нэш, кивнув, кинулся к фонарному столбу. Рванул за нейлоновый шнур, и скотч, удерживающий видеокамеру от разворота, оказался у него в руках! Кайл, краем глаза наблюдавший, как ликвидируются следы их вмешательства в работу оборудования Федеральной Службы Безопасности, (Поймают, точно – в тюрягу на червонец! И не посмотрят, что несовершеннолетние!..) с облегчением вздохнул: рассчитали чётко!

Вдвоём с крепышом Аликом они быстро уволокли товарища за угол ближайшего складского блока, и, нырнув во вскрытую накануне дверь в решётке, ломанули дальше по коридору между помещениями, в глубину воняющих затхлостью и окаменевшей пылью и мокрой шерстью дебрей лабиринтов Уровня. Сухопарый и шустрый Левон старательно обрабатывал путь их отходу перцовым спреем – теперь и Пёс

не выследит!

Кайл был уверен, что они необнаруженными покинули чёртову стоянку: пусть-ка сегодня эти дебилы Акулы посидят ночку… или пару недель… В кутузке! И штрафы «за нарушение общественного порядка» выпишут *их* отцам!

А Торпеды весь вечер сидели в караоке-баре!.. В «Золотом тигре». И доказать, что у них нет алиби будет нельзя, так как Кайл точно знает, что рекордер у Большого Бенни полетел ещё два дня назад. А уж с самим-то Бенни они договорятся.

Не прошло и десяти минут, как перед дверью «Золотого тигра» затормозили три машины – наряд. Сердито выглядящие патрульные вошли все – вшестером. И сходу двинулись прямо к команде Кайла. Лейтенант Дилан откозырял:

– Лейтенант Дилан. (А то они его в первый раз видят!) Ваши удостоверения, пожалуйста!

Локус, что-то там лирическое распевавший перед монитором на пару с Уорреном, быстро (Пожалуй, даже чересчур быстро!) развернулся, и чуть ли не раньше Кайла и остальных протянул полицейским правую руку запястьем наружу. Синяки на предплечье удалось скрыть под полузакатанными рукавами. Громадное синее пятно на ребрах тоже прикрыто – и рубахой и жилеткой. (А хорошо, что они обзавелись запасным гардеробом: успели переодеть рвано-замызганно-пропылившееся! И лейтенант наверняка обратит вни-

мание – все они выглядят опрятно. Не то, что чертовы Акулы – хе-хе!..)

Сержант Джон Пилджер, их старый знакомый, быстро провёл по всем чипам сканнером. Хмуро констатировал:

– Всё в порядке. Все законно на свободе. За последнее правонарушение отмотали как положено. (Ну ещё бы – не как положено! Две недели в подростковом Исправительном – это вам не хухры-мухры! Зато уж теперь они «чисты» перед Законом! Правда – лишь до следующего «раза»!)

– Это радует… – особой радости, впрочем, в голосе Дилана не ощущалось. Скорее, таким тоном он бы мог спросить у жены, почему поданная ему на ужин селёдка уже неделю как протухла, – А вот то, что вы опять взялись за старое, уже нет!

– Послушайте, господин лейтенант. Сэр. Мы честно оттрубили, всё осознали, и реально хотим исправиться, и покончить с ошибками прошлого! Чтоб приносить пользу – Обществу и Стране! А вы… Что вы имеете в виду, сэр, говоря, что мы за «что-то там» взялись? Мы с мальчиками сидим себе, никого не трогаем. Наоборот: услаждаем слух окружающих бодрыми весёлыми песнями, можно сказать. Поскольку готовимся создать вокально-инструментальный ансамбль – вот, репетируем… – Кайл знал, что невинно-ангельская «дружественная» улыбка «простого и открытого парня», которую он дома отрабатывал перед материнским зеркалом, у него получается, – А тут вдруг входите вы с сержантом и патрульными, и на нас наезжаете! Объясните хоть, в чём дело,

сэр?

– Так это, значит, *не вы* наваляли пятнадцать минут назад клану Акул на стоянке у второго пирса? – если бы желчное ехидство могло работать как кислота, то не то что стол, за которым они сидели, а и пол у ног Кайла уже прожгло бы до следующего Подуровня!

– Ну что вы! Конечно нет, сэр! Мы уж, почитай, час как здесь! Вон и Бенни подтвердит.

Бенни, старательно надраивающий стаканы, от этого всё равно вряд ли ставшими бы чище, поторопился покивать:

– Чистая правда, господин лейтенант! Вон, посмотрите сами: сколько пива уже вылакали! А от их чертова «вокала» у меня половина клиентов разбежалась… – то, что на их столик срочно составили бутылки, оставшиеся от поспешивших и без всякого «вокала» оперативно ретироваться, когда команда Кайла вбежала, словно за ней черти гонятся, клиентов, Бенни, разумеется, упомянуть «забыл».

– Ну-ка, посмотрю я лучше твой кодограф, Бенни… – лейтенант нахмурил брови, и вынул свой аппаратик и универсальный ключ.

– Пожалуйста, конечно, господин лейтенант. Вот только, боюсь, он уже два дня как сломан, и вряд ли что зафиксировал.

Лейтенант, разумеется, захотел убедиться лично.

С миной откровенного разочарования он повернулся снова к Бенни, так и не сдвинувшемуся с места: а ещё бы! Если

б Бенни не стоял на своей подставке, он и до стойки своего же бара не доставал бы:

– Почему до сих пор не отремонтирован?

– Не могу сказать, господин лейтенант. Я Заявку подал ещё два дня назад – всё честь по чести. А уж почему Управление до сих пор не прислало ремонтников… – Бенни развёл руками, приподняв ещё и брови, и как бы давая понять, что он не Всевышний, и даже не Управляющий ремонтным блоком, – Может, у них опять запарка – помните, как на позапрошлой неделе? Когда сдохла вся Система видеонаблюдения в пятом Доке?

Лейтенант сплюнул. Повернулся к Кайлу:

– Ваше счастье, что видеокамера стоянки заклинилась в одном положении, и не охватила место драки. Записей, следов, и тел, вернее, *ваших* тел, разумеется, не оказалось… Жаль, вы ещё не достигли двадцати одного, и нельзя потребовать у Прокурора ордер на проверку ваших чипов… Но если в следующий раз – Акулы – вас!.. – лейтенант жестом показал, оскалившись, что с ними могут сделать, – Уж не обессудьте: особо стараться привлечь *их* я не буду! – и, повернувшись к Бенни, – Если б я не знал, что папочка вот этого молокососа. – он кивнул на Локуса, – твой Большой Босс, я бы, может, и купился… А так – на обессудь, Бенни, если во время следующей большой драки в твоей халупе Наряд ошибётся адресом… И приедет только после того, как всё будет перебито и переломано. – лейтенант дёрнул щекой.

Бенни заметно побледнел. Но благоразумно промолчал.

– Пошли, ребята. – лейтенант первым двинулся к двери, показывая, что считает инцидент исчерпанным. То, что он не принёс традиционных в таких случаях извинений, показывало, что он чертовски зол, что не может ничего доказать, и уверен на все сто в своих подозрениях на их счёт.

(Ну правильно: Акулы, несмотря на маски на лицах, наверняка по голосам и манере драться, узнали их. Как впрочем, и они – их! А вот доказать – три Ха-ха! – не смогут!)

…рен с ним. Придётся на какое-то время завязать с развлекухой – да и Акул в кутузке промаринуют ещё неизвестно сколько… А Тигры перенесли свою «деятельность» в район Станции Очистки – а туда лень таскаться пешкодралом. Да и предупреждение насчёт проверки чипов – то есть, отслеживание координат, где эти чипы находились в последний час, сильно напрягало. Хорошо, что они все ещё не в полной мере подвержены Закону! Хотя… До этого осталось недолго – пара-тройка лет. И тогда – прощай навсегда развлекуха и драки – упекут уж капитально, а не на пару недель…

Двери за полицейскими закрылись, снова раздался вой сирен, и огни мигалок удалились вдоль коридора-улицы. Бенни опустил плечи, задумчиво глядя на стаканы, которые всё ещё механически протирал.

– Спасибо, Бенни. – Кайл невольно ощущал неловкость после сказанного лейтенантом. Он ведь и правда, может так поступить и с ними… И с Бенни, – Мы и сами можем пре-

красно разобраться, если какие-нибудь козлы захотят тут у тебя порезвиться! Ты, главное, звони!

Бенни, так и не подняв глаз от стаканов, и не разлепив сжатого в ниточку рта, покивал.

По нему трудно было сказать – счастлив ли он от обретения таких «крышевателей».

Билл Уотс аккуратно протёр объективы камер ночного видения – налёт минидронов-стрекоз с распылителями быстросохнущей краски оказался совершенно неожиданным! И пусть дроны он посбивал, за это время чёртова краска схватилась: приходится вначале отколупывать виброножом, а уж затем – протирать с растворителем…

Однако помогло отколупывание и протирание мало: казавшееся в мрачном сумраке хаотичным нагромождение конусов, параллелепипедов и кубов неправильных и причудливо изгибающихся форм и пропорций лучше видно не стало. Впрочем, нет – видно-то его как раз неплохо… А вот разобраться – что тут к чему…

Зараза хитрущая. Поняла, что к такому он не готов. Вот и взяла Низший Уровень.

А он не любит, когда в качестве единственного допустимого оружия можно использовать только голые руки, оптоусилители, сканнеры (Мать её! Объективы оптики уже сильно подпортила! Сохранить бы хоть любимые сканнеры!..) и *холодное* оружие… Он больше привык к пушкам, пулемётам,

огнемётам. Стационарным мощным сканнерам. Истребителям, танкам. Бомбам и минам-ловушкам! Чтобы весь «арсенал» – как у взрослых!

Ну и ладно – не первый раз «встречаются». Он вычислил её слабые места. Она – слишком консервативно мыслит. Обычно придерживается излюбленных шаблонов – что в плане тактики, что в плане выбора оружия. И ловушек. Слишком мало у девчонки подлинной изобретательности, чтобы соорудить *действительно* сложный Лабиринт. Уж больно сильно она привержена к «азбучным» истинам Учебника, и стереотипам!

Так что выбирая этот тип единоборства, она только себе же делает хуже!

Ага, вот в чём дело.

Оказывается, это просто огромный Дом. И в нём, в одной из комнат-тайников, по Правилам должен находиться вожделенный Приз. И его задача отыскать, и захватить (Причём – обойдя хитрые ловушки и ложные призы… А задача Черри – поймать его, убить (Ха-ха! Вот уж это – фиг вам!..), или обездвижить!) этот самый Приз в отведённое время. Которого у него – пять часов. Не-е-ет – уже четыре пятьдесят! Проклятые дроны!..

Чувствуя себя последним идиотом, Билли всё же решил на всякий случай обойти вокруг Дома – мало ли! Может, проще попасть в него через банальный чёрный ход!

Угловатые выступы наружных стен мешали обзору, и то-

порщились – словно комнаты внутри не квадратные и прямоугольные, а трёх-, пяти– и семиугольные, да вообще: с кривыми и косыми, соединёнными под самыми невероятными углами, стенами!..

Ладно, хоть этажа у этого монстра всего три. Да и сам домик, вроде, невелик: не больше чем Парк на их жилом Уровне. Вспомнив о Парке, Билли сглотнул: только вчера он видал, как Черри плавала там, в бассейне.

Дьявол её задери! А хорошенькой она стала! Маленькие твёрдые груди упруго оттопыривают сине-зелёный купальник, а попка… Хм-м… Вот уж не думал он, что за какой-то год его теперешняя противница по Игре сможет отрастить такие приятные на вид (Жаль, что пока не на ощупь!) полушария…

И, вроде, она даже его не заметила – дурака подглядывающего.

Плавать в бассейне, когда он ещё освещался через огромный световой колпак натуральным солнцем, Билли не любил. И старался делать это ночью – в полумраке дежурных ламп. Он до сих пор стеснялся своих волосатых ног. Пока был маленьким, видать, слишком серьёзно воспринимал шутки в свой адрес по этому поводу…

Комплекс?

Нет, уже пройденный этап. Но вот Черри…

Ему буквально стыдно выигрывать у неё теперь – после того, как присутствовал при почти интимном моменте: она,

забыв прикрыть плотно дверь кабинки, и не видя его, почему-то постеснявшегося подойти и поздороваться, (Ведь ничего предосудительного в том, чтоб посмотреть на девушку в купальнике – нет!) и так и прятавшегося за углом коридора, переоделась в сухое. Да так, что узкая щель позволяла разглядеть там, в глубине, мраморно-перламутровый упругий бок… Без всякой положенной одежды.

Так. Билл! Хватит отвлекаться, вожделенно облизываться, и глотать слюну!

Очень похоже, что девчонка прибегла к такому нехитрому способу, чтобы отвлечь, рассеять его внимание. Переключить с концентрации на Игре – на воспоминания о миниатюрном точёном теле (Явно пошла в мать – на ту до сих пор все мужчины их Уровня, да и не только их, пялятся: как на классическую статую греческих скульпторов!) и на связанные с этим эмоции! Вот только откуда узнала, что он обычно приходит к бассейну в этот час – когда все уже поужинали, или даже ложатся спать?..

А что – Правилами такое не запрещается! В-смысле – пытаться сбить его с толку.

А то, что он до сих пор стесняется плавать днём, знают все сверстники… Кто-то проболтался? Случайно видела? Или… Ладно – плевать. Он должен исходить их худшего варианта – его… Пытаются *отвлечь*!

Но вот он и снова перед «парадным» входом. Других дверей нет. (Или – слишком хитро замаскированы! Прямо как

у него в прошлый раз! Решила перенять хитрый приёмчик?) Но ручной сканнер-то не врёт: нету – значит – нету!

Деваться некуда – надо входить. Если, конечно, он хочет выиграть. (А хочет ли он?! Вот уж правда – после вчерашнего просто… Реально стыдно. Стыдно выигрывать у такой… Такой… Билл!!! Прекрати это немедленно!)

Он поднялся по трём ступенькам крыльца, осторожно пробуя их ногой, и стараясь на всякий случай не касаться перил с резными вычурными балясинами. (Не лень же ей было!..)

Дверь открылась легко – на ней не оказалось даже простых, а не то, что – хитрых замков. Как не оказалось и ловушек – за ней. Присевший в боевую стойку Билл выпрямился во весь рост. Просканировал, а затем и простукал, войдя, пол и стены первой комнаты.

А прихожая-то невелика – всего шесть на шесть футов. У них дома туалет больше! Что же – здесь все комнатки будут как в игрушечном кукольном домике?! Впрочем, с Черри станется – она и в детстве обожала кукол и вот такие гротескно-миниатюрные…

Чертыхнувшись, он сплюнул.

Три двери. В каждой из стен. Начнём с левой – уж если попал в Лабиринт, надо быть последовательным.

Ага, вон оно как.

Эта комнатка ещё меньше – двери только-только помещаются в стенах.

Да что же это за издевательство! Если следовать логике, к концу поиска он будет еле-еле помещаться в чёртовых – не комнатах даже – а ящичках!..

А-а, вот оно в чём дело! А Черри-то… Куда хитрее, чем ему казалось.

Знает, что его любимый художник – Сальвадор Дали! Вот и хочет сыграть на ассоциациях – это же у того лейтмотивом многих ранних картин проходят всякие ящички, шкафчики… И непривычно изогнутые стены – как часы на картине «Время». Ничего – он всё равно прорвётся! И никакие хитрые уловки и демонстрация точёного тела его не… Чёрт. Опять отвлёкся на воспоминания о… Отбой! Билли!!! Хватит!!! За дело!

Он начал снова с левой двери. Очередная узкая комнатка – наружная стена прослеживается глупым ломаным изгибом. Значит, ему – сюда. Дверь открылась снова подозрительно легко. Он вошёл. Вот блин!

Как только он перестал придерживать предыдущую дверь, та захлопнулась.

Он не поленился: вернулся и снова открыл её. Отпустил – закрылась. Хм-м… Пружина? Нет, на них в Лабиринте уходит слишком много материала. Что же тогда?

Ах, вот так. Дверь-то – закрывается просто потому, что косяк стоит наклонно: то есть – только под собственной тяжестью. А молодец. Раньше ей никогда в голову бы не…

Где это она набралась оригинальных решений и техноло-

гий?.. Неужели…

Курс прошла?!

Но это же – бешенные деньги! И его родители вряд ли согласились бы дать ему… А он так хотел! А ей?! Неужели ей её ма и отец – оплатили?!

Чёрт, поверить невозможно! Маленькое состояние!.. Заграничный отпуск – не меньше! То есть, то, с помощью чего «утирают нос» соседям и друзьям – *Престиж*!

Но если и вправду девчонка прошла Курс Креатива, ему нужно быть ещё внимательней. Да, очень похоже, что вчерашняя демонстрация являлась первой частью её Плана. О которой, впрочем, в представленных Рефери документах не окажется ни слова… Вот хитрущая …опа!

Правда, жутко сексапиль… Билл!!!

Осознавая, как уши и шею заливает жар румянца, он отошёл от захлопнувшейся двери и двинулся снова в левую дверь. На методичный обход и скрупулёзный осмотр даже первого ряда время так и так уйдёт…

Через полчаса он опять оказался там, где и начал – в Прихожей.

Об этом недвусмысленно сказал наручный навигатор. Ну что – планомерно обследовать второй ряд клетушек-комнат, или сразу «броситься в омут с головой»?

Шишь тебе, красотка. Тоже мне – «Роковая Соблазнительница» выискалась…

Он всё ещё способен мыслить стратегически. Да, спосо-

бен. Вперёд – во второй ряд! Последовательность и аккуратность – его козыри!

Через пятнадцать минут он разобрался и со вторым, а ещё через десять – и с третьим рядами. Сквозь комнатки он теперь не проходил, а буквально пролетал, только и успевая, что прощупать все пространства за стенами в поисках скрытых ходов и ловушек.

На первый этаж-ярус ушло больше часа. (Блинн!..)

Переход на второй оказался (Ну конечно – можно было догадаться! Она же знает, что он любит действовать методично и последовательно!) точно в центре – в особенно тесной, тёмной – стены зачернены! – и угловатой ромбовидной комнате. Вот в её углу колодец вертикальной шахты с проёмом, и со скобами лестницы внутри, и поджидал его.

Билли утёр обильный пот с лица и шеи. Ну и духота здесь! Или это – хитрый способ как можно быстрее утомить его? Весьма примитивно: у него есть климатизатор в комбинезоне. Вот только надо включить… Он включил. Сразу охлаждающие трубки отвели избыток тепла от разгорячённых мышц. Баран, почему он сразу этого не сделал?.. Забыл?

Ну, если следовать логике, которую всегда до этого применяла Черри, Приз спрятан прямо над ним, на втором – так как в прошлый раз он сдуру полез сразу на третий, поскольку в позапрошлый раз она… Чёрт! Нельзя исходить из этого! Исходить, как он уже думал, надо из худшего: она прошла Курс, она знает его, как облупленного, и она… Она…

Точно – баран! Как он не догадался!..

Он спустился с половины высоты, на которую успел залезть. Оставив позади колонну с проёмом, вернулся в Прихожую. Методично?.. Ага!

Тень на сканнере – вовсе не край наружной стены, и не угол! Это – вход!

Он ощупал всю прилегающую стену и косяк двери… Вот. Замаскированная кнопка.

От открывшегося прохода – узкой щели – пришлось откатиться, а затем и выбежать через входную дверь наружу! Он уловил еле заметное движение пошедшего изнутри воздуха. И сразу (Ну, пусть и не сразу – но дыхание инстинктивно задержал!) догадался, что это – усыпляющий газ!

Пришлось вставить в ноздри чёртовы фильтры. Он знает, конечно, что и так не красавец. А уж с дебильными тампонами, торчащими до рта – вылитый вампир-мутант…

Ладно – вперёд.

Он еле протиснулся в узкий тёмный зев – мешал чёртов бронежилет. Но без него… Вот уж – не дождётся! Не даст он ей такого шанса.

Спускаться по узкой – только-только протиснуться! – винтовой лестнице оказалось утомительно. Похоже, Черри половину материалов потратила на Подземелье.

Да будет когда-нибудь конец этому спуску?! Или…

Страшная догадка уже разъедала его мозг! Но не проверив – не вернёшься!..

Дойдя до тупика в конце он не удивился, а только тщательно просканировал пол и стены – ни-че-го. Стены лестницы он проверил по дороге – точно, пустышка!

Ну и …учка! Как она его!.. Купила. Или он купился сам. Теперь-то можно поспорить – его психологический профиль у неё куда подробней, чем у него – на неё. Блинн-два.

Поднимаясь из чёртова подземелья, он уже не сканировал – знал, что и без ловушек его загоняли куда сильней, чем обычно. На сканирование-спуск-подъём из ложного подуровня-подвала ушло почти полчаса.

Непозволительная роскошь! Осталось чуть больше двух из отведённых пяти!

Бег*о*м – к лестнице! Проклятье!

Зар-раза такая! Она перетасовала комнатёнки! Словно кубики конструктора для трёхлеток. Но как ей это?.. А-а, вот как: все стены на шарнирах и рельсах… Нет, на колёсах – и направляющих! Ну-ка, ну-ка… Он разберётся: следов передвижек с такими несущими деталями не скрыть!

Точно! Тепловизор выдаёт чуть более тёплые следы там, где тёрлась поверхность о поверхность, и ролики об… Вот. По следам и пойдём.

Наконец он снова выбрался к лестнице в трубе.

Сто*и*т перед ней как идиот, и боится. В прошлый раз прошло отлично – влез почти до верху, даже не задумавшись… А что же его удерживает сейчас?.. Страх? Инстинкт?

Сняв рюкзак с запасным оборудованием, он высоко под-

бросил его внутрь шахты.

Ура! Сработало! Хорошо, что она не догадалась установить датчики на вес! Ловушка включилась, похоже, от простого фотоэлемента. Вот он и остался без рюкзака.

Потому что чёрные опалённые ошмётки уже не содержат ничего столь необходимого: ни гамма-сканнера, ни акваланга. Ни даже кевларового покрывала с антирадарным покрытием. Чёртово покрывало сплавилось в ломкую блестящую тряпку…

Подобрав и сунув в карман комбеза откатившийся к ноге счётчик Гейгера, Билли снова заглянул в трубу. Нет, ничего там не изменилось: отверстие выхода под сплошной пробкой отлично видн*о*. Он стал подниматься. Правдоподобие, мать его: в ноздри бьёт вонь, как от палёных перьев.

А зря он посчитал, что она не установила и датчик массы: установила.

Это он понял, когда ступени-скобы вдруг подались под ботинками. И он со всего размаху грохнулся обратно, на пол чёртовой трубы – бетон! И пять метров. Что это значит в смысле нанесённых ему травм?

Так, проверим наручный индикатор процесса Игры: перелом лодыжки и сотрясение мозга. Ушибы ягодиц, два сломанных ребра … Спасибо, хоть не добила снова отравляющим газом, или ещё какой бактерицидной заразой.

Пожалела? Даёт шанс?..

Да, она его знает. Он будет упираться – это ещё не конец.

Он сможет двигаться, хоть и придётся наложить шину и повязку.

Прутья для шины не пострадали: они хранились в боковом контейнере, пристёгнутом к бедру. Бинты – в аптечке. «Выпив» обезболивающего, он наложил шину на «сломанную» ногу. Время, время… Час пятнадцать. Ничего – ещё можно успеть. Он снова вошёл в шахту в трубе. Ничего не изменилось. Вроде.

Втыкая в стены колодца виброкинжалы, он смог подтянуться до выходного отверстия и без опоры на «сломанную» ногу. (Вот хорошо, что на занятиях физподготовки не сачковал. Да и на Курсе выживания «бойца спецназа» – тоже.) Так. Над головой – бетон. Ладно, он позже подумает: закрыт с гарантией путь наверх через трубу, или это хитрая…

А пока – второй уровень. Доступен. Ну-ка, что здесь у нас?

Для разнообразия – зеркал*а*.

Ну что за паршивка! Вот сейчас, конечно, ему особенно приятно любоваться на свою перекошенную озлобленную физиономию… Красную от натуги. И продолжающуюся в бесконечность – уж тут стены строго под прямыми углами…

Ну что: будем зеркала – бить? Или надумаем придерживаться дурацких примет, что разбивать их – к беде?..

Он со всей силы грохнул по ближайшему зеркалу рукояткой кинжала.

Блинн-три. Можно было догадаться. Зеркала-то – из кев-

лита. Только покрыты сверху алюмопленкой… Вон – снова возникла его морда с огромной царапиной от соскользнувшей рукоятки. Но как же – плиты-стены? Должны как-то сдвигаться… Поворачиваться. Содержать двери или проходы. Это – обязательное условие для любых Лабиринтов!

Он стал нажимать, пытаться повернуть, отодвинуть…

Нашёл! Стена слева поворачивается. Стена прямо – поднимается вверх, как шторка. Справа – ситуация потяжелей. Нужно стаскивать «стену» на пол, и раскладывать на нём, наступив. Иначе – снова поднимается на место, вот тут уж точно – на пружине!

Начнём-ка с того, что полегче – такого она *от него* уж точно не ждёт!

Он двинулся вперёд, поднимая все стены-шторки перед собой. Отлично.

Впрочем – не совсем. Шестая шторка отказалась подниматься – ей, понимаешь ли, требуется «поворачивание» Так. Смена алгоритма. О,кей – он всё равно поднимет то, что должно быть поднято.

Действуя уже без логично выстроенной системы – н*е*когда! – он двинулся вперёд, влево, вправо – поднимая то, что можно оказалось поднять, или поворачивая, или подминая. Сосредоточенно-нахмуренное лицо в зеркалах снова было покрыто бисеринками пота – он утирал его уже просто рукавом, или рукой, поскольку трудяга-климатизитор явно уже не справлялся. Ну, вроде, всё.

И вот перед ним куски и фрагменты помещений Второго Уровня, с частично удалёнными и повёрнутыми внутренними перегородками… Ну, и что?

Да ничего: выхода на Третий он так и не нашёл!

Жуткий вопрос – а есть ли он? Или хитро…опая красотка сделала вход на Третий – тоже с Первого? Раньше она так иногда и… Хм-м… Ничего не скажешь – запутала, морда бесстыжая. Сексапильная конфет… Би-и-илл! Хватит.

Но сдаться!.. Невозможно. Тогда у Черри прибавится ещё два балла. За «досрочную победу в следствии добровольной сдачи Противника». Обидно. И ведь никуда не денешься: вместо того, чтобы размышлять, анализировать, и бороться, он мысленно всё продолжает и продолжает раздевать её, обнимать, и гладить восхитительно прекрасное тело…

А ведь видел-то – только кусочек б*о*ка!.. Вот уж поистине – богатое воображение имеет и обратную сторону!

И в данном случае оно – его враг!

Ладно. Сделаем то, чего раньше никогда не делали. Может, это поможет.

Билли уселся, сложив усталое тело в позу лотоса прямо на пол у шахты со стенами, ещё хранившими дырки от его кинжалов. Сосредоточился. Переходное состояние… А ведь никогда он не пытался войти в него в столь неподходящих условиях!

Мысль, наконец, воспарила. Зная, что он сейчас беззащитен, Билли плотно прижимался спиной к единственной

устойчивой стене – трубы-шахты. Будем надеяться, что активной обороны Черри не ввела…

Вот «наружный» взор осматривает Второй… Странно – здесь вообще ничего нет. Только зеркал*а*. А Вход на Третий… Прямо за его спиной. В единственной прочно стоящей стене трубы.

Ну правильно, в принципе: что-то же должно поддерживать, помимо наружных стен, крышу и центр Лабиринта: у любого, даже самого прочного материала, есть предел этой самой прочности…

Билли «вернулся в тело». Встал. Развернулся к стене-колонне.

Потаённые кнопки и прочие выкрутасы искать некогда, хотя они наверняка есть – раньше всегда быва… Стоп. Вот именно этого она от него и ждёт: потери времени на прощупывание и поиск!

А вот нет же!

Простукав панель прямо перед собой, он встал на цыпочки: бетонная пробка кончалась высоко. Уверенно вогнал вибролезвие в точку, куда могла дотянуться рука…

На «выпиливание» непослушного плирисса ушло драгоценных пять минут.

Хорошо хоть, металла-арматуры в нём – только сеточка…

Он подтянулся – руки целы. Пока. (Тьфу-тьфу!) Внутри темно.

Странно. Неужели он должен ползти словно червяк, протискиваясь… А придётся. Поскольку «просачиваться» сквозь пол-потолок он пока не научился.

Он «вполз» внутрь трубы. Воспользовавшись снова кинжалами, поднялся на следующие пять ярдов.

«Пропилил» очередное отверстие. Вылез наружу, поминутно ожидая выстрела в спину, или аэрозоля яда в лицо. Кинул на пол ботинок, снятый со «здоровой» ноги… Однако даже когда он сам ступил на пол, ничего не произошло. Он подобрал и снова обул полусапог на ногу. Осмотрелся.

Пустое пространство со стенами, похоже, просто передающими наружные вычурные изгибы. Вот уж Архитектором Черри точно никогда не стать – разве что совсем уж Великим и Гениальным: слишком нерационально использован материал… Ну, это – на его взгляд. А взгляд самой «создательницы», похоже, теперь сильно отличается от традиционных приверженностей к чёртову Учебнику. (Вот уж показала она ему – свою «традиционную приверженность шаблонам». Ничего не скажешь: уделала по-полной…)

Хватит. Зайдёт-ка он *за* центральную опору.

Вот он и Приз. А где же привычная подставка-стол? Почему сверкающая упаковочной плёнкой и ленточкой с бантиками коробка стоит прямо на полу в остром углу?

Ага: уж это-то – точно Ловушка!..

Билли не торопясь (Хотя время поджимало!) обошёл помещение. Так, окон никаких. Пол – из кевлита. Странно.

Почему – не наоборот? Это же несущая центральная колонна-стена-вход, по идее, должна быть из чего попрочнее. Смысл здесь наверняка есть… Или – очередная лже-ловушка? Чтобы он обдумывал. И боялся двинуться к…

Отойдя назад к центральной опоре, и воткнув в неё кинжал, он вцепился в рукоятку левой рукой. Правой же изо всех сил метнул в «Приз» оставшийся кинжал.

Сработало. Именно так, как он и думал.

Ну и что теперь ему, безмозглому барану, делать, вися на единственном кинжале, на высоте двенадцати ярдов над полом первого Уровня, до которого опали все перегородки-зеркала-стены, и – главное! – монолитно-непробиваемые полы?!..

Покряхтев, он достал отпорный крюк. Воткнул как мог дальше, перенёс вес тела. Теперь – кинжал. Теперь – снова крюк. Вот и пробитое отверстие. Но лезть в него…

Нет уж – учёные. Память чётко показывает: ниже второго Уровня центральная несущая колонна из бетонита. А глянув внутрь, он понял и то, что нижнее отверстие колонны уже перекрыто щитком. Тоже, наверняка, бронебойно-неподдающимся. То есть – залезь он, как идиот, вовнутрь, и спустись до первого, и – всё! Он – в надёжнейшей Ловушке!.. А вернее – мышеловке. За *такое* – ещё балл…

А хитр*о*, хитр*о*… Молодец, хоть и девчонка.

Достав трос, он защёлкнул карабин на хвостовике воткнутого в стену крюка.

Спуск прошёл гладко. До такой степени гладко, что он ступил на пол настороженный до дрожи – ну, что?!..

И точно! Карбоновые нити, хитро скрытые до этого во всех этих чёртовых углах, уже натянулись, и понеслись к колонне-трубе, на которую он опирался вспотевшей несмотря на чертов климатизатор, спиной… Теперь их причудливому движению-танцу ничто, конечно, не мешало! А спрятаться – некуда! Люка и правда – больше нет!..

Он ещё успел увидеть, как отделённое от туловища зрение откатилось на несколько шагов, когда первая нить отрезала голову… Чистая победа – ничего не скажешь.

Черри почему-то было не радостно.

Что это – жалость? Ч-чёрт… Похоже, что и жалость. Бедный Билли – ему ещё никогда голову не…

Плохо. Если это чувство будет и дальше оставаться в глубине сознания, тяжким камнем лежать на совести, она не сможет… Перестроиться для новых побед.

Ладно – она знает выход. Она – извинится! Хотя и победила честно. Без применения запрещённых приёмов.

Сегодня тугие струи почти кипятка не приносили чувства расслабления, и удовлетворения от того, что победила… Будь она неладна, эта «победа». Она растиралась губкой-массажёром без обычного азарта.

Получается, выиграть – даже ещё хуже, чем проиграть. Если, конечно, выиграть у *Билли*. Он… Он, похоже, стал ей

действительно небезразличен.

Как это произошло?! Когда?

Неужели разрабатывая и приводя в действие коварный план по «ослаблению концентрации внимания», она и сама… Ослабила это самое внимание?

Влюбилась?..

Ну что за чушь! Нет – она лишь старалась во что бы то ни стало победить!..

Ну вот и победила.

Почему же нет того радостно-беззаботного чувства от чистой Победы, которое она до этого всегда?..

Почему она ощущает стыд – *стыд*! – вместо торжества над поверженным Противником? Который доставил ей столько хлопот и унижений своими… А слёзы?! О-о!..

Ну и скотина этот Билли: он, даже проиграв, похоже, одержал верх. Хотя бы над её… Чувствами?

Да, в Курсе Мотивации и психоанализа ясно сказано: из жалости тоже может возникнуть…

Любовь.

Но *почему* ей жалко этого придурка? Ведь он, выигрывая, всегда подтрунивал, посмеивался над ней… Пусть и беззлобно… Никогда не переходя ту грань, где… Почему же она не может так же?!

Вытираясь махровым полотенцем, она невесело усмехалась: победа-то… Пиррова!

Ну и чёрт с ней. Это сейчас ей стыдно. И это вовсе не

значит, что в следующий раз она поддастся… Нет, лёгкой жизни Биллу не будет, какие бы чувства она к нему…

Этот паршивец ждал её под старым эвкалиптом у выхода из Центра.

Скотина изобретательная – где он умудрился так быстро достать *розу*?!

Да ещё её любимого цвета – тёмно-бардовую… Почти чёрную.

Она застыла в трёх шагах от него, словно студень: по телу разлилась странная истома и слабость – казалось, сделай она ещё шаг, и она растечётся прямо по асфальту бесформенной безвольной лужей!..

Лицо пылало – наверняка то, что она покраснела, заметил и он.

Билли, кажется, понял её состояние – подошёл сам. Медленно, словно тоже не совсем в себе уверен… Видно, каких усилий ему стоит заговорить – он два раза сглотнул!..

– Это… Тебе! Ты… сегодня играла, как никогда! Чистая победа! Поздравляю…

– С-спасибо. – несмотря на все курсы поведенческих реакций и железное самообладание, она почувствовала, как краска снова заливает лицо, перебираясь на шею, и ниже – на грудь и…

Какие у Билли, оказывается, выразительные глаза! И в них…

– Прости меня, пожалуйста. За то, что выигрывал у тебя

до этого. Это оттого, что я хотел доказать тебе… Нет, не то! Извини ещё раз – это трудно. Сказать тебе, что я…

Люблю тебя. Вот. – он перевёл дух, открыто улыбнулся, – Не думал, что смогу. Однако: вот уж где нужно реально набраться смелости! Я… – его улыбка вдруг завяла.

Она просто замерла, боясь спугнуть робкое признание такого мужественного во всём остальном п*а*рня… А он, похоже, её неподвижность расценил как равнодушие, или, ещё хуже – неприятие, и начал разворачиваться, чтоб уйти:

– Прости, если тебе неприятно, то я больше никогда…

Ну что за баран! Дудки! Такого парня она никому не отдаст!

Но смелости для этого надо… А он-то – кое в чём прав!..

– Билл Уотс! – её голос звенел повелительными нотками, такими, что проскальзывали в голосе у матери, и которые она бессознательно в детстве, и вполне сознательно сейчас, старалась использовать и сама! – Ну-ка, повернитесь ко мне лицом. – он так и сделал, – Извольте не убегать, а принять Ответственность!.. За…

Честно завоёванную девушку!

В глазах Билли – и страх, и неверие в своё… Счастье.

Боже, как он ещё наивен!..

А что: роскошный материал! Из почти такого её мать и вьёт традиционные верёвки! Но вот он и подошёл почти вплотную… Откроет-ка она ещё пошире глаза – они как и у матери, огромные и бездонные: действуют… Неотразимо!

Отлично. Захватив эту Крепость окончательно, (Уж она-то знает – кто кого на самом деле взял в плен!..) и положив изящные теплые ручки ему на мускулистую грудь, она решила, что лучше всего не «играть» в эмоции, а просто… Сказать правду:

– Ты настоящий баран, Билли, раз не разглядел до сих пор, что я-то тебя уже давно… – она не успела договорить: рот оказался запечатан поцелуем!

Таким неумелым, но – таким страстным и обжигающим! И объятья его – жутко неуверенные! Нежные. Словно он боится повредить её, такую хрупкую, прямо как хрустальная ваза!

Деловито обхватив его за шею, она показала, что вовсе не так хрупка и скромна!..

Когда Билли смог перевести, наконец, дух, выговорить он смог лишь одно слово: «Вау!!!»

Она ткнула его остреньким тренированным кулачком в ребро:

– Рёбра-то – не болят? Дышать можешь?

– Да плевать на них три раза – можно мне ещё… Порцию лучшего в мире лекарства?!

Хм… Смотри-ка. Оказывается, он может говорить и комплименты.

На этот раз отдышаться пришлось ей. Билли сказал:

– Прости. Я… Теперь не смогу быть твоим Партнёром по Играм… Это… будет нечестно: вместо того, чтобы обост-

рять твои способности, я, как расплывшийся от солнца, но счастливый пломбир, буду поддаваться…

– А я уже говорила тебе, что ты – балда? Конечно, нам придётся сменить Партнёров! Но – только для Игры! Понял? Никуда я тебя теперь не отпущу! Попался, голубчик.

– Бессовестная ты морда. Давно я попался… Но ты уж на полпути не останавливаешься: тебе надо было добить меня!

– Ага. Ты всё-таки догадался – про бассейн… И кабинку…

– Да. И вообще… У меня все кишки сводит, как вспомню… Это ты в Курсе узнала, что лучше показать только маленький кусочек, а воображение всё сделает само?

– Ах, скажите пожалуйста!.. Наконец мы по достоинству оценили наше божественно стройное тело! Ну-ка, быстро: обними его, чтобы лично убедиться, что никакие Курсы настоящей женщине вовсе не…

– …нужны! А тело-то – оно именно такое и есть! – Билл поторопился так и поступить, уже несколько более смело ощупывая те места, которые до этого ему позволялось только рассматривать.

Ладно уж, пускай полапает – с неё не убудет! Тем более что ей и самой это… нравится. И ещё как.

На этот раз она отстранилась первой:

– Хватит! А то у меня губы распухнут – и ма будет волноваться.

– Ох… Об этом я не подумал…

– А о чём ты вообще подумал? Кстати, где ты успел достать…

– Заказал по экспресс-доставке. Сразу после Игры.

Она вполне оценила подвиг. Во-первых, он проглотил горечь от поражения.

Во-вторых… Наверняка потратил все Бонусные очки и личные деньги.

Приятно. Да и ноги его… Хоть и волосатые, но… Если уж быть честной перед самой собой до конца – всегда интриговали её. Пожалуй, привлекали. Кстати, и форма у них… Классическая. Как у древнегреческих атлетов. Она хитро улыбнулась:

– Ну, и чего мы сто*и*м? Ты собираешься провожать свою Девушку домой?

– Да!!! О, да. Прости, пожалуйста, я как-то… – сразу видно, что она у него – первая. Тем хуже для него. Конечно, с её стороны не совсем честно… Но лучше, как показывает пример её матери – когда *мужчина* любит сильнее!

Продев ладошку в подставленный сгиб руки, она поплыла рядом, не слишком сильно – чтоб не зазнавался! – прижимаясь к его напряжённому боку. Она знала, что издали они смотрятся изумительно: огромный широкоплечий и стройный Билли, и она – миниатюрная, с осиной талией и округлой… Ну, тем, чему полагалось быть округлым.

– Черри… Прости, что спрашиваю… А всё-таки: где был Приз-то?

Она фыркнула: надо же! Он всё-таки может думать не только о её симпатичной попке!

– Ты в Дом входил через Парадное?

– Ну… да. Там же не было других входов!

– По трём ступенькам поднимался?

– Подни… Ну я и балбес! Вот уж уделала, так уделала!.. Нет, тебе точно нужен другой Партнёр! Я уже реально туплю, особенно, когда глажу…

Чтобы он не гладил слишком уж интенсивно, пришлось шлёпнуть ему по руке!..

Впрочем, не слишком сильно.

Кайл был доволен.

Это именно он предложил своей банде пойти сегодня к пирсу номер восемь: он знал, он чувствовал, он *услышал*, что как раз сегодня произойдёт что-то именно *такое*!

И вот – и правда: оно произошло!

Правда, им пришлось, спрятавшись за ящиками у дальнего подъездн*о*го пути, долго наблюдать, как методично и нудно происходит загрузка в чрево очередного монстра – межконтинентального транспортника – очередной партии контейнеров с обычной «гуманитарной» помощью: медикаменты, одежда «сэконд хэнд», игрушки, одеяла. И, конечно – главное: продукты питания!

Кайл нервничал: здесь, вблизи от открытого сейчас наверху гигантского люка, через который ослепительно сине-

ло чёртово небо, всё казалось неправдоподобно резким, чётким, контрастным – не то, что в привычной для их глаз полутьме коридоров родного Уровня. Им, несмотря даже на черные защитные очки, приходилось всё время щуриться, и закрывать глаза – чтоб дать им отдых от этого слепящего света… Вот уж поистине – к *такому* надо привыкать с детства!

Транспортник, лежащий дном на опорных балках, с выключенным полем стасиса напоминал не корабль, а, скорее, чемодан с чуть закруглённой кормой и носом – чтобы легче было преодолевать сопротивление воздуха, но и чтобы побольше контейнеров помещалось. С расстояния в три сотни шагов скрадывалось ощущение его подлинного размера, и догадаться, что он повыше иных небоскрёбов, можно было только в сравнении: копошившиеся у борта на пирсе люди выглядели чисто как муравьи!

Но вот оно, наконец!..

Крановщик, переносивший к среднему трюму контейнер с маркировкой как раз пищевых продуктов, вдруг что-то – не то – специально сделал, не то – недоглядел!

Ну правильно! Здесь-то работают по-старинке! С «рычагами»! Без всех этих идиотских шлемов, которые первые же тебя и предадут, так как всё «приказанное» записывают!

Контейнер, грохнувшийся на пирс с высоты сорока метров, раскололся по швам!

Масса докеров, подсобников, сортировщиков, и вообще – всех, кто в этот момент оказался в прямой видимости и слы-

шимости, (А уж *не* услышать *такое* – под силу только глухим тормозам!) кинулась вперёд, и поспешила расхватать: кто сколько смог унести!

Ну вот и банда Кайла от них не отстала! Чтобы пробежать триста ярдов, нырнуть внутрь похожего на расколотый арбуз монстра, схватить, и ломануться снова в спасительную полутьму коридоров и проходов, понадобилось не больше минуты! Даром, что ли, тренировались?!

Тяжело нагруженные, они поспешили «замести следы», петляя и поворачивая за углы, и посып*а*я пути отхода молотым чёрным перцем и горчичным порошком. И снова пшикая хлорноизвестным и капролактановым аэрозолями из баллончиков.

Теперь и Пёс их не отыщет!

Кайл крикнул своим, чтобы сняли, наконец, чёрные капюшоны – дальше видеонаблюдения не было. А дышать в масках становилось тяжеловато. Да и голова потела!

– Кайл! Мы это далеко не утащим! Или… Придётся чего-нибудь бросить! – Локус, ещё не совсем отошедший от трёх сломанных лидером Акул рёбер, задыхался, и приотстал. Зелёно-жёлтый мешок с арахисом, который он тащил на спине, уже очень явственно пригибал его к полу, и колени дрожали, словно рабочий стол виброгрохота.

– Ничего мы бросать не будем. Мы просто дотащим всё это до нашего склада номер три. А потом раздадим друзьям и родственникам.

– Ну… Тогда пусть кто-нибудь поможет мне, а?!.. А то я совсем сдыхаю!

Кайл оценил состояние Локуса. Скомандовал:

– Эй, гайзс*! Валите всё добытое сюда! – показав на место в тупичке коридора.

* Слэнговое – ребята.

А неплохо, чёрт его задери, неплохо. Добыча вполне… Впечатляет.

Тупичок же давно знаком. Загодя, давно, тоже обработан перцем и синтетическими антибиотиками. Тут можно и отдышаться, и перераспределить тюки, коробки и мешки. Да и перчиком и хлоркой и капралактаном снова вокруг всё присыпать и распылить.

– Классно. Слышь, Кайл… – это влез Бомбер. – А откуда ты узнал, что сегодня тоже будет… Ну – Бух!.. – он показал, как падает и раскрывается контейнер.

– Откуда, откуда… Сор*о*ка принесла на хвосте! И вообще – меньше будешь знать, не сболтнёшь чего лишнего… И сроком поменьше отделаешься, если на хвост упадут копы! Всем ясно? Если что – вал*и*те всё на меня – я уж как-нибудь переживу… О,кей?

– Да, босс! – все поторопились покивать, показывая, что им совсем не интересно, откуда Кайл узнал про возможность неплохо разжиться халявной жрачкой.

– Ладно, хватит. Отдохнём там, в складе. – Кайл погремел в кармане старинными ключами от давно заброшенного пак-

гауза их Уровня, который они смогли вскрыть методом занудного подбора этих самых причудливо изогнутых и выпиленных железок, – Ну-ка, вот ты, Пит – бери вот эту хрень. А ты, Локус, потащишь теперь эти тюки. – в тюках, которые до этого тащил сам Кайл, похоже, была сахарная воздушная кукуруза: объёмистые и неудобные, они оказались нетяжелы. – Вы четверо – поровну раздел*и*те остальные мешки. Готовы? Ну, вперед, дети шакалов: я – замыкаю.

Однако всё равно: пришлось ещё два раза отдыхать, сыпать перчик, пшикать, и потеть, пока добрались до своего «склада» в обход: так, чтобы не попасться в поле зрения видеокамер.

Когда всё рассортировали, и подкрепились кое-чем из добытого, Кайл довольно ухмыльнулся: а хорошо, мать его!.. Пусть пища в-основном и простая, но – питательная! Гумпомощь же! Теперь точно можно побаловать и подруг, и «бедных» родственничков, которые всегда так униженно благодарны, что аж стыдно…

Но – аккуратно. По чуть-чуть. А не так, как в прошлый раз, когда сразу всплыло море ненужных вопросов: «Ух ты! Как много всего! И откуда оно – …?!»

Жаль, недолго им осталось: через год кончается Учебка, и придется, как те же докеры и ремонтники, впахивать где-нибудь в доках же… После достижения совершеннолетия обзавестись семьей. Веселуха закончится, пойдет бытовуха. Пахота на работе, вечные «разборки» дома. В семье.

Бедный отец. А сам Кайл уже не может даже находиться рядом с ма в те моменты, когда та не занята сериалами… Да и у его парней та же хрень. Как и у их отцов. Чего ж удивляться, что все эти самые отцы вечерами до с*а*мого отбоя торчат по пабам!

Перспективка…

Ну и ладно! Придет время – и всё…

Решится как-нибудь само собой. А пока он ещё год может об этом не беспокоиться! И продолжать *слушать* ценные Советы!

Эх, где же ты был год назад, гадский «внутренний голос»?!

До того, как сволочь Дэн сломал ему ногу в трех местах.

Тогда они смогли бы хоть нормально питаться, и тренироваться столько, сколько надо для поддержания «крутой» спортивной формы, а не так, когда ноги буквально трясутся, и еле держат, когда выходишь из качалки: ещё бы – со скудного пайка нулевиков…

2.Фаршированная индейка

Дайана опустила руку только когда двери лифта закрылись за подругой.

Красивая всё-таки эта Черри – вот на кого бы ей хотелось быть похожей! Черты лица – правильные, какие-то… Благородные, что ли. Фигура, правда, почти как у неё самой, но сиськи уже б*о*льше. И восхитительной формы. Такие должны возбуждать мужчин, и одновременно не выглядеть карикатурно – как, например, сиськи Вайноны Рассел, которые чуть не лезут из телевизора в комнату почти в каждом её шоу…

Вздохнув, и повернув голову, Дайана посмотрела вдоль улицы. Нет, больше знакомых не видно. Придётся идти.

Впрочем, почему – придётся? Ведь это, по идее, отдых и развлечение. Потому что сидеть с матерью дома, когда идёт её любимый сериал, стало уж слишком… Обременительно. Или, называя вещи своими именами – невыносимо! Запиливает, затуркивает… И, что самое обидное – без повода! Поскольку всю положенную по дому работу Дайана к этому моменту уже сделала!..

Караоке-бар располагался всего в двух домах от их башни, так что после пяти минут неспешной ходьбы Дайана уже толкала вращающуюся дверь, преодолевая сопротивление мощ-

ной пружины. Ладно, по крайней мере сюда шалун Лесли ещё не может забраться, чтобы трепать ей нервы – пружина ещё слишком сильна для него!

Внутри было как всегда шумно, под потолком висел, неторопливыми серо-сизыми потоками перетекая из угла в угол, толстый слой дыма от безникотиновых сигарет, и моргали разноцветные светодиодные панно: складывая то кумиров телевидения, то сценки из мультиков, то клипы, но куда чаще – назойливую рекламу.

Оглядев плохо освещённый зал, Дайана наконец увидала кое-кого из знакомых: вон, во второй кабинке тужится что-то выдавить из своей прокуренной глотки Перси Масл. Подумаешь, баритон нашёлся: весь его голос – сплошное самомнение! Так как нету у него его. А кто это с ним? А-а, Линдси Штрауб. Вот уж Перси остаётся только посочувствовать – где он подцепил эту вульгарную и тупую сучку? Небось, его уже и на пиво успели раскрутить!..

Дайана прошла к стойке. Улыбнулась бармену, кивнула:

– Привет, Алекс! Одно Хейникен, пожалуйста.

Александр, бармен, приветливо улыбнувшись, кивнул ей в ответ. Нет, правда – она отлично видела, когда бармен рад кого-то видеть, а когда его улыбка дежурная и фальшивая, словно объявление на киоске: «Сожалеем, но «Обозрение скандалов Голливуда» закончилось!», и нужно незаметно сунуть под прилавок дополнительную монету, (!) чтобы получить вожделенный свежачок… Ладно, она тоже рада его ви-

деть – всё-таки, парень должен кормить мать-инвалида. И её шесть попугаев.

– Добрый вечер, Дайана! Тебе, как всегда, нехолодное?

– Да, спасибо. – она провела чипом в запястье по сканнеру.

Пить-то, собственно, не хотелось, и она просто сидела на высоком барном стуле, чуть раскачивая его вправо-влево. Наблюдая свою постную физиономию в огромном зеркале за спиной бармена, Дайана подумала, что сердиться, и расстраиваться-то ей, вроде, не с чего. Она и правда, отлично справилась с этим… люлю-кабубом сегодня. Это и мистер Диксон сказал. Причём – при всех! Правда, готовить *такое* своему будущему мужу она уж точно не будет – придётся ему лопать чего попроще…

Не хватало ещё, действительно, провести полжизни у плиты! Вон: мать приспособилась «готовить» из полуфабрикатов, которые только и нужно вынуть из упаковки, да кинуть на тарелку и в микроволновку. И ничего: отец ест, и не возникает! С другой стороны, отец действительно обычно приходит домой уже никакой. Ему не до кулинарных «выпендронов и изысков» своей «дипломированной домохозяйки»! Ему бы побыстрей поесть да помыться. И выспаться. Потому что утром – снова за руль.

Отвернувшись от зеркала, она, вроде бы без всякой цели, окинула взглядом помещение бара. Приглушённый свет и тёмные стенные панели делали его не уютным, как, навер-

ное, предполагалось, а скорее, мрачноватым – ну ни дать ни взять пещера из «Охотников на мамонтов». Или это ей так кажется из-за паршивого настроения?..

За столиками – почти никого. Разве что старикашка Жорж. Ну, он-то здесь завсегдатай, хотя за последние три года никто не слышал, чтобы он хоть раз что-то выдал. Видать, те песни, которые он ещё помнит, уже удалены из памяти автоматов, а новые петь не тянет… Старина Колли тоже в своём углу. Мирно спит, уронив патлатую голову на руки.

А вот и тот, кого она (Признаемся хоть себе-то самой!) втайне мечтала здесь найти.

Так что подойдёт-ка она со своим пивом вон к тому парню во всём чёрном. Она уже дня три к нему приглядывается, а имени до сих пор так и не узнала. Сегодня с ним нет никого из его обычных «дружков»: ни байкера в кожаных обносках, которые тот наверняка горделиво называет курткой, ни его подруги: стервозы с рыжими патлами, и вечным хищно-презрительным выражением узкого лица. Та тоже обычно вихляет тощим задом в миниюбке, и трясёт сиськами в курточке с хромированными бляхами, и вульгарно виснет на гордом хозяине этого самого, точно так же хромировано-навороченного, байка.

– Привет! – она глазами показала на стул, приветливо улыбаясь, – Тут свободно?

Парень поднял голову от айпада, который, похоже, просто разглядывал, ничего не нажимая, и Дайана поразилась: бо-

же, какие огромные и красивые глаза! Правда, волос на голове могло бы быть и поменьше, и щетина на щеках делает лицо не слишком аккуратным, но… Впрочем, нет. Пожалуй, скорее, придаёт мужественности. И своеобразия.

– Свободно. – а не слишком-то он разговорчив, этот красавчик. И тон делано равнодушный. Голос… Да, приятный. Глубокий, сочный. Таким, наверное, можно отлично петь! Хотя она ни разу не видела его даже рядом с кабинками с аппаратурой.

Но – «свободно!» Значит, зацепило-таки его её открытое модное платье. Ладно, на то она и проходит Курс «способы улаживания семейных конфликтов».

– Извини, что подошла. Если ты не хочешь общения, то я, пожалуй… – она чуть развернулась, делая вид, что уходит к другому столику… Ну, что же эта дубина молчит?

Так ей и действительно придётся уйти!

– Я не против общения. – и правда. Он сунул свою игрушку в задний карман, – Присаживайся, прошу. Я – Максим.

О-о! Какое красивое и своеобразное имя! Такого нет ни у кого из её знакомых. И оно уж точно не банально, как Бенни, Джонни, или Чарли. Или Джеф… Да и рука, виднеющаяся из закатанного рукава, не покрыта дебильными «придающими крутизну» татуировками, как у её предыдущих тупоумных дружков, а просто… Загорелая. Видать, парень проводит много времени на солнце. А такое возможно только вдали от Города.

– Я – Дайана. – она поспешила присесть напротив, стараясь улыбаться открыто, но – не вульгарно, как это обычно делали Ольга и Рози, пытаясь сразу дать парню понять, что они – продвинутые, и без комплексов. Она сама прочла в Пособии для второуровневиков, что вульгарные женщины и девушки – на *большого* любителя. Или – для первоуровневиков. Которым всё равно, кто рядом – лишь бы, как говорится, «дырка была»!..

Неловкую паузу ей пришлось заполнить самой. Так как Максим вежливо, но молча, рассматривал её.

Нет, не так!

Он не таращился, как дебилы-одногодки на её сиськи в вырезе декольте, и не прикидывал, какая у неё задница… Он смотрел ей в глаза. И от этого она чувствовала какую-то неловкость. Робость?.. Нет. Скорее, просто смущение.

Раньше с ней такого точно не случалось – никого её *личность* как таковая не интересовала. А вот именно – только сиськи и попка! Ну, и то, что с ними можно сделать…

Чёрт, похоже, его Уровень – не ниже второго. Не слишком ли большой кусок она пытается откусить? Ладно: попытка – не пытка! Чего ей терять? «Дорогого» Джефа?!

Да после вчерашних зубодробительных «разборок», когда он довёл-таки её до слёз и истерики, пусть-ка Джеф катится… лесом!

– Надеюсь, я не помешала тебе. – она старалась теперь говорить без наигранной радости и оптимизма, а серьёзно –

так, как подсознательно старалась перенять. И тон и манеры – у той же Черри. Да, та смогла бы легко найти общий язык и с этим красавчиком – даром, что ли, проходит курс психологии и социо… иа… (Блин! Как же правильно-то?!) -ологии, и всего прочего, – Просто… Не хочется пить… Да и просто – быть одной.

Она приподняла баночку, улыбнувшись чуть заметно, так, что приподнялись изящно выщипанные тонкие брови, и отхлебнула.

Максим тоже чуть улыбнулся – больше уголками губ, чем выражением лица, но что-то промелькнуло в его глазах. Он тоже аккуратно отхлебнул из своей кружки – он пил тёмный портер. Значит верно – она так и подумала, что ему больше двадцати одного.

– А… Почему ты сегодня одна, Дайана? – он глядел всё ещё не в бокал, а ей в глаза (Боже! Да они просто бездонны!..), – Твоих друзей и подруг задержали… дела?

Она рассмеялась – просто и легко. И без фальшивых всхлипов, как любили делать Лайма и Джейн. Ей и правда стало весело: дела! Какие, на фиг, дела у этих идиотов!

– Да, дела… задержали. Рози и Ольгу из дома вряд ли выпустят – они наказаны. Вчера сидели здесь до комендантского, и не выспались. Поэтому завалили сегодняшний Зачет. А Джеф планировал пойти передраться с Барракудами с Портстрит. Не знаю – собралась его шайка, или нет. Кому-то там из его ребят опять наваляли, да ещё и раздели…

На этот раз паузу прервал Максим:

– Этот Джеф… Он твой парень?

Она задумалась.

Раньше, вроде, и правда – Джеф считался её парнем. Она, до того, как стать его «официальной» девушкой, даже целых три недели всячески пыталась почаще попадаться ему на глаза – чтоб заценил, и заинтересовался…

Ну, заинтересоваться-то он заинтересовался.

И вот, нате вам: через два месяца «владения престижным парнем» выясняется, что все интересы такого симпатичного крутого (Как ей, дурёхе этакой, казалось тогда!) качка сосредоточены лишь на драках с парнями из другого клана, района, шайки, улицы, группы – назовите как хотите! – и дурацких разборках-скандалах: «Ха, почему это ты как-то *не так* посмотрела?! И что ты имела в виду, когда сказала, что тебе пора уже домой? И зачем так пялилась на Пита? Нет – смотри мне в глаза! Хочешь нас с ребятами перессорить?!..»

А уж поговорить!..

«Ты бы посмотрела, как я ему врезал! Козёл летел чуть ли не до Вашингтона! А потом Санчо ещё добавил ему кистенём! И тут другой фраер – такой, типа, крутой! – махает на меня цепью! Хорошо, у меня бляхи на рукаве – вон, спасли! Ну, я ему тогда – ногой! Ну и рожу он скорчил после пинка в живот – вылитый суслик! Хе-хе, умора с этими «Буйволами» – им, точно – лучше было называться козлами!..»

Да пошёл он! Гнусная и примитивная скотина. Такому –

только в доках работать. Хоть и числится Первым Уровнем, по сути – настоящий Нулевик!

– Да, отпираться бессмысленно. – (В каком боевике она слышала эту фразу?) – Этот козёл до вчерашнего дня был… Считался моим парнем. Но с ним… Так тяжело. – она не знала, как объяснить ситуацию Максиму, чтобы он не подумал, что она, как и большинство её подруг – ну… Мягко говоря – ветреная и легкомысленная.

– Джеф слишком уж… ревнивый. Он хочет, чтобы я всегда была при нём. Смотрела только на него. Всё делала так, как скажет *Он*. Восторгалась… Его «крутизной». Прислуживала – там, подносила, наливала, подавала… Словом, я не готова стать рабыней.

– Прости, что спрашиваю. Дайана, а сколько тебе лет?

– Четырнадцать. – она не удержалась – надула сердито губки. Ну вот опять – никто ещё (Кроме козла Джефа!) не воспринимает её серьёзно!

Нет, это просто невыносимо! Сейчас этот красавец, скотина недоступная, тоже скажет, что он занят, и она для него слишком молода. И ей придётся убраться! А она… Уже начала к нему привыкать.

– Не сердись, Дайана. Ты очень привлекательная девушка. И, раз тебе четырнадцать, действительно можешь всё решать сама. Однако просто так бросить парня не всегда получается. Твой Джеф, похоже, всё ещё тебя любит.

– Вот уж вряд ли! Просто он стремился похвастать мной

перед своими приятелями-козлами: словно я – какая-нибудь очередная… Его Победа! Он так же гордился бы новым кастетом. Или – курткой… Ну, и конечно, он – э-э…

– Собственник?

– Вот именно! В точку! Да, он гордится мной, пока не охмурит себе какую-нибудь другую… Более красивую или послушную Дуру. – она от обиды закусила губу, понимая, что всё сказанное – горькая правда. И Джеф действительно скоро заменит её – на другую идиотку, «купившуюся» на его «крутой» образ храброго и безбашенного бойца.

Боец-то он боец… Но, похоже, мозги-то ему и правда – повыбили! Остались только мышцы и кулаки!..

– А тебе хочется этого?

– Не… Не знаю. – она и удивилась, как это незнакомый парень так быстро нашёл животрепещущую и столь болезненную тему в её жизни, – Если честно – скорее да! Я… Он меня уже сильно напрягает. И тяготит. Слишком уж задирает нос – вот, смотрите! Я – намбер уан в нашей банде! А наша банда – намбер уан в городе!.. Ну… Дерётся он, конечно, классно – я видела. Не щадит ни себя, ни других. Но меня это…

Уже, скорее, пугает: он совершенно не контролирует себя, когда в азарте!

– Похоже, сейчас тебе выпадет случай посмотреть ещё раз на своего бывшего в азарте драки. – Максим улыбался. Ничего доброго или приятного в его улыбке уже не было. Ско-

рее уж она напоминала хищный оскал волка перед нападением.

И взгляд был направлен не на Дайану, а куда-то ей за спину.

Резко обернувшись, она увидала стоявшего за её спиной Джефа. Выражение на его лице тоже миролюбием не пылало. Скорее, жаждой крови.

Чёрт! Сколько же он уже там находится? И что из сказанного ею слышал?!

– Дайана! – тон такой, что зубы сводит – как у камнедробилки. А уж смотрит – словно он – её Бог и Царь! Да и голос – она замечала: резкий и неприятный – таким только бутылки бить! – Почему ты сидишь с незнакомым мужчиной?! Я тебе этого не разрешал!

Ну? Наберётся ли она смелости? Или она – уже безвольная подстилка?!

– Джеф! Между нами всё кончено. Мы уже всё обговорили. Ещё вчера. – она сглотнула, – Так что иди куда шёл! Я буду сидеть с тем, с кем захочу! – к концу речи она воодушевилась, и последние слова почти выкрикнула в лицо обидчику.

– Браво! – Максим, сидевший всё это время молча, слегка поаплодировал. – Сказано ясно и конкретно. После такой речи вам, молодой человек, остаётся только удалиться!

Надо же! Как этот Максим изящно изъясняется! Однако Джефа этим не проймёшь – ему бы только… Вот именно – кулаки почесать!

– Заткни свою поганую пасть, ты, дерьмо макаки! Тебя вообще никто не спрашивал! Или я вобью тебе твои …вённые слова в твою глотку взад! (Боже! Как она раньше не замечала его косноязыкости и ограниченности лексикона?!)

– Можешь попробовать.

Джеф словно только этого и ждал – его выпад ногой был стремителен, словно бросок кобры.

Однако с тем же успехом он мог изображать замедленное кино: в паре дюймов от скулы врага нога в тяжёлом ботинке с подковкой словно налетела на невидимую стену – это Максим подставил в блоке распрямлённую кисть. После чего Дайана не без трепета увидала, как её собеседник перехватил ступню нападавшего двумя руками, чуть напрягся, и вот уже перевернувшийся в воздухе три раза Джеф отлетает почти ко входной двери, истошно вопя!

Инцидент с бывшим ухажёром оказался исчерпан: Джеф уже не встал, в*о*я, и раскачиваясь, словно молящийся буддист. Так и сидел, обхватив ступню – не иначе, вывихнута! Ого!

Правда, исчерпанным инцидент ещё не считала банда Джефа.

Они повылазили из-за дальнего столика, куда уселись только что, предоставив вожаку «разобраться с этой сучкой и её новым хахалем самому!» Ну а теперь – нельзя же спускать *такое* с рук наглому типу! Не будут уважать другие группировки: когда узнают, что они не «отомстили» за Лидера, и не

отметелили наглого козла до потери сознания!

Шум драки заглушил даже потуги хронических любителей вокала, которые к её концу петь перестали поголовно. Но из кабинок никто не вышел – никому не нужны неприятности! Хотя сама драка длилась чертовски недолго.

Не прошло и минуты, как все дружки Джефа валялись на полу, держась за тот или иной орган, или конечность, Максим же снова присел за столик, весьма весело (!) посматривая на Дайану.

– Извини, что слегка помял твоих знакомых. Скажи честно, Дайана, ты сильно расстроена?

Вот это да! Ну и парень! Он даже не запыхался!

Вот! За такого она пошла бы замуж! Даже если ей, как её матери, пришлось бы каждый день собственноручно стирать его носки и трусы!

Какой боец! И… Какая выдержка! Уровень – точно не ниже Второго! Ах, да, надо же ответить – иначе он посчитает её за восторженную идиотку!

Дайана справилась, наконец, с голосом. Порывисто вдохнула.

– Нет. Нет, Максим, я не расстроена. Скажу тебе больше – я поражена! И… Обрадована. Тем, что ты, даже меня не зная, согласился заступиться за меня. И ещё как! Такого для меня никто раньше не… – она невольно сглотнула, и поспешила закончить фразу, пока слёзы, сами-собой навернувшиеся на глаза, не прорезались в голосе, – Хочешь, я буду твоей

девушкой? – её взгляд если не молил об этом прямо, то уж точно – лучился надеждой, и восторгом.

– Хм. А почему бы и нет! Договорились! – не успел Максим закончить фразу, как обежавшая вокруг стола «девушка» оказалась у него на коленях, и нежно охватив руками шею, запечатлела на губах страстный поцелуй.

Придурки в кабинках не придумали ничего лучше, как поаплодировать.

Дайана… Почувствовала, что краснеет.

От почти тут же прибывшей полиции парочку спас Александр, рассказавший точно и подробно, (Не первый случай с Джефом!) кто начал драку. И, конечно, полиция как всегда просмотрела чёткие записи кодографа с видеокамер наблюдения.

Банду горе-ухажёра увели, а кто, как Джеф, не смог идти сам – уволокли.

Дайана буквально лучилась: пусть-ка «Дорогой Джеф» и его дебилы теперь посидят в холодке пару недель, да ещё раскошелятся за сломанные стулья, столы, и разбитое окно! Плюс расходы за лечение.

Заодно при проверке документов выяснилось, что её новый «парень», носящий странную фамилию Гольдблюм (Вот – похоже, у него еврейские корни! И поэтому такое привлекательное лицо! И глаза – такие огромные!..) – инструктор по фитнесу и у-шу.

Хм. Любопытно. Хоть она лично с у-шу до этого и не стал-

кивалась…

Но – впечатляет!

– Милый! Отвлекись-ка от бокса! Пора ужинать!

Колин шумно выдохнул, сделав инстинктивное движение плечом – боксёр от Аризоны, за которого он болел, пропустил левый хук, и теперь «мирно» отдыхал на полу, пока рефери методично отмахивал секунды. Нет – не поднимется, сволочь такая! Плакали пять баксов – Джексон-таки выиграл эту ставку. Да и хрен с ним…

Придётся и правда – идти есть.

Стащив всё ещё гудящие ноги с журнального столика, который он всегда отбирал у жены для просмотра ящика, Колин со стоном встал, и хрустнул костями, потянувшись. Работёнка у него не сахар – тяжёлые грузовики никто «автоматизировать» не собирается.

Вот и получается, что устаёт он чуть ли не почище нулевиков-докеров…

Бог с ним – скоро они накопят на маленький телевизор для кухни. Тогда можно будет кушать, не отрываясь от бокса, хотя Майра и возражает – дескать, это «мешает нормальному пищеварению!» Насмотрелась, зараза, чёртовых передач про здоровье – вот и умничает. А его батяня всю жизнь смотрел ящик за едой, и не позволял жене втюхать ему, что «ковры гостиной от крошек и кетчупа испортятся!»

Повезло Майре, что он всё ещё неравнодушен к её пух-

ленькому (Ну, или, скорее, *очень* пухленькому!) задку, и сильно не протестует. Опять же – ковры у них дорогие. Престижные. Назло заклятым подругам и любимым соседям…

Посетив туалет, Колин помыл руки. Счётчик воды вдруг сменил цвет индикатора на жёлтый. Проклятье! Куда уходит чёртова вода для мытья – пьют они её, что ли?!

Ладно – он знал, что где-то завтра оплата так и так должна была закончиться, и пошёл бы кредит. Завтра нужно дать Майре дисконтную карту – пусть положит хотя бы сотню на коммунальные услуги. Потому что газ и электричество в кредит не дают – только питьевую воду. А не хотелось бы остаться без телевизора и еды.

Новый кухонный гарнитур приятно грел взор хозяина квартиры своими тёпло-медовыми тонами. Хоть и помещался на их кухоньке еле-еле. Ладно – он может и боком протиснуться до своей табуретки.

Колин повёл носом: ух ты! Никак, сегодня – мант*ы*! Молодец Майра! Или…

Или она опять чего-то из-под него хочет.

После того, как он, довольно крякнув, и ковыряя пластиковой зубочисткой в зубе, откинулся на спинку стула, выяснилось, что точно. Хочет. Ушлая же, паршивка этакая: давно вычислила, что натощак с ним лучше не связываться… А сытого и умиротворённого процессом переваривания вкусной пищи – бери хоть голыми руками!..

– Милый! Можно с тобой поговорить?

– Конечно. – Колин рыгнул, оглянулся на зал, где пока не отключившийся телевизор всё ещё передавал экзальтированные голоса комментаторов и гул от болельщиков нового боя, и подумал, что минут десять точно придётся выслушивать очередной бред о соседях, или просьбы о покупке…

Чего-то нового. «Престижного». Для соответствия «статусу».

– Колин… Это – насчёт Дайаны. Уж больно вызывающе выглядит это её новое платье. Она в нём прямо словно кричит – «Я – совершеннолетняя! Берите, кто хотите!..» Ты не находишь?

Колин никак этого находить не мог. Поскольку так ни разу и не видел, как сидит на худенькой, и похожей, по его воспоминаниям, скорее, на швабру, чем на девушку со всеми полагающимися выпуклостями и округлостями, (А сейчас выясняется, что это – по его, вот именно, похоже, устаревшим, воспоминаниям!) дочери, это самое платье: та обычно норовила улизнуть из дома до того, как «грозный папочка» вернётся с работы.

– Нет, не нахожу. А что?

– Да нет, ничего. Просто… Уж слишком большой там *вырез*, и ноги слишком уж… Обнажены. Нет, конечно, если мы хотим пораньше спихнуть её замуж – лучшего варианта и не придумать! – жена капризно надула губки, типа, рассердившись.

Поскольку Колин знал все её примитивные ужимки и

средства воздействия на себя, любимого, он не поддался:

– А что – отличный вариант, по-моему! Да и Лесли будет б*о*льше места, когда уберём перегородку!

– Симмонс! Прекрати твои дурацкие шуточки! Девочка ещё *не готова* для этого! Ей ещё два года учиться! Да и за Лесли она присматривает, когда я занята!

– Ой-ой-ой, скажите пожалуйста! Она – занята! Чем же таким сверхважным ты занята? Ты имеешь в виду, наверное, те тупоумные гнусные сплетни о подругах, которые тебе передают по телефону? Или свои заказы на продукты? Сериалы, которые нельзя не посмотреть? А, может, у тебя какая-никакая надомная работёнка наклюнулась?! – Колин знал, что сейчас на него будут наезжать, как всегда, когда он тыкает жене в нос, что она – законная бездельница. Ну и ладно. Он переживёт. Всё-таки он – кормилец!

– Мистер, – Майра выделила это слово ледяным звенящим тоном, – Симмонс! Ты – наглая свинья! Ты что же, и правда думаешь, что женщина-домохозяйка только телевизор смотрит, по телефону треплется, да семечки грызёт? А кто тебя, скотину вонючую и потнючую, обстирывает, обглаживает, готовит тебе еду и убирает всю эту чёртову конуру, которую ты гордо называешь – квартирой? Вон – даже у Джоунсов – на комнату больше!

Вот молодец. Как ловко она норовит перевести стрелки с больной головы – на здоровую. Квартира ей, понимаешь, не та… Ничего у неё не выйдет – он учёный!

– Обстирывает меня стиральная машина. Готовит мне микроволновка – ты покупаешь только полуфабрикаты… Посуду моет посудомоечный ящик. А уборку ты взвалила на того же Лесли, да на Дайану, которая за ним присматривает вместо тебя. Во всяком случае, за тем, как он делает уроки. Что же до тебя… То – да! ДА!!!

Я думаю, ты семь часов из восьми до моего прихода и правда, проводишь у телефона, (Сам оплачивал счета неделю назад, уж распечатки посмотрел!) и ящика – за дебильными ШоуСкандалов, и слезливыми сериалами… Погоди, УЙМИСЬ, я сказал! – он поднял ладонь, повысив голос, – Да, я *нашёл* чёртов мешок с семечками! (Ну как же – рекламная акция гипермаркета: «Купи мешок – и получи в подарок – два!») И видал остатки шелухи в конвертере – и это наверняка не первый такой мешок, который ты прикончила, глядя в экран! Поэтому у тебя и вырос огромный зад! – к концу необычно долгой речи Колин уже сердился взаправду. Взор так и метал молнии.

Достала, лентяйка хренова – будто и правду «так переработала, что и ног не носит!» Да и мозгов у неё – даже, наверное, поменьше, чем у любого сельхозробота, на которых сейчас держится всё это самое сельское хозяйство! Обленилась его с-сучка вконец! Ведь он-то знает – всё хозяйство фактически на малышке Дайане!

– Ты…Ты… Просто мерзкая скотина! – ну вот, сам напросился. Сейчас будет сценка всё из тех же ШоуСкандалов.

Майра – он готов поспорить! – наиболее удачные пассажи оттуда просто заучивает наизусть!

И точно!

– У-у-а-р-а! – это она рычит, распаляя себя, – Тебе легко, конечно, нападать на беззащитную и бесправную домохозяйку, у которой уже исчерпан лимит родов! Умник нашёлся, скажите пожалуйста! «Стирает стиралка, готовит микроволновка!..» Раз у тебя Второй Уровень, а у меня – только Первый, то, значит, я такая тупая и ленивая!.. Говорила мне мать – никогда он тебя ценить не будет, а только заездит до полусмерти дурацким хозяйством! И всегда будет тыкать в нос своим «интилликтуальным превосходством»! Надо было выходить замуж за мужика только своего Уровня! Но я – дура! Хотела же, чтоб лучше жилось *детям*!!! А…

– Э-э! Притормози-ка! – голос, которым Бенни мог при случае разговаривать с коллегами по работе чуть ли не со ста шагов, слышно было и в соседних квартирах, – Разве не *ты* сказала, что хочешь семью, гнёздышко – как ты это назвала! – и *детей*?! И кто настоял на рождении Лесли? И чего теперь скулить, что тебе перевязали чёртовы трубы?! Сама напросилась – лимит *моего* Второго Уровня исчерпан! А тебе так и вообще – позволили бы только одного ребёнка! Так что не дури: «хозяйство» и «дети» нужны были *тебе*!

– Ах вот так ты заговорил, мразь бесстыжая?! Если бы не генетическая экспертиза, ты бы так и заставил меня тогда сделать аборт! И не женился бы на мне никогда! А уж

так разливался соловьём – тут тебе и «Любовь до гроба», и «семейный Рай», и «Детишки!» Да я бы… – Майру понесло. Колин с сожалением услышал, как в зале отключился телевизор – сработал автомат. Теперь и посмотреть-то ничего по-человечески не получится – Майра не отстанет, запрись он даже в туалете, как, по слухам, поступает Старикашка Пит…

Нет, он-то от скандалов никогда не бегал.

А всё потому, что после бурных сцен с битьём посуды, и слёз, обычно всё заканчивалось не менее бурным примирением в постели… Вот после одного из таких примирений Лесли и появился. Колин, собственно, не хотел второго малыша, но когда узнал, что это – мальчик, поддался на уговоры, и прошёл все нужные инстанции…

Майра между тем продолжала орать, то заламывая руки, то потрясая кулаками у его лица:

– … ублюдок ленивый! Безмозглая жирная скотина! Никогда даже и не думал, каково это – постоянно терпеть издёвки и смех за моей спиной – у Ленуры-то – трое! И я могла бы ещё родить, если бы ты позаботился в своё время взять талон у своей матери!.. А тебя, кроме грузовика проклятого, ничто и не беспокоит! На…рать тебе и на жену и на детей! Зачем же ты тогда вообще женился – ну и бегал бы и дальше за юбками, как дебил Пурито, и жил до сих пор в Общественных Бараках! Тешил со шлюхами свой чёртов …!

Сермяжная правда где-то тут была, конечно… Если бы не женитьба, не видать бы ему отдельной квартиры. Пусть

и крохотной – но – своей! Да и перед соседями неудобно: вон – Абрамсы ругаются через вечер, Бонаны – вообще каждый день. А Майрин визгливый голос слышно не чаще раза в неделю… Ей, конечно, завидно. Ну, пусть прокричится.

«Регулярные скандалы – показатель счастливой и гармоничной семьи» – как это пишут всё в той же чёртовой рекламе дурацких семейных Шоу… Они «позволяют снять стресс, и выйти наружу всем негативным эмоциям, и раздражению, накопившемуся в результате…». Хрен его знает, чего. Словом, избавиться от негатива.

Разборки и скандалы исподволь пропагандируют и в сериалах, сюжеты которых тщательно редактируют: если скандалов меньше, чем два на серию – добавляют. Иначе такая «тягомуторная и нежизненная скучная жвачка» в эфир не пропускается. Это ему сказал Доджерс, а у него брат работает младшим ассистентом режиссера на студии «Марамаунт».

А сам он давно отрастил толстую кожу… Вернее, вычислил, что деваться-то его супруге… Попросту некуда!

Разве только – в те же Комнаты Барака для одиноких разведёнок. А уж на *такое* она никогда не согласится! Потеря социального Статуса. Детей. Лица. Ящика.

И – массы Статусных семейных удобств.

Так что послушав ещё с полчаса беспочвенные обвинения, рыдания взахлёб, и рыдания сдержанные, бранчливые выкрики и увещевания, Колин, сохранявший всё это время стандартно-каменное выражение на лице, и так не проронив-

ший больше ни слова, встал, сходил в душ и тщательно вымылся.

Затем, проигнорировав сидящую в зале отвернувшись к стене, словно вымотанную и опустошённую самой же и спровоцированным скандалом, жену, прошёл в спальню, и лёг. Не прошло и пяти минут, как дверь открылась, закрылась, и в скважине провернулся ключ… Ему в спину призывно задышали, мягкие ручки принялись ласкать шею и спину, пухлый животик прижался к боку, а горячие чувственные губки захватили за ушко…

Ну как устоять?!

Спустя полчаса, когда жена уже мирно ворковала, водя ему пальчиком по волосатой могучей груди, вопрос, состоявший, оказывается, в том, что дочери просто нужно купить новое, не столь вызывающее, платье, оказался решён к обоюдному удовольствию.

Только в кабине лифта Дайана немного отошла от поцелуев Макса.

Вот уж так – и нежно, и страстно одновременно, аж дух захватывает! – её ещё никто никогда не…

От его губ осталось какое-то чертовски приятное послевкусие – что же это такое? Черника?.. Смородина?

Пока лифт медленно полз на её уровень, Дайана постаралась оправить платье.

Иначе эта наблюдательная скотина Лесли опять расска-

жет ма, что она пришла на пять минут позже разрешённых одиннадцати, и была «уж так измята», «словно её тискала вся банда Джефа»!

Ма наедет.

Отец, как она была уверена, любит её, до сих пор видя в ней кроху с ясными глазами и белыми бантиками, и устраивает «дисциплинарные разгоны» только с подначек матери…

Мать. Майра. Хм…

В последние недели Дайана не могла не поразиться переменам в отношении неё, произошедшими с матерью.

Ревнует она, что ли, к её молодости и красоте? Завидует?! Это родная мать-то?!..

Иначе чем объяснить всё учащающиеся в последнее время мелочные, а то и вовсе – бессмысленные придирки к ней самой, и тому, что она делает, и как одевается?..

А, может, мать просто хочет создать ей такие невыносимые условия, чтобы она поскорее вышла замуж – всё равно за кого! – только чтобы освободить квартиру, и переложить на чьи-то плечи расходы на её «содержание»?.. Немного обидно, конечно.

А иногда – и много!

Свет в родительской спальне не горел, и там стояла тишина – не иначе, опять ругались, а затем – «мирились»… Уж привычки-то матери, похоже, никогда не изменятся.

Да и правильно – зачем отлично, что бы она там не говорила, (Уж настолько-то Дайана повзрослела, чтоб *это* по-

нимать – так, как начинает видеть и оценивать происходящее повзрослевший, и «включивший» мозги подросток – кристально чётко!) устроившейся женщине Первого Уровня что-то менять в своей жизни?!

Вот разве что избавиться от поумневшей, и похорошевшей не на шутку, и начинающей тихо презирать «тупую домохозяйку», дочери…

Дайана осторожно прокралась на кухню.

Достала из холодильника пачку малокалорийных сосисок, (Их и покупают – «только для неё! Чтобы не полнела!». Всё рассчитано: так сохранится «товарный вид», и быстрее можно спихнуть её с плеч отца на плечи мужа!) отколупнула две. Сунула в микроволновку. Достала и листки салата, и резанную промаринованную морковь.

Так, теперь – булочка. Разрезать до половины. Уложить сосиски, салат, морковь. Полить кетчупом и майонезом… Вкуса, правда, Дайана не чуяла – и готовила и ела на автомате, вспоминая о руках и губах Максима. Этот вкус не перебил даже приторный ароматизированный чай из второсортной заварки.

Заходя к себе в комнату, она старалась не шуметь: перегородка из пластофанеры настолько тонка, что ст*о*ит Лесли перевернуться на другой бок, и скрип его кровати разносится так, словно их комнату и не разгораживали.

Дайана разделась. Аккуратно развесила платье: хороший материал, к утру все складки пропадут, и будет опять – как

новое! Мыться сегодня она точно не будет: чёртов счётчик горячей воды и так светится жёлтым. Ещё не хватало, чтобы этот цвет сменился красным, и мА пришлось бы опять писать заявку. И платить штраф за переподключение.

Собственно, она сегодня почти и не пачкалась. Вот если бы ей занялся опять скотина Джеф… Тьфу!.. Максим в этом плане куда сдержанней. Он не пытался обмуслякать, облапать во всех местах, и изнасиловать её в первый же день.

Это, и другие воспоминания заставляли сердечко стучать сильней.

Как он заступился за неё сегодня! А как навалял придурку Джефу и его козлам!..

Нет, определённо ей повезло, что рыжая стервоза с её байкером не составляли сегодня компании её Максу. (О! Она уже называет его – «её» Максом! И думает, похоже, только о нём… А как же учёба?!)

А ещё повезло, что она не поленилась, и помыла волосы ещё утром, до этой самой учёбы. Иначе вечером точно не удалось бы: лимит воды закончился. А так – она знала, что пышные каштановые кудри неплохо подчёркивают её приятные черты лица. И пусть ма твердит, что столько косметики хватило бы на неделю, она всё равно нанесёт завтра «боевую раскраску»!

Впрочем, нет. Она будет мазаться поскромнее – она не могла не почувствовать инстинктивно: Макс открыто, конечно, не кривился, (Слишком воспитан и тактичен!) давая по-

нять, что избыток косметики на её лице мешает ему, но…

Протянув руку в темноте, она нащупала Мистера Винни – плюшевого медвежонка, которого ей подарили ещё на шестилетие, когда она пошла в Начальное. И который с тех самых пор выслушивал все её рассказы: о хорошем ли, или о… Не совсем таком. И с которым она до десяти лет спала в обнимку. А уж сколько слёз он впитал своим мяконьким пузиком…

А затем Майра сказала, что это нехорошо. Неправильно. Что спать в обнимку можно только с мужем. Мистера Винни поставили на полку в зале, где он, грустный и одинокий, пылился и умоляюще взирал на неё… И лишь недавно ей разрешили снова забрать «игрушку» в свою комнату. Но спать с ним она уже отвыкла.

Однако сегодня малышу не отвертеться – она столько всего должна поведать ему! Хотя бы мысленно. И обнять кого-то ей нужно, как никогда!..

Потому что завтра снова начнётся рутина – сборы Лесли в Начальное, завтрак, учёба, затем приборка дома и поход в гипермаркет за продуктами… Уроки. Свои и Лесли.

И только вечером, когда она купит, приберёт, и вообще – сделает всё, что поручит ей ма, можно будет сходить в бар. «Попеть».

Сегодня байкера и его стервозной девицы опять не было с Максом.

Дайана, постаравшись выглядеть скромно и не назойливо, и не цвести, словно роза, снова тихо спросила:

– Здравствуй. Можно?

– Здравствуй. Можно. А вот спрашивать уже не нужно. Ты же – моя девушка. Присаживайся, – Максим даже сам выдвинул ей стул рядом с собой, – Пить что-нибудь будешь?

– Нет, спасибо. – ей сразу стало легче. А то мало ли как бывает: она знавала парней, которые, если не получали всего чего хотели в первый же вечер, «обломщиц» даже не замечали. В упор. Нет, она сразу поняла – Максим совсем не такой. Другой.

Она ещё не могла чётко сформулировать, чем он отличается от всех её знакомых, но чуяла – что-то здесь не так… Её парень – особенный. Серьёзный. Целеустремлённый. Немногословный. Он… Чёрт, она даже не может сформулировать словами – насколько он *другой*… Она осторожно, словно боясь, что он исчезнет, положила ладонь ему на руку:

– Можно, я просто посижу вот так, рядом с тобой? – он, похоже, удивился. Но он же – джентльмен! Сказал только:

– Конечно, Дайана. Ты можешь делать со мной всё, что захочешь. Я же теперь – «твой парень»!

– Ага, – стараясь, чтобы дурацкая улыбка на лице не расплывалась, словно круги от брошенного в воду кирпича, она прижалась ушком к его плечу, – Я так рада…

Внезапно что-то завибрировало у него в заднем кармане

брюк, и до неё донёсся приглушённый зуммер – не «навороченные мелодии», не голоса каких-нибудь знаменитостей эстрады, а именно – зуммер! Максим коротко бросил: «Извини!», и достал айпад.

Даже на тихой связи ей было слышно, как кричит тот, кто звонил. Что-то о том, что они «вляпались», и что их просто сейчас убьют! Дайане не нужно было много ума, чтобы сообразить, что звонит друг Макса, байкер, и они со своей рыжухой где-то здорово влипли. Не иначе, сдуру запёрлись в один из баров нулевиков! (А где же ещё можно гарантированно «вляпаться»?!)

Максим напрягся: она почувствовала, как заходили ходуном его мощные мускулы под тонкой кожей куртки. А поскольку под ней оказалась только футболка, она услышала и громкий стук сердца. Правда, позже она оказалась вынуждена признаться самой себе, что стучало всё же *её* сердце! Максим остался собран и сдержан:

– Название, точные координаты! – и, чуть позже, – Сейчас буду! Три минуты!

– Столько продержимся! – это кричала уже рыжуха, которой байкер передал трубку – сам он, судя по звукам ударов и тяжёлому дыханию, вовсю отмахивался от напирающего врага…

– Я должен помочь Майлзу! Извини! – Макс уже был на ногах.

– Где они?! – выкрикнула Дайана, и не подумавшая от-

стать, уже на бегу к двери. Она еле успевала, несмотря на то, что бегала в классе лучше всех. Максим придержал дверь, чтобы она проскочила, и бросил:

– Не вздумай вмешиваться! Ты – девушка! А нас ведь наверняка за драку посадят!..

– Где они?! Просто скажи!

– Уровень Джи. Секция тринадцать!

– Тогда нам – сюда! – она дёрнула его за рукав довольно сильно для такой малышки, – Я знаю короткую дорогу!

Секундного раздумья ему хватило, чтобы всё обдумать и решить. И метнуться за ней.

А он молодец: даже не колебался, услышав, что друг – в беде! Да и сейчас не выкаблучивался, поняв, что «его девушка» и правда – знает, что делает!

Закоулки между магазинами своими тёмными углами и причудливо лежащими обманчивыми тенями к мирной прогулке отнюдь не располагали. Впрочем, они и не гуляли, а мчались со всех ног: Дайана впереди, Макс – сзади.

– Здесь! – выдохнула Дайана, с разгону ударив плечом в дверь, – Чёрт! У меня сил не хватает!

Макс только хмыкнул. От удара десантным полусапогом в область замка дверь не только распахнулась настежь, но и чуть не захлопнулась снова – благо, он успел остановить её движение рукой.

– Бежим! Скорее! Сейчас сработает сигнализация! – оба уже мчались по тёмному узкому коридору с выкрашенны-

ми до середины мерзкой зелёной краской стенами, поворачивая, как казалось Максу, без всякой системы. Однако не прошло и десяти секунд, как они оказались у ещё одной двери, которую Макс выбил, повинуясь лишь взгляду.

Они оказались на узкой и тёмной лестнице, ведущей вниз.

– Сюда! – Дайана чуть не улетела впопыхах носом вниз, но сильная уверенная рука прервала её падение! И вот уже они с напарником бегут по ступеням, буквально перепрыгивая их и пролёты лестницы, ориентируясь только на крохотный кружок света, возникший из фонарика зажигалки Максима. Она чувствовала, что без неё он просто прыгал бы с пролёта на пролёт – наверняка ещё и паркурщик!

– Здесь! – запыхавшаяся Дайана, автоматически отсчитывавшая Уровни, кивнула на запертую дверь, – Уровень Джи! Бей сильней!

Максим не заставил себя долго упрашивать.

Надо же… Не думала она, что вот так, с одного пинка, можно выбить *кодовый* замок! Однако удивляться некогда – нужно помочь идиоту Майлзу и его рыжухе!

– Сюда! – выбив ещё одну дверь, они выскочили из подсобки, в которую попали, в коридор Уровня Джи. Секция тринадцать… Это – туда! Она махнула рукой:

– До бара в тринадцатом – двести метров прямо, и по третьему коридору направо! Беги быстрее! Я только задерживаю тебя!

Вот уж он припустил!

Серо-голубые стены, подпрыгивая, проносились мимо, она на бегу сжимала кулачки, моргая и стараясь приучить глаза к мерзкому серо-синему тусклому свету, («Ночной» режим!) в котором всё казалось словно под водой – главные «действия» ещё впереди!..

Она успела подумать, уже не контролируя вырывающееся из груди со свистом дыхание, что стометровку-то уж Макс наверняка пробегает из одиннадцати секунд! Затем проналюдала, как его силуэт в тусклом свете коридора скрылся в указанном проулке.

Сама Дайана теперь отставала почти на сто шагов, хоть и мчалась, стиснув зубы, и стараясь громко не пыхтеть и не топать, изо всех сил.

Однако секунд через двадцать на месте оказалась и она.

Шума ломаемой мебели и рёва дерущихся не услышал бы только глухой (Впрочем, у нулевиков таких, и ещё кривых, косых, хромых и прочих по-разному увечных, хватало. А больше всего здесь было, как всегда, с брезгливостью подумала Дайана, увечных на всю голову! Но поэтому они – и Нулевики!..)

Нет, правда – более задиристых, глупых, и просто – озлобленных на весь мир тварей, чем обитатели Подземелий, она не встречала. Даже «милый» Джеф: уж на что идиот, но, по сравнению с ними – прямо интеллектуал, и образец добродетели и спокойствия! Дерётся не чаще пары раз в неделю…

Двери в бар уже не было: её снесло чьё-то тело, сейчас

пытающееся подняться, и что-то гнусное и матерщиное орущее прямо у её ног. Дайана вздохнула поглубже, и ринулась внутрь: погибать – так хоть так, чтобы не стыдно было! Рядом со *своим* Парнем!

Внутри было… оживлённо. Это если выражаться культурно. А если так, как положено – так там царил ад кромешный!

Половину и без того тусклых ламп уже поразбивали разной летающей туда и сюда мебелью, и ей всё равно пришлось снова щуриться в дыму от чёртовых дешёвых сигарет, чтобы понять, что происходит.

Майлзу и его девушке удалось занять удобную стратегическую позицию: они оккупировали пространство за стойкой бара, и теперь отбивались спина к спине – особенно лютовала кричащая при каждом ударе рыжуха: редкий нападавший отваливался от неё, не держась за… Самые интимно-важные места!

Майлз старался бить в челюсть: при попадании нападавший присоединялся к пёстрой многочисленной компании, уже устилавшей почти всё пространство пола у стойки, куда таких остервенело оравший байкер выкидывал между ударами. Куртка его уже висела лохмотьями, (Впрочем, она почти такая была и до драки!) а из носа и со скулы тёк буквально ручей крови!

Спасало парочку пока лишь то, что нападавшие явно были под «приличным» градусом, и толкаясь, и стремясь «лично вдарить этой скотине!», сильно мешали друг другу.

Тех же, кто пытался влезть на саму стойку, «скотина» Майлз бил по коленям: когда не мог ногами – то бутылками, которые традиционно украшали полку за стойкой. Такие ребята шипели, орали, и матерились, но больше не вставали, поскольку порванный мениск – штука серьёзная, и мало располагает к резким движениям! Зато располагает к громким воплям и проклятьям.

К стойке же теперь пробивался и Макс, попутно сокрушая тех, кто уже успел очнуться, увидеть его, и пытался «вразумить» нежданного помощника кулаками и стульями, и воинственными криками, что создавало вместе с рёвом раненных и выкриками рыжухи вполне адекватный колорит.

Убедившись, что веселье в самом разгаре, но сверхсрочная помощь пока никому не требуется, Дайана осмотрелась внимательней.

Ага – вот это ей подойдёт! Она схватила удачно отломанную кем-то ножку от стула. Ухватистая дубинка! А вот и тот, на ком можно её опробовать.

Это оказался придурок, который с ножом в руке нагло ввалился обратно в бар снаружи – видать, очухался-таки наконец после выноса двери собой, любимым…

Увидев её с импровизированной дубинкой, он гнусно осклабился! Но ухмылочка быстро сменилась злобным воем, когда она треснула его по руке с ножом! И пока он не разогнулся, охватывая кистью другой руки место ушиба, получил ещё и по темечку!

Грохнулся на пол он отлично. Ещё бы: она трахнула его по голове *точно* рассчитанным ударом: не умрёт! Но и не очухается до утра!

Затем она занялась теми, кто стонал, ругался, но ещё пытался подняться на ноги, или хотя бы на колени, и помочь наседавшим на чужаков мерзавцам-товарищам: тем, что кидали во врага разные тяжёлые предметы и бутылки.

«Утихомирила» она таких около семи, прежде чем её заметили, (Ну конечно! Только совсем уж слепой не углядит её «знаменитое» ярко-оранжевое платье!) и попытались разделаться!

Ага, сейчас – не на такую напали! Тех, кому не досталось по голове, или разным другим местам ножкой стула, она «обрабатывала» так же, как рыжуха – пинком в пах!

Ну вот они с Максом и у цели!

Теперь байкера и его даму атаковало всего человек восемь, остальные же, толкаясь и матерясь, роняя слюни, зубы, и кровь с разбитых физиономий, полезли на Максима. Она заняла позицию как учили: сзади и чуть слева – он ведь правша!

Макс не подкачал! Ещё бы: *её* парень!

Правда, до того, как упал последний из нападавших, она успела получить и в челюсть, и по печени, и брошенной бутылкой – в бедро, и клок волос у неё какой-то гад вырвал!.. Но это ерунда! Спину Макса она прикрывала надёжно!

И главное – все они ещё оставались на ногах! В отличии

от нулевиков.

Увидев, что упал последний, она закричала что было сил:

– Хватит! Бежим скорее – сейчас приедет полиция! Они приезжают только когда драка заканчивается!

Макс, явно соображавший сейчас получше Майлза, кивнул, крикнув друзьям:

– Бегите за ней! Она покажет дорогу! – сам же кинулся за всё ту же стойку, доставая что-то из кармана.

Ого! Не иначе у него есть Универсальный Ключ! Значит, он сможет достать все видеозаписи из кодографа, и они… Пожалуй, они тогда и правда, имеют шансы остаться неарестованными! Но…

Но чтобы они таковыми остались, уходить надо через другую дверь на своём, наземном, Уровне – у взломанной там, наверху, уже наверняка полиция!

Значит, придётся подождать Макса!

– Макс! Мы будем ждать у нижней двери!

Ждать пришлось не больше десяти секунд.

И не потому, что Максим быстро управился, а потому, что почти бессознательного теперь Майлза ей и рыжухе пришлось буквально нести на руках. Он потерял очень много крови, и раны на щеке и затылке до сих пор сильно кровоточили. Как он вообще умудрялся ещё и драться, Дайана никак понять не могла! Но сейчас крепкий мужчина находился в полубессознательном состоянии, его ноги заплетались, и го-

лова бессильно свешивалась вниз.

– Готово! – Максим показал зажатые в ладони флэшки, – Вынул всё!

– Отлично! Сунь пока в карман – здесь всё равно не спрячешь! Скорее! Помоги нести Майлза! – Дайана не кричала только из опасения, что услышит полиция, если они, спустившись как всегда, вниз, решат проследить, куда отбыли взломщики-воры, обычно и пробиравшиеся наверх из нор этих Уровней.

Поэтому, кстати, им с Максимом и удалось так легко взломать двери – они все открывались вовнутрь! Чтобы нулевики не пытались пробиться снизу…

Они всё равно пытались, конечно.

Теперь все (Ну, вернее, Максим и рыжуха. Майлз же, внятного ничего так и не сказавший, «удобно» устроился мешком на плече друга, и нагло потерял сознание!) быстро шли за ней по лабиринтам извилистых коридоров Уровня Джи. Она, чувствуя ответственность, прислушивалась, и внимательно смотрела во все пересекающие их путь ответвления. Благо, уровень Джи почти нежилой – здесь только бары, кинотеатры, прачечные, склады и подсобные помещения. О! Опасность!

– Тихо! Впереди – банда мародёров! Переждём здесь! – вскинув руку в предупреждающем жесте, она отодвинулась от очередного коридора. Шёпот её был еле слышен.

Рыжуха кивнула, Макс промолчал. Майлз вёл себя как по-

ложено человеку в отключке: изображал обмякшее и бессловесное бревно.

Через пару минут они продолжили быстрое движение, оставив позади завывающую сирену полиции, спугнувшую куда-то в лабиринт подземных катакомб и банду мародёров, и осознавая, что сейчас по их следам выпустят Пса. А у них даже перца нет!.. Значит, мешкать некогда – нужно добраться до своего Уровня, принять антизап, и тщательно вымыться в реке!..

Потому что иначе всех их рано или поздно отследят по индивидуальным потовым идентификаторам. И поймают. А нарушили они к этому моменту Законов пять-шесть. Как минимум. По совокупности – лет на восемь Федеральной тюрьмы, не меньше! Вернее это – её товарищам по инциденту. Ну а ей, как несовершеннолетней, срок придётся отсиживать уже после достижения шестнадцати. Вместо того, чтоб работать, или выйти замуж.

Странно – но только теперь Дайана осознала, как будет расстроен отец, если узнает, чего его дочурка, на которую он возлагал столько надежд, и в которой души не чаял, всё ещё считая «малышкой», наворотила…

А ведь тогда, потащив Максима «короткой дорогой», она даже и не вспомнила, что у неё есть Отец…

– Я знаю, у тебя есть ключ. – обратилась она к Максу. – Открывай!

Дверь, не обозначенная никаким названием или таблич-

кой, послушно открылась после пары секунд воздействия. Отлично. Значит, и сигнализация не сработает! Они вошли, и захлопнули её за собой, снова заперев. Макс достал зажигалку. В тусклом свете её фонаря они отомкнули, и прошли на лестницу через вторую дверь, заперев за собой и её.

Тащить Майлза наверх по узким пролётам оказалось, конечно, потяжелей, чем бежать вниз – вскоре задыхающийся Максим попросил о передышке.

Они расположились на одной из площадок уровня Си, прямо на ступеньках. Майлза Максим прислонил к стене в углу – чтобы не упал. Тут же сверху со стены посыпалась штукатурка – плесень разъела давно не подновляемую краску со стен. Волосы Майлза покрылись словно перхотью… Рыжуха, сплюнув, стала отряхивать незадачливого дружка.

– У тебя есть… какое-нибудь нижнее бельё? – обратилась Дайана к ней. – Типа рубахи. Надо бы перевязать ему раны! А то – истечёт… Да и следы за нами оставляет!

Рыжуха оказалась вполне понимающей и не из гордячек-пуритан.

Тут же скинула свою покрытую хромированными бляшками курточку, и рубашку из настоящего хлопка, оказавшуюся под ней. Лифчика она не носила, но Макс и Дайана проигнорировали её, неплохие, кстати, сиськи, занявшись разрыванием рубахи на полосы.

Когда голова Майлза оказалась надёжно «упакована»,

Дайана попросила Макса отомкнуть ближайшую дверь. И дверь тамбура за ней.

А молодец. Он даже не спросил, зачем. Но она пояснила сама:

– Девушка! Ты можешь пройти туда хотя бы шагов на пятьдесят, и где-нибудь там плюнуть, сморкнуться… Ну, или ещё что – чтобы Пёс учуял уж точно? Только осторожно: уровень Си – жилой.

– Не вопрос! – рыжуха даже спорить не стала! Тоже молодец – чётко понимает ситуацию. Чем больше у них будет форы, тем вероятней, что они смогут замести следы!

Пока девицы не было, Макс чмокнул её в щёку:

– «Девицу» зовут Дик. Кстати – спасибо! Вот, только теперь собрался сказать. Ты так хорошо знаешь тут все ходы-выходы! Но как же?..

– Мы иногда забегали сюда поиграть. Ну, когда были совсем детьми – в пять, шесть лет… Нулевики, хоть и сволочи, детей *никогда* не трогают. Ну, то есть, пугают, конечно, иногда: «У-у-у! Сейчас злой Бука съест маленькую девочку!..» Но всё это – обычно только шутки! Ну, это-то понять нетрудно: своих-то детей у них…

А вот забредших подростков, или совершеннолетних… Просто бьют – чтоб не совались!

Так что я тут бывала почти на всех уровнях. Но – давно. Впрочем… Тут никогда ничего не меняется!

– Молодец! Ну и память у тебя! Да и с Пропускным Пунк-

том я бы точно застрял минут на пять… Как ты решилась – ведь нас теперь будут искать!

Дайана фыркнула:

– Это уж точно! Вот, кстати… Ну-ка, дай твой айпад!

Когда наконец вернулась рыжуха, Дайана жестом показала Максу, что двери нужно оставить приоткрытыми, сама же говорила по его телефону:

– …да, в нашу «Точку номер три». Да, прямо сейчас!.. Рей, не будь таким занудой! Сколько?! Да ты ополоумел!.. Пятьдесят – и ни цента больше!.. Всё. Да. Буду ждать.

Она вернула телефон, откинула мокрую от пота прядь со лба, и спросила:

– У кого-нибудь есть пятьдесят баксов наличными? Иначе мы – в …опе!

И Макс и Дик кивнули. У Дайаны буквально камень упал с души. Порядок!

– Дик! Как там с… «оставленными следами»?

Рыжуха невесело усмехнулась:

– Неплохо. Я оплевала пять коридоров, а под одну дверь даже на…ала!

Максим только усмехнулся, Дайана не сдержалась: разразилась смехом:

– А ты молодец! Делать – так уж делать! Уважаю! Кстати, и дерёшься классно.

– Спасибо, что вытащили нас. А я даже не знаю, как тебя зовут. Этот хам и не подумал представить нас! – Дик шутли-

во треснула Макса ладошкой по голове.

– Я – Дайана! – Дайана протянула руку.

– Я – Берта. Но лучше зови меня Дик! Это имя нравится мне больше.

– Без проблем, Дик! Ну что, двинемся дальше?

– Да уж пора бы… Думаю, скоро здесь будет не протолкаться от полицейских и сыщиков. – Макс подсел на колено, и взвалил Майлза на плечо. Тот и не подумал протестовать – всё ещё находился в приятном небытии. А вот очнувшись, он явно почувствует ужасную боль. Так что пусть хотя бы пока – «отдыхает»!

Убедившись, что все поднялись на один пролет, скрывшись за поворотом, Дайана достала из выреза лифа маленький цилиндрик: нейтрализатор.

Поднимаясь, водила распылительной головкой над ступеньками, остающимся внизу. Раз пока ничего лучшего нет, пусть хоть что-то собьет тонкие настройки Пса. А заодно и даст им немного форы.

А ей самой недешёвый препарат уже вряд ли понадобится: вонять так, как от «работы» скотины Джефа она уж точно больше не будет!..

Когда все выбрались на поверхность из очередной отомкнутой двери, Дайана поторопилась переулочками завести всех к заднему входу ближайшего кафе. Благо, ночью оно не работало:

– Подождите здесь. Я – быстро!

Теперь, здесь, под настоящим чёрным небом, она остро ощущала противоправность и незаконность всего, что они сделали, и что ещё сделать предстоит, и буквально замирала при каждом шорохе. А уж глядела вокруг – во все глаза… Хотя знала, конечно, что здесь, у служебных ходов, сейчас никого нет. Даже влюбленные первого, второго и третьего Уровней предпочитают возвращаться домой до одиннадцати.

Деньги пришлось зажать в кулаке – кошельков, носимых для «солидности», как делала мать, или соседки-домохозяйки, Дайана терпеть не могла! (Тем более что там из всех *денег* – только кредитка. Ну, и, конечно, чип-идентификатор. Но он-то – «встроенный»…) Все эти носимые лишь для «престижа» аксессуары, делали руки занятыми. А руки лучше держать свободными – что в очередной раз доказал сегодняшний вечер!

Рэй оказался проворней. Ну, или очень хотел получить наличные: уже ждал её в укромном месте, у единственного дуба Парка. Дуб ничем не пах, чего нельзя было сказать про окружавшие его свежие насаждения чуть шумящих на ветру эвкалиптов, и самого Рэя.

– Рэй! Ты опя-ять?! – она сердито принюхалась, подойдя вплотную.

Тщедушный очкарик отшатнулся:

– Да ладно тебе, Дайана! Я же уже почти спал! Имею я

право хоть вечером… расслабиться?! – глаза с расширенными почти во всю радужку зрачками, часто моргали.

– Смотри, ты дорасслабляешься, что заберут в Лечебницу. Или – Диспансер.

– Э-э, кончай! Никуда меня не заберут – я же и так инвалид. Мне положено обезбаливающее и успокаивающее! И вообще: хватит ворчать – ты не моя мама!

– Была бы твоя – выпорола бы, как сидорову козу! Хватит колоться!

– Ха-ха, опоздала. Я уже перешёл на нюханье… Нет, правда – перешёл!

Дайана знала, конечно, что вдыхание синтетиков менее опасно, чем старинные наркотики, которые нужно вводить внутривенно, но… Но затуманенный поволокой «неземного блаженства» взор Рэя не позволял определить – говорит ли он правду. Жаль, конечно, безобидного и талантливого по-своему парня… Но каждый «имеет право» вести такой образ жизни, какой захочет.

Поскольку так и записано в чёртовой Конституции.

Пятидесяти долларов ему хватит надолго. А ей надо торопиться.

– Ладно, давай. – она протянула деньги.

Козёл! Он ещё проверил их на свет фонаря – словно не знает *её*!..

– Держи! – чёрный пластиковый пакетик перекочевал из заднего кармана его джинсов ей в руку.

– Спасибо. Рэй!.. Завязывай, пожалуйста – умрёшь ведь молодым!

Уже убегая, она скорее, домыслила, чем разобрала еле слышное:

– Может, я только этого и хочу…

– Вот! – она протянула каждому по флакончику, – Антизап. Выпейте до дна, а капсулы спрячьте в карманы… Нам нельзя теперь оставлять улик и следов здесь, наверху!

Рыжуха не удержалась, чтобы не прояснить ситуацию:

– И – что? Мы теперь до конца жизни будем вонять, как козлы?

– Ну, во-первых, не вонять – а пахнуть… А во-вторых, к индивидуальному индексу пота эта хрень никакого отношения не имеет. Это просто – блокатор. Ну, короче, она полностью выводит из строя начинку процессора Пса. И того приходится перепрограммировать. А нам бы только залезть в воду – чтобы не пахла одежда… Отследить нас тогда будет никак нельзя – проверено.

Да ты не волнуйся, Дик – эта дрянь почти безопасна. И через три дня действие репеллента пройдёт! Хотя… Вначале иногда может подташнивать, как при беременности. Но это не смертельно. Давай, буди его!

Макс растолкал Майлза, и влил тому в рот содержимое капсулы. С самим Максом и Дик проблем не возникло. Дайана быстро повела всех за собой – к реке.

Чтобы дойти до неё, пришлось потратить десять минут: Майлза всё ещё нёс Макс. Тот теперь пришёл в сознание, но из осознанных действий мог только стонать и ругаться.

Вот это последнее, нашипев на раненного так, что позавидовала бы любая уважающая себя змея, Дик ему запретила.

Спуск по отлогому поросшему травой склону прошёл гладко: никто не поскользнулся. Дайана несколько запоздало спохватилась:

– Вы плавать-то умеете?!

Макс и Дик поспешили заверить её, что уж с этим-то всё в порядке.

Плавать в одежде, конечно, было не так удобно, как в купальнике, однако они мужественно терпели все полчаса, пока река неспешно несла их на своей спине. Макс поддерживал голову друга так, чтоб тот мог дышать. Дайана вздыхала и маялась: похоже, ей предстояло очередное объяснение с родителями. А если она придёт ещё и мокрой… Хорошо хоть чёртову платью ничего не сделается – биосинтетика.

Полная луна равнодушно смотрела на мокрые от воды головы, отсвечивающие чёрным на общем серебристо-сером фоне, и слушала редкие фразы, которыми эти головы обменивались:

– Хорошо, что лето. Вода тёплая.

– К-какая-к-чер-т-т-тям-с-собачьим-т-тёплая-у-м-м-ня-зуб-на-зуб-не-попадает-т!

– Это у тебя, небось, от той гадости, что мы выпили. На

вкус – чисто моча осла!

– Хватит! – решила Дайана, сердито фыркнув на замечание своего «парня» о вкусе запрещённого зелья. – Вылезаем на этом же берегу.

– А что с этим… пойлом – оно уже сработало?

– Да. Оно действует уже через две минуты после приёма. Ну-ка, дай я тебе помогу, – вылезшая на берег раньше всех Дайана схватила Майлза за куртку, и помогла Максиму вытащить того на бетон дорожки для прогулок. Дик из воды вылезла сама. Её трясло.

– Надеюсь, вам есть где ночевать. – Дайана хмуро оглядела окрестности. К счастью, любителей ночных прогулок не было видно. Да и правильно: кто захочет гулять в полпервого, рискуя привлечь ненужное внимание полиции?

– Да, есть. Но… Не опасно идти туда пешком?

– Вот уж нет! Куда опасней в таком виде вызывать такси. Тут всем нашим ухищрениям и наступит копец!..

– Ты права. А как… Дома у тебя – тебе не влетит? – Макс хмурился, и было видно, что переживает всерьёз. Приятно. В кои-то веки хоть кого-то волнует, не получит ли она нагоняй дома!

– Не больше обычного. Ну, это только если па не спит. А он в такое время обычно спит… Ладно, я согласна рискнуть. Но, – она грозно нахмурила брови, – если в ближайшие два дня не появлюсь в баре, знайте – меня постигла ужасная кара! За непослушание!

Макс побулькал. Затем рассмеялся в полный голос – она даже шикнула на него – ночью звуки разносятся далеко! Дик покачала головой, но тоже похихикала:

– З-знаешь, Д-дайана… А ты – д-д-девушка что надо! Сп-пасибо!

Они ещё раз обменялись крепким рукопожатием. Дик подвела итог:

– Ну, с-счастливо! Разбегаемся!

Минут через пять, перебегая по второму мосту, под которым она и выжала, насколько могла, насухо, свое «знаменитое» платье, обратно на свой берег, Дайана увидела прожектор в небе. И услыхала характерный, словно вздыхающий, свист – надо же! Не иначе, как медицинский вертолёт! Похоже, кому-то из шишек с Третьего Уровня тоже плохо сегодняшней ночью – больше ни за кем такую дорогую машину посылать не будут!

Ей самой повезло: дома, у неё в комнате, нагло развалившись на её же кровати, её ждал только Лесли, молча протянувший руку.

Вот маленький вымогатель! Пришлось достать из шкафа стратегический резерв – пять баксов! – и сунуть в жадно сомкнувшуюся ладошку.

Уж своего братца Дайана знала: теперь выдрать деньги из его руки возможно только воспользовавшись автогеном! Или пилой.

Так что развесив на спинке стула уже почти сухое (Ну так

– синтетика же «стопроцентов»!) и почти немятое платье, вытеревшись, и, переодев трусики, она легла в постель. Мытьё сегодня не потребуется – его заменило купание в реке. А вот зубы… Ладно – их она почистит завтра.

Она долго ворочалась – слишком сильное возбуждение отдавалось во всех мышцах. Но куда хуже с воображением – оно вообще неслось вскачь! Перед глазами всё проходили эпизоды бурного вечера. Казалось, как и тогда, в самом начале, что они посетили пещеру злобных сказочных троллей и гоблинов… И чудом остались живы!

Да – сегодня скучно ей точно не было! Без всякого караоке.

А какой молодец её парень! Собранный, деловой, конкретный.

Повезло ей.

Впрочем, если подумать, и его друзья… Тоже неплохие ребята. Да и рыжуха – вовсе не стервоза… Ну, во-всяком случае, когда они в одной команде!

С такими друзьями ей не то что шайка Джефа – вообще никто не страшен!..

Она не заметила, как заснула.

Прижиматься к спине Максима было чертовски приятно.

Ощущалось, что она и тёплая, и крепкая – на поворотах явственно чувствовалось, как бугры тугих мышц перекатываются под тонкой и восхитительно пахнущей натураль-

ной кожей, курткой. Единственное, что беспокоило Дайану – причёска. На таком жутком ветру все её роскошные локоны, столь тщательно накрученные на бигуди на всю ночь, теперь моментально раскрутятся – скоро она станет похожа на обычную растрёпанную курицу! Спрашивается, за каким … ем она мучилась – спала чуть ли не на подпорках!..

Максим гнал байк так, что по обочине дороги кое-где поднимались и пытались следовать за ними облачка пыли – Боже, она уж забыла, что пыль существует не только там, в комнатах, откуда её приходится изгонять влажной тряпкой!

Наконец асфальтовое покрытие кончилось, перейдя в грунтовый просёлок. Фермы с тракторами и погрузчиками, ведомыми роботами для сельхозработ, остались где-то там – за пределами Цивилизации. Еле намеченная колеями сельхозмашин дорога, по которой они двигались уже медленно и осторожно, объезжая совсем уж глубокие рытвины и ухабы, сошла на нет, и настоящую дикую траву приминали теперь только колеса их машины.

И вот они, развернувшись к кромке обрыва боком, стоят на краю…

Море.

Гос-споди!

Она и не представляла, что оно столь величественное и умиротворяющее…

Синий, переходящий в серо-голубой, и становящийся расплывчато-бесцветным совсем уж вдали, простор: напра-

во, налево… А впереди – только недостижимый горизонт, где покрытая тоненькими отсюда ниточками белых бурунчиков, безбрежная живая равнина переходит в тускло-белёсое небо… Кажется – можно раскинуть руки, и чайкой взвиться в бесконечное пространство, навстречу лёгкому ветерку!

И з*а*пах – она такого не «обоняла» никогда! Это, наверное, соль и йод. До этого она лишь слышала о них. Непривычно. Но – не неприятно. И никакой стереовизор никогда не смог бы, разумеется, передать *такого*!

Максим поставил байк на отщёлкнутую подножку, и помог ей слезть.

Ух ты, как, оказывается, затекли мышцы рук и ног!..

Она неуверенно подошла к краю обрыва – если бы не рука Максима, она бы ещё долго думала и сомневалась – не обрушится ли кромка под её маленькими ступнями!

Чудесно! Восхитительно! Как описать то, что до этого никогда!..

Дайана сглотнула странный ком в горле. Вот, оказывается, *чего* они все лишаются, оставаясь привязанными к своим квартирам, классам, барам и улицам… К Городу.

Простора. Невероятной красоты. Ощущения первозданности. И Свободы. Почти магического чувства причастности к таинствам *этого* – планеты Земля…

Максим стоял рядом, нежно, но крепко держа её ладошку. Она чувствовала, знала – он тоже наслаждается. Но – не так как она. Он явно бывал здесь не раз: знал, чего ожидать, и

куда привезти её. Чтобы она смогла в полной мере…

О, да!.. Она – насладилась в полной. Мере.

Придвинувшись к его груди, она, скорее, нащупала его губы, и прильнула к ним своими – трепетно и нежно. Он ответил так, как умеет только он – мягко, но с невероятной энергетикой – так, что ощущалось, что он – её защита и опора. Её Парень! И ему нужна она сама, а не возможность «выпендриться» перед друзьями очередной покорённой крашенной куклой…

Она наконец отстранилась. Но убирать руки с его спины не спешила: приятно кружилась голова, а ноги так и подгибались. Загадочная улыбка получилась не совсем:

– Максим! Ты… Я такого раньше никогда… Спасибо, что привёз сюда! Я… Я теперь готова с тобой – на всё!.. На всё! И – прямо здесь! Ты… хочешь?.. – она, чуть заломив бровь, как это делала Анжелина Бурк, запустила руку ему под куртку, ощущая упругие мышцы спины, и возбуждающее тепло его тела. От него пахло восхитительно – машинным маслом, бензином, табаком и пивом… Даже запах его пота не раздражал, а наоборот – усиливал осознание его мужественности и силы.

Он нежно приподнял обеими ладонями её лицо. Глаза у него… Она уже с того, самого первого дня – утонула в них навсегда, потеряв своё сознание, своё «я»…

– Малышка моя! Ты не представляешь, до чего я тебя хочу! – он улыбался ей. Вернее, улыбались только глаза – они

лучились внутренним светом, и её душа так и таяла в нём – словно кучка снега под струёй кипятка. Но он почему-то мягко отстранился:

– Не хочу показаться тебе… старомодным – но я привёз тебя сюда для другого. Более серьёзного дела. Я… Хочу познакомить тебя с родителями. Моими родителями. Ты… не против?

Господи! Он ещё спрашивает! Знакомство с родителями – это же, это…

Она почувствовала, как огромная волна страха поднялась откуда-то из глубин паха, и накрыла её целиком!

Родители! Это значит, скорее всего, что он, он…

Имеет в отношении неё *самые серьёзные намерения*! Неужели она – она, глупенькая и тощенькая, с крохотной остренькой грудью и волосатыми ногами, смогла так тронуть его сердце, что…

Страшно даже не то, что осознать – помыслить о таком осознании…

Может ли такой парень, как Максим – полюбить *её*?.. Вдруг – это не розыгрыш? Вдруг он и правда, возьмёт её в жёны?! Конечно, если она понравится его родителям. И они…

Одобрят выбор сына.

Она слишком долго молчит. Надо ответить ему.

– Максим. Почему ты не предупредил? Я бы… Я бы хоть оделась по-другому! А сейчас я ощущаю себя, как малолетняя идиотка, вырядившаяся на танцы!

Он рассмеялся – весело и непринуждённо.

– Перестань! Ты выглядишь великолепно. Да и рассматривать – вот уж поверь! – будут не вовсе не платье!

– Да – вот именно! А я… Я… Боже, Макс, как ты мог! У меня и волосы все… Растрепались! Такой важный момент, а я не готова! Ой, что я говорю… Я дурочка. Я так разволновалась… Знаешь что – вези меня к ним скорее, иначе я со страху сделаю какую-нибудь глупость! – «или описаюсь!» – хотелось ей добавить, чтобы уж сказать всю правду о своих ощущениях. Мир вдруг утратил для неё значение – словно пропал дикий простор величественной панорамы перед её взором, и зрение обратилось к себе: сможет ли она?! Соответствовать явно высоким требованиям родителей столь замечательного парня?

– Тогда – залезай! – Максим уже сидел на спине верного коня, и протягивал руку.

Боже, что же будет?! Неужели её – «малышку-замухрышку», как называл её отец, повезут «Знакомиться-С-Родителями»?!

Усевшись, она изо всех сил обхватила его спину, прижимаясь, словно к спасательному кругу в штормящем море.

Господи, помоги ей!..

К тому, что произошло дальше, она оказалась совсем не готова.

Она-то думала, Макс сейчас развернёт байк, и они дви-

нутся назад, в Город. Ну, или в другой город…

Вместо этого Максим щёлкнул каким-то рычажком на приборной панели мотоцикла.

Из-под днища выдвинулись блестящие хромированные пластины. Затем в тонком, почти комарином жужжании, пластины оделись в ярко-голубое сияние.

Господи, это же поле стасиса! Неужели… Его байк может *летать*?!

О, да! Медленно и торжественно – наверное, чтобы не пугать её! – они поднялись в воздух, и двинулись вперёд – туда, где в необъятных просторах Океана, как она знала, лежал остров Верховных Властителей. Неужели?.. Ох, страшно даже подумать!

А уж поверить…

Что Максим – сын этих Властителей?!

Куда же это она вляпалась?! Как же ей теперь… Ох, остаётся только молиться и трястись от волнения!

Этим она и занималась весь недолгий полёт, пройдя все стадии: от «Боже, что же мне делать?!», до – «Будь что будет – вся надежда на Максима!»

Двадцать минут, пока они стремительно разрез*а*ли воздух, не запомнились ничем, кроме странно поразившего вначале отсутствия ветра – это защитное Поле предохраняло седоков маленькой машины.

Но вот и Остров! А он, оказывается, очень велик – дальний край теряется в голубой дымке…

Максим уверенно направил байк вдоль одной из улиц, чётко выделявшихся серыми лентами асфальта среди изумрудной зелени полей, садов, и лесов. А леса-то и сады… Густые и ухоженные. Явно кто-то тщательно следит за всем этим огромным заповедником.

Через минуту они прибыли.

Дом, на крышу которого Максим опустил машину, домом назвать и язык-то не поворачивался. Настоящая трёхэтажная вилла. С огромным садом позади, и бассейном сбоку. А вот и гараж – не меньше, чем на три машины!.. Боже, что за… Спокойней, Дайана – Максим поможет!..

Но коленки так и дрожали. А зубы – явственно клацали.

Огромным усилием воли она справилась – хотя бы с зубами.

Макс снова выпустил подножку, и выключил поле. Пластины-рёбра задвинулись на место. Надо же: не знать – так никогда и не догадаешься!

Поднялась дверь небольшой пристройки, расположенной здесь же, на крыше. Из глубины тёмного помещения выехала низкая платформа с манипулятором-рукой. Максим коротко распорядился:

– Машину заправить. Держать в готовности.

Поморгав парой огоньков на передней панели, платформа колченогим манипулятором погрузила байк на свою площадку, и скрылась в гараж. Его дверь опустилась.

– Идём! – Максим вынужден был взять похолодевшую ла-

дошку, и легонько её чмокнуть, – Ничего не бойся! Ты – хорошая. Так что не понравиться – не можешь!

Такая простая оценка её личности никогда в голову Дайане не приходила. Ну, попка, ну – милая мордашка… Но что она *вся* – хорошая… Причём он явно имеет в виду вовсе не её внешность…

Как-то сразу она успокоилась.

Спуск по лестнице на первый этаж прошёл без приключений.

Дайану поразили лестничные площадки и вид этажей, открывающийся с них. Коридоры и те комнаты, что оказывались видны, были выдержаны в спокойных, мягких тонах. Третий этаж – нежно-жёлтый. Второй – светло-зелёный, почти белый. Никаких кричаще ярких красок. Словно здесь не нуждались в дополнительных украшательствах и ажиотаже, предпочитая строгую и простую, успокаивающую глаза и нервы, палитру.

Самый строгий, почти однотонный – первый. Здесь – только белый и светло-серый. И – немного чёрного. Огромную комнату, вероятно, зал, в который они попали с лестницы, почти не загромождала мебель: лишь диван, три кресла, и журнальный столик. Света через панорамное огромное окно, выходящее в сад, лилось столько, что Дайане пришлось щуриться. Потрясающе. У них – вся квартира меньше этой комнаты…

На гигантской, во всю стену, картине, занимавшей противоположную от окна стену, изображён горный пейзаж: голубовато-серо-белые изломанно-острые пики, и контрастно синяя, почти чёрная тень расселин отлично гармонировали с окраской стен… Но спокойствия духа в душу Дайаны отнюдь не вносили.

– Максимилиан! – строгий оклик отлично поставленным женским голосом заставил Дайану инстинктивно крепче сжать ладонь Максима, и обернуться к двери, которую она вначале не заметила.

Теперь в её проёме стояла женщина средних лет, облачённая в очень простое, но явно жутко дорогое элегантное платье, отлично подчёркивающее и фигуру, и аристократизм её обладательницы. Одна осанка чего ст*о*ит! Да уж – такой явно не приходится работать, чтобы прокормить семью… И хоть следов косметики не видно – черты лица и без этого очень… Красивы.

Ничего не скажешь – Белая Кость. И явно это осознаёт!

– Здравствуй мама! – Макс чуть сжал её ладошку, и она выдавила:

– З-здравствуйте!..

Боже, какой у неё, оказывается, тонкий и неуверенный голос! И как резок контраст с наполненным обертонами голосом, и властным и уверенным тоном хозяйки:

– Здравствуйте. – надо же! Оказывается, чёрство-металлический тон робота-диспетчера – ещё образец душевности

по сравнением с тем, что может выдать человек!

А вот тон, которым женщина обратилась к Максиму – просто сдержанно-деловой:

– Максимилиан! Не мог бы ты уделить мне две минуты? – и, после точно отмеренной паузы, с выверенной прохладцей, – Извините нас – нам с сыном нужно переговорить.

Дайана напряглась. Макс не мог не учуять её страх, поэтому сжал её ладонь ещё раз, и двинулся за матерью, уже отодвинувшей прозрачную створку, ведущую на огромный балкон. Дверь задвинулась. Впрочем – неплотно.

Поэтому Дайане были слышны обрывки фраз, когда говорящие невольно повышали голос. Дайана подумала – не специально ли эта аристократка оставила щель, чтобы она услышала: что о ней на самом деле думает Хозяйка роскошного дома. Правда, она и сама… Чего-то такого и ожидала.

Вот только надеялась, (Излишне наивно, как оказалось!) что её честное, открытое и приветливое лицо…

Ах, эти надежды… Господи, какая же она дура!

– … на какой помойке ты…

– …и что, это безвкусное платье – лучшее из всего…

– … мама, нет! Она вовсе не глупа – просто наивна!.. Нет!.. *Совсем* неиспорченная!.. И находчивая…

Кажется, Макс её защищает… Много ли у неё шансов? Особенно – против этой женщины-Верховной. Такая своё мнение… Вряд ли изменит.

Дайана, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы, не

могла себя снова не осмотреть. Ну да: маленькие ступни с крохотными пальчиками – её гордость. Зато ярко-голубые ногти, выглядывающие сквозь тоненькие лямочки босоножек вписываются в интерьер роскошного особняка так же удачно, как слон на унитаз.

А ярко-оранжевое платье – её любимое! – так же уместно на фоне консервативного и строгого интерьера, как кислая капуста в фужере шампанского!

Господи! Какая же она идиотка! Ну почему не одела новое серое? Здесь оно точно, хоть к тонам комнаты, подошло бы… Но она ведь думала, что они едут просто на Природу! А тут… Можно было и потерпеть раздражающе длинный подол серого!

Честно сказать: будь она сама на месте этой женщины – кроме презрения и раздражения такая кандидатка в «родственницы» и у неё бы ничего не вызвала! Мягко говоря.

Как говорится, со свиным рылом – да в калашный ряд.

– … а я всё равно люблю её!..

– … вовсе не аргумент! Особенно для отца!..

– Отец посмотрит сразу в глаза, а не…

Она подняла глаза на шум – это Макс резко отодвинул створку, и решительно шагнул к ней.

Надо сказать ему!

Глаза закрыла мутная пелена, и ей почти ничего не было видно. Он – сын Верховных. А она понимает, что никогда не сможет составить ему достойную партию – прощайте пре-

красные мечты!.. Но – так будет честнее! Она изо всех сил стиснула руки – они каким-то образом оказались подняты к груди.

Но с голосом удалось справиться. Теперь он звучал нарочито резко и отчётливо. Хотя глядела она в живот своего парня, отвернувшись от балкона – поднять глаза на его лицо пока самообладания не доставало:

– Максим! Твоя мама права! Прости меня. Я… думала, что люблю тебя. Теперь я поняла – это самообман! Я… не могу любить тебя, особенно теперь, когда я знаю, кто ты. Ведь я простая… *плебейка*! Я так же уместна здесь, в этом Доме, как пьяная проститутка на детском утреннике! – собравшись с духом, она нашла в себе силы усмехнуться, подняв-таки взор к его лицу, но всё ещё ничего не видя сквозь слёзы, – Посмотри: мои ногти, моё платье – всё – вульгарно! И безвкусно. Я отлично понимаю, что никогда не смогу стать тебе достойной… – по скулам заходили маленькие желваки, и долго сдерживаемые слёзы вдруг ручьём хлынули из глаз.

– Отвези меня домой! Скорее! – ей перехватило горло, и она, шагнув к лестнице, и схватившись за спасительные перила, уже тише добавила, – Пожалуйста…

Чтобы совсем уж не потерять лицо, она закрыла глаза руками. Теперь ей уже ничего не было видно. Но она слышала приближающиеся шаги.

Макс нежно обнял её за вздрагивающие тоненькие плечики:

– Дайана! Ну пожалуйста! Прошу тебя – перестань!..

– Нет! – почти выкрикнула она, пытаясь сбросить его лишь недавно приводившие её в трепет тёплые ладони. – Твоя мама права тысячу раз! Я и сама возмутилась бы, если б *мой* сын нашёл себе такую, такую!..

– Дурочку. – раздался вдруг мягкий голос откуда-то сбоку, и совсем рядом, – Вовсе нет. Ты – не дурочка. Иначе Максимилиан тебя никогда бы не выбрал. И ты вовсе не вульгарна. Даже платье столь ужасающей расцветки отлично подчёркивает достоинства твоей фигуры. Так что это – пока просто отсутствие должного воспитания, и привитого вкуса.

Ну а это – дело наживное. Иди-ка сюда – вот платок. А то эта дубина, мой сын, сам никогда не догадается!

Не в силах поверить, что это говорит та, что лишь недавно *так* на неё смотрела, и такими словами описывала, Дайана развернулась, медленно и осторожно.

Что это? Пренебрежения и заносчивости и правда нет – ни в голосе, ни в позе! И платок…

Не в силах справиться с чем-то непонятным, нахлынувшим вдруг откуда-то из самой глубины души, она кинулась вдруг на шею этой чужой женщине, рыдая уже во весь голос, и бессвязно бормоча:

– Простите! Я… Я и правда – такая невоспитанная!.. А ваш… Ваш сын… Я в него… С первого взгляда! Я знаю – это звучит так глупо… Простите – если вы скажете – я никогда больше… Не переступлю порога, и… и… – она замолчала,

поскольку рыдания вновь сотрясали её худенькую грудь, и слёзы продолжали ручьём литься из глаз, намочив воротник роскошного платья от Диора, Дольче-Габбана, Клио, или кого-то там ещё…

Ощущение от объятий умных и сильных, как у сына, рук, обнимавших её плечи, и успокаивало и беспокоило Дайану – словно она и чужая… И уже не совсем чужая здесь.

Её бережно и нежно, словно хрустальную вазу, чуть отстранили от мягкого тёплого плеча.

Чувствуя себя законченной идиоткой, Дайана закрыла глаза, закусив губу, чтоб снова не расплакаться. Но рыдания так и душили её, заставляя личико кривиться и носик – шмыгать.

– Ты прав, чёрт тебя подери, несносный мальчишка… Она и правда – неиспорченна. Настоящий клад. Где ты раскопал такое сокровище? – тон доброжелательный, и совсем не аристократический. Теперь её всё так же нежно, но уверенно, разворачивали во все стороны, словно чтобы получше рассмотреть.

Дайана решилась открыть глаза – мать Макса улыбалась. Не ехидно, не презрительно, не иронично, словно свысока – нет. Она улыбалась просто и приветливо.

Дайана поморгала. Выдавила непослушным голосом:

– Простите. Я… Я испортила вам платье.

Максим и мать переглянулись и… рассмеялись. Весело, легко.

Мать сказала:

– Зови меня Глорией. Ну-ка, малышка, пошли: ванная комната у нас там! – и к сыну, – А ты пока запусти Подбор – надо же ей выглядеть достойно, когда заявится папаша!

Ванна занимала комнату размером с их так называемый зал, там, в её квартире.

Наверное, потому, что за прозрачной пластиковой перегородкой сверкал бирюзовой кафельной плиткой настоящий бассейн – тут свободно можно было плавать!

«Шкафчик» с полотенцами, халатами и шлёпанцами размером превосходил раза в два старинный бабушкин шифоньер – предмет гордости Майры. Глория достала с полки большое полотенце. Протянула Дайане, отойдя к раковине:

– Вытри слёзы. И подойди сюда.

Дайана так и сделала, изредка всё ещё всхлипывая.

– Пожалуйста, не обижайся на меня. И на Макса – он должен был хотя бы предупредить меня. Я бы подготовилась. А так – придётся делать всё экспромтом. Значит, вот что. Вначале мы тебя вымоем. Всю. – и, когда Дайана испуганно отшатнулась, – Не бойся! И, пожалуйста, не протестуй! Отец ненавидит запах пота. И пыли. И бензина. Подойди-ка.

Смотри: это обычный душ. – Глория открыла небольшую дверь, за ней оказалась маленькая ванная – почти как дома у Дайаны. Душ, плоское фаянсовое корыто снизу, рукоятки в стене, – Воду я отрегулирую потеплее – тебе нужно сейчас

согреться.

Тугие струи ударили сверху, наполняя комнатку п*а*ром и з*а*пахом чистой воды.

– Повесь пока полотенце сюда, одежду и обувь – вот сюда. А я пойду посмотрю, что можно подобрать тебе… Соответствующее случаю!

Да – вот ещё что. Хм… Вот этот агрегат – для снятия лака.

Вода оказалась восхитительна!

Только теперь Дайана понимала, какая вонючая, ржавая, жёсткая, и чуть тёплая вода льётся у них из крана дома – да ещё за какую плату! А здесь, похоже, даже счётчиков нет. Плескайся – не хочу! Ох…

Найдя на стеклянной полке шампунь «С миндальным маслом», Дайана тщательно два раза промыла волосы. Вымылась как следует и сама. Мочалка выглядела странно, но оказалась очень мягкой, и не царапала кожу, как дешёвый пластик. Может, из настоящей губки?! Она только слышала о таких…

Поворачиваясь, и оглаживая себя ладошками под упругими струями, Дайана думала, какая всё же замечательная вещь – чистая вода! Как хорошо и легко на душе, наверное, делается тем, у кого есть возможность всегда пользоваться такой… Вот, как ей сейчас!

И ещё она с некоторым даже удивлением думала о том, что почему-то уже совсем не боится встречи с грозным «па-

почкой».

Уже вытеревшись, Дайана нашла, как выключить воду – сообразила-таки, какие рычажки вернуть в нулевое положение! Ага, вот и фен в отдельном шкафчике… Она должна выглядеть прилично – а не как мокрая мышь. Высушенные и чистые волосы у неё – очень даже ничего. Пышные!

Фен оказался мощный и работал бесшумно: ещё бы!..

Через двадцать минут она вышла из кабинки обратно в ванную комнату, завернувшись в тёплое и пушистое полотенце. Чёрт! Вот приятная штука! Как ей, оказывается, не хватало такого ощущения! Тело и волосы – абсолютно чисты! И – никакой корочки соли, ощущения сухости, или ржавчины… Боже, неужели Макс… И все Верховные – могут так мыться *каждый* день?!

Она с опаской подошла к аппаратику на ножке, про который Глория сказала, что он «снимает лак». Да уж, голубые ногти отцу Макса вряд ли…

Набравшись духу, она засунула пальцы ног в узкую щель в коробке на полу, а рук – в отверстия округлой штуковины, похожей на тостер. На передней стороне зажёгся жёлтый огонёк. Затем – красный.

Ух ты… А с её ногтями точно – что-то происходит… Словно тысячи мягких щёточек скребут, и струйки чего-то тёплого смывают… Зажёгся зелёный.

Она вынула руки. Обалдеть! А ноги? Фантастика! Даже следа лака не осталось. А ноготки у неё на ногах, оказыва-

ется, и без лака очень даже!.. Пикантны. (Хорошо, что аккуратно и коротко подстригла!) Ладно – вон, похоже, на стуле её ждёт бельё. И платье…

О-о!.. Вот это – да! Хотя Макс, конечно, редкий хам: откуда он узнал размер её трусиков?! Впрочем, подувшись пару секунд, она сообразила: это вовсе не Максим. И это чудесное… волшебное, и словно искрящееся платье – тоже подобрала ей мать Максима.

Трусики она одела. А вот бюстгальтер оказался великоват… Пришлось немного подрегулировать чашечки и расстояние между ними. Когда она одела платье, то словно прильнуло к её молодому чистому телу. Потрясающе!..

Новые невесомые босоножки с тонюсенькими светлыми лямочками оказались точно впору – Боже, какой высокий каблук! Такой заставит прогнуться торс… И подчеркнёт линию спины… И того, что пониже спины! Посмотрим-ка…

Вот – зеркало в полстены.

Обалдеть.

Нет, правда – обалдеть! И это – ещё без косметики! Или… Нет – лучше не «штукатуриться»! Если что-то у неё не так, Глория… (Да, сложно привыкнуть, но как же называть-то её иначе?! Мама – слишком рано. Да и нагло… Нет: пусть уж – Глория!) подскажет. Или – поправит.

Ну, всё – пора!

Храбро выдохнув, она открыла дверь, и, стараясь только не упасть, вышла из ванной. Она старалась не улыбаться, как

довольная кошечка, только что слопавшая миску сметаны, но глаза, кажется, выдавали её – так и искрились!

Максим, ожидавший, как и мать, в одном из кресел, почему-то перестал улыбаться, и поднялся. Несколько секунд длилось молчание, резанувшее по нервам Дайаны словно острым ножом. Она растерянно замерла, так и держась за ручку двери. Тихо спросила:

– Я… Что-то не так? Вам не нравится?..

Глория, выгнув бровь, молча рассматривавшая её с головы до ног, прояснила ситуацию:

– Балбес ты этакий! Не пугай девушку – лучше скажи ей то, что думаешь!

– Да, скажу… Чтоб мне провалиться! – голос Макса вдруг булькнул и прервался.

Максим, этот неустрашимый боец и невозмутимый «мачо», совладал, наконец, с собой. И закончил:

– Дайана! Ты – потрясающая девушка! Можно… я тебя поцелую?!

Дайана почувствовала, как что-то тёплое и жутко доброе заполняет ей грудь, и всё становится возможным, словно сбывающаяся Мечта!

Она нравится Максу!

И, что важней – она нравится его матери! Недаром же та так хитро ухмыляется в спину застывшего, словно телячий студень, сына…

Она поняла, что губы сами собой растягиваются в безум-

но счастливую улыбку:

– Да! – это не возглас, а, скорее, выдох! Но Макс услышал, и поспешил воспользоваться… Она снова разрыдалась – ну как последняя дурочка!

Но – уже от счастья!..

Отец Максимилиана казался гораздо старше своей супруги.

Наверное, он и был старше её – лет на десять. Но перехватив пару взглядов в сторону Глории, Дайана поняла, что он до сих пор от неё без ума… Что ж – мать Максима этого достойна. Как бы ей и самой хотелось выглядеть хоть вполовину столь блистательно, и в то же время солидно. Не иначе, в ней течёт кровь каких-нибудь древних вельмож – ну там, всяких Графов, Маркизов…

Ужинали они на кухне, (Впрочем, если это – кухня, то она – Папа Римский. Здесь можно было свободно накормить взвод солдат!) при мягком освещении бра на стенах и матового небольшого светильника, расположенного над столом.

Конечно, Макс не упустил случая – включил до ужина на полную яркость настоящую хрустальную люстру на потолке – парадную! Сияние оказалось таким, что Дайане пришлось зажмуриться. А вот боковая подсветка и светильник давали как раз ощущение уюта и спокойствия.

Присутствие Дайаны в нежно-голубом, переходящем внизу – в синий, а к плечам – в бело-серый цвет, платье, отца

Максима, похоже, не сильно удивило. Ну, или, что верней, этот крепкий загорелый мужчина отлично держал свои эмоции в узде.

После взаимных представлений, и еле выдохнутого «мне очень приятно», Дайана всё же немного успокоилась: отец Макса не пялился на неё. И явно не смотрел, как на «низшее существо». Хотя если бы её отцу Лесли привёл «девушку» из низшей Касты познакомиться – уж тот бы не примянул!..

Но и здесь полностью вниманием Дайана обойдена не была: за ужином она нет-нет, а ловила на себе заинтересованные взгляды. И, как ей подсказывал инстинкт – вовсе не недоброжелательные. Но она старалась изо всех сил – молчала, когда её не спрашивали, отвечала коротко и по делу, не улыбалась, и только отщипывала руками (Макс подсказал, и показал пример!) крохотные кусочки от неведомого восхитительного лакомства: фаршированной яблоками и рисом Индейки!

Вкус можно было передать только одним словом – божественно!

Но тут что-то подсказывало (Не иначе – инстинкт Евы!) ей, что лопать так, как они с родителями привыкли дома – неуместно. Не будет соответствовать менталитету!

А ей бы очень хотелось. Соответствовать.

Потому что если её примут в Семью, (О-о!.. Боже – неужели это и правда *может* произойти! И это – не глупый сон из уныло-казённого детства, с его розовыми мечтами и слезами

в подушку и мистера Винни! Как в телесказке про Золушку!) она должна будет вести себя так… Чтобы не уронить достоинства и статуса семьи Максимилиана. И своего.

Если… Её примут.

Вероятно, всё так или иначе зависит от Отца.

При мысли об этом решении неприятный холодок закрадывался ей в вырез между лопатками. И заставлял сильнее биться крохотное сердечко – так, что, наверное, это было слышно сидевшему рядом Максу. Иначе он не сжимал бы под столом каждые две минуты её ледяную ладошку…

3.Организационные проблемы

Как только угол ближайшего здания скрыл их от девушки, Дик щёлкнула переключателем коммуникатора:

– Внимание, Диспетчерская! Это агент Дик. Нам срочно нужна реанимационная машина! Ситуация три!

Равнодушно-деловой голос тотчас отозвался в крохотном наушнике, вживлённом в ухо прямо у барабанной перепонки:

– Сейчас свяжусь со скорой помощью. Уточните координаты.

– Так… Мы будем на крыше башни Це восемь – одиннадцать. Через две минуты.

– Понял. Через две минуты. Машина сейчас будет там.

В заднем, служебном, подъезде башни Це восемь-одиннадцать, куда они вбежали через минуту, Дик, пока Макс втаскивал Майлза, уже своим универсальным ключом открыла запертые на ночь двери служебного хода. Коридорчик упирался в дверь щитовой, подвала и лифта. Лифт *здесь* использовался только техническим персоналом и…

Секретными правительственными агентами.

Ключ и универсальный код сработали как надо: через минуту они выходили на крышу бетонной коробки, вдыхая удушливые запахи из вентиляционных коробов – пахло на-

гретой машинной смазкой, резиной, кухонным чадом и… нечистотами.

Через минуту послышался прерывистый свист: лопасти вертушки вращались бесшумно, но разрезаемый воздух откликался уханьем. Дик посветила в сторону машины фонариком из своей зажигалки. Порядок! Пилот заметил их, высветил место для посадки прожектором…

Макс просто затащил Майлза в откинувшийся задний люк. Дик устроилась в кабине, рядом с пилотом. Одела шлем.

– Ближайший госпиталь для Третьего Уровня?

– Больница СанСебастьяна, Нью-Хемпшир. Долетим минуты за три! – пилот уже поднял машину, и плавно наращивал скорость, стараясь сильно не наклонять нос.

– Отлично! Спасибо.

Майлз выглядел отвратительно.

Наблюдая, как заботливые руки санитарной бригады быстро подключают друга к системе искусственного кровообращения, и надевают маску с кислородом, Максим не мог не обратить внимание на землистый цвет его лица. Да, крови-то Майлз потерял немало.

Как вообще остался жив! Повезло им, самоуверенным болванам! Думали, если в первый день «проканало», так же будет и во второй.

Ан – нет! С этими нулевиками никогда нельзя быть ни в

чём уверенными…

Хотя могло случиться и так, что драка возникла и не из-за того, что чужаки сделали или сказали что-то не так. Драки в барах нулевого Уровня возникают спонтанно, и почти каждый день. Это и своеобразный «обычай», и разрядка «немотивированной агрессии», вспышками которой подвержены эти изгои Общества. «Они так развлекаются», если озвучить простыми словами многотомные занудно-педантичные, и обильно усыпанные высоконаучными терминами, результаты исследований группы социологических изысканий.

Впрочем, изгои-то эти «ребята» – только в силу собственной лени. Ну, или тупости.

А так – никто не мешает учиться, и сдавать Экзамен на Первый Уровень…

Старший бригады, запихав обратно в стену кабины штангу с универсальным сканнером, повернул лицо в маске к Максиму:

– Ничего страшного. Вернее – ничего *особенно* страшного! Перелом трёх рёбер, обширные гематомы на спине и плечах. Трещина в черепе, рваные раны, очевидно, от осколка стекла. Ну, и большая потеря крови. Сейчас начнём переливание: группа Эр-два положительная. Через три дня будет как огурчик! Однако!

Я вынужден буду доложить начальству, что в крови полно запрещённого кокаина. Так что, боюсь, сразу после выхода из госпиталя он отправится в Федеральную Тюрьму!

– Понятно. Спасибо, доктор. Я… Сообщу его родственникам.

Однако «сообщить» Максим собрался только после того, как они приземлились прямо перед центральным входом, и Майлза с уже подключёнными капельницами и ёмкостью с донорской кровью на каталке увезли в Приёмное отделение.

Их с Дик при входе в госпиталь уже поджидала Полиция наземных Уровней.

– Здравствуйте. Лейтенант Веласкес. – плотный здоровяк, вышедший вперёд, коротко козырнул. Пятеро чуть менее высоких полицейских, предусмотрительно держащих руки вблизи дубинок и станнеров на поясах, окружили их кольцом, – Боюсь, вам придётся пройти с нами.

– В чём дело, лейтенант? Мы просто доставили раненного.

– Понимаю. Однако нам нужно прояснить ситуацию с дракой на Уровне Джи, в одном из баров тринадцатого сектора. В наше Отделение поступил сигнал, что драку затеяли «гости» с верхних Уровней… Вам придётся пройти проверку на отпечатки пальцев и идентификацию запахов.

– Понятно. Прошу вас ознакомиться с этим, – Максим демонстративно медленно, чтоб не нарваться на излишнее служебное рвение, достал из потайного кармана Служебное Удостоверение, – Отдел Внутренней Безопасности. Капитан Гольдблюм. Проводим расследование, связанное с вопросами Национальной Безопасности.

Лейтенант нахмурился. Глянул в лицо ему и Дик с подо-

зрением. Однако удостоверение казалось подлинным. Лейтенант всё же чиркнул по нему сканнером. Тот пикнул, загоревшись зелёным.

– Приношу свои извинения, капитан, сэр, – лейтенант снова козырнул. В тоне явственно сквозило разочарование, – Сами понимаете – мы должны… Выполнять свою работу.

– Я понимаю. – Макс не стал отдавать честь – вдруг кто-то посторонний смотрит. Просто коротко кивнул. – Никаких претензий.

Лейтенант, кивнув своим, увёл их к машине, и вскоре Макс и Дик стояли у входа в гордом одиночестве.

– Идём на стоянку у гипермаркета. М*е*ста там достаточно, и оттуда меня смогут забрать. – в тоне Дик не было эмоций. Только усталость.

– Да. Идём. Только вот ещё что. – Максим щёлкнул уже своим коммуникатором:

– Диспетчер. Это агент Гольдблюм. Группу прикрытия в Больницу Сан… – он назвал место, – И ещё. Проследите, чтобы городская Полиция не беспокоила Дайану Симмонс, Уровень Второй, место жительства – Башня Би четыре – двадцать два, четырнадцать лет. Ей, вероятно, попытаются инкриминировать несанкционированное проникновение, драку и терроризм. Нужно, чтобы дело *не* возбуждалось. Материалы – уничтожить.

Машина, которую прислали за агентом, совсем не напоминала медицинский вертолёт. Она, скорее, напоминала хищ-

ную птицу. Это когда была видима. С адаптивным же камуфляжем они бы и двери в боевую вертушку не нашли…

Уже залезая внутрь, Дик буркнула:

– Завалили мы наше чёртово «Задание», капитан Гольдблюм. Засветились, как последние лохи. Облажались и с «маскировкой» и с легендой. Да и силы свои… Явно переоценили. Если бы не твоя Дайана, стало бы в Агенстве на двоих идиотов меньше.

Передай ей спасибо, если тебя здесь оставят.

– Ладно, передам. Ну, счастливо!

– Чао.

Проводив взглядом машину, (ну, вернее, то, что оставалось чуть видно и еле слышно) Максим усмехнулся в усы: да, «девушка» ему попалась что надо!

Такую и в жёны взять не стыдно!

Чёрт! А…

Почему бы и нет?!

Вот уж дети у них получились бы: здоровые, умные, и целеустремленные!..

А что? Интересная идея: познакомит-ка он её со своими… Пусть он сам и не слишком хорошо разбирается во всех этих «тонкостях» воспитания «супруг для элиты», но, может, мать что-нибудь посоветует. Ведь чем раньше начать, тем быстрее малышка к ним, в эту самую элиту, и «вольётся»?..

В кабине вертушки было тесно и душно.

Но Дик смогла, наконец, вытянуть гудящие ноги, и откинуться на в меру мягкую спинку. Господи, как болят все рёбра, мышцы, и спина! Словно её побили… Впрочем, почему – словно?.. Их и побили! Конечно, большинство наиболее «суровых» ударов досталось напарнику. Но и ей… Перепало. Спасибо, хоть ничего не сломано. Кажется.

Проклятье!.. Они здесь всего две недели, а уже засыпались. Придётся теперь если работать – так уж не в Лос-Анжелесе… Этот город для них с Колинзом закрыт.

За каким чёртом их понесло во второй раз в этот бар?! Видели же, что даже в конце первого «визита», если бы не угостили всю банду явно враждебно-настороженно относившихся завсегдатаев халявной выпивкой, огребли бы люлей, как говорится, не сходя с места…

И как можно было подумать, что их там теперь-то посчитают «почти за своих»?

Вот именно. Никак. Её ошибка. Вернее, настаивал-то Колинз… А она – согласилась. И настояла «всё же попробовать *ещё* подождать». Значит – сама дура.

За три минуты отдохнуть и заняться самоанализом, конечно, не удалось.

Именно через столько времени её высадили на крыше ничем не выделяющейся башни в пригороде. Вертушка отбыла, Дик прошла к очередному сканнеру. Уж здесь-то система Безопасности сканирует не только сетчатку…

На лифте добралась быстро – Контора Агентства базировалась здесь же, занимая пять верхних этажей: ну ни дать, ни взять – Третьеуровневики! Прикрытие, мать его.

Храбро пройдя по коридору, она открыла дверь в приёмную:

– Агент Дик прибыла. Прошу доложить полковнику!

Лейтенант, сегодня сидевший за столом секретаря, только глянул на неё, и тут же щёлкнул селектором:

– Господин полковник. Здесь агент Дик.

Ответа она, конечно, не услышала, поскольку в ухо лейтенанта был вмонтирован точно такой же как у неё, подкожный наушник, однако тот указал рукой на дверь:

– Прошу вас, агент Дик!

Во вторую дверь тамбура она постучала, и открыла её, только услышав: «Войдите!»

Выражение лица полковника ничего хорошего не предвещало. С другой стороны – чего ещё ожидать, если Задание провалено… Только вторую часть «люлей». Правда, теперь – моральных. А они «делают больно» только самолюбию.

Что тоже достаточно погано…

– Садитесь, агент. – крепкая загорелая рука указала на простой стул у стола для совещаний, голубые глаза холодно сверкнули сосредоточенной деловитостью, – Доложите о ходе выполнения. Особо подробно, пожалуйста, о сегодняшнем инциденте.

– В течении двух недель мы с агентом Майлзом Колин-

зом проводили стандартную работу в соответствии с заданием: изображали двух молодожёнов-экстремалов, проводящих медовый месяц положенного отпуска в чужом городе.

Согласно легенде прикрытия, нас интересовали предметы старины. И, в частности, древние книги. Чтобы найти их, мы общались с мелкими поставщиками контрабанды и наркотиков. – она вкратце рассказала об установленных контактах, и своих наблюдениях о специфике местного рынка запрещённой продукции, – …нам предлагали даже старинные бобины – с так называемыми «магнитофонными записями». Но вот книг в первые десять дней… – ей пришлось сделать паузу. Дышать почему-то стало трудней, вокруг словно возникла тёплая подушка, и ей явно нечем было дышать в кабинете. Но надо закончить:

– Скорее всего, никто не хотел связываться – мы же «подозрительные» чужаки.

Потом сутенёр и мелкий наркодилер «Элвис» привёл нас в этот бар, и познакомил с Кривым Питером. Ну, он… Э-э… Прошу прощения. – она откашлялась, и вытерла обильный пот со лба прямо рукавом. Голова «плыла» всё сильней, и перед глазами по краям поля зрения мерцала и дрожала словно радужная пелена, заслоняя кабинет и начальника…

– Агент Дик, вам плохо? – полковник нахмурился.

– Н-нет… Да. Это всё чёртово пойло – нам дали запрещённый самодельный репеллент – чтобы сбить Пса со следа… Пришлось выпить, чтоб, так сказать, соответствовать

легенде… Он, как мне кажется, недостаточно очищен – вызывает сильную тошноту. Я… Извините, – она оглянулась, стараясь найти, куда бы…

Полковник проявил редкостную догадливость. Или сострадание – что вообще на него было непохоже: достал из-за своего стола корзину для бумаг, подал ей, и отвернулся.

Когда приступ рвоты закончился, Дик отставила корзину в угол, пробормотав: «Простите». Полковник добил её «заботой» – протянул свой носовой платок, сказав: «Оставьте себе».

Чёрт возьми – он даже стал похож в её глазах на обычного человека!

Более того: когда она с затаённой надеждой посмотрела на графин на столе, полковник сам налил ей стакан, и, обойдя стол, подал. Вот уж спасибо: сама она сейчас не то что встать – руку протянуть не смогла бы. Ну и чёртово зелье им подсунул очкарик…

Руки зд*о*рово тряслись, но стакан она не расплескала.

Когда выпила, ей, вроде, полегчало. Она смогла почти нормально дышать. Пелена из дрожащего марева, застилавшая поле зрения, исчезла.

Дик благодарно кивнула, утеревшись свежим платком.

– Сможете продолжить рапорт… Или я вызову врача?

– Нет. Не нужно врача. Я… Смогу. Продолжить. – она постаралась продышаться по методике йоги, и освободиться от дрожи в коленях и в низу живота. Порядок. Почти.

– Мы… договорились встретиться с Кривым Питером на следующий вечер – он должен был принести что-то типа брошюры, а мы – деньги. Купюры все были обработаны. Брошюру он… Описал так подробно, что мы купились. Поверили, в-смысле, что она есть.

Однако мы прождали полтора часа, а Кривой так и не пришёл. Затем напившийся докер попытался за мной поухаживать… Ну, вся сцена начала драки есть на видео. – она выложила на стол флэшки, которые передал ей Макс, – Вот запаси с видеокамер бара.

Но я готова поклясться всем своим опытом, и чутьём, что мы ничего провокационного не делали, вели себя «адекватно», «на неприятности» не нарывались… Драку начал этот докер, а потом, когда Майлз отправил его отдохнуть на пол, вступились и остальные. Бармен нажал кнопку сигнализации в местное отделение полиции, и попросту убежал в служебную дверь, заперев её за собой.

Так что Майлзу пришлось принять дозу кокаина, и мы с ним убежали за стойку.

Слава богу, успели позвонить Максу – хотя какой был смысл оставлять его там, наверху, если только на Пропускной Пункт ушло бы минут пять, не представляю!

– Согласен. «Прикрытие», оставленное настолько далеко – ошибка плановиков. Но, с другой стороны, появление агента Гольдблюма на Уровне Джи смотрелось бы ещё подозрительней. И, следовательно, было бы ещё опасней. Для агента

Гольдблюма. Продолжайте. Как ему удалось спасти вас?

– Он накануне познакомился в караоке-баре с молодой второуровневичкой. Заступился за неё перед её парнем… Имя парня – Джеф Фрост, отмечен в двенадцати полицейских Протоколах. Любит подраться. Шесть приводов, четыре срока по пятнадцать дней. Штрафы. Словом, любитель подраться и понарушать. Первоуровневик. Совершеннолетия ещё не достиг. Поэтому пока нигде не работает, и полных сроков, положенных за нарушения закона, не получает.

Макс «утихомирил» его и его подручных. Девица восприняла это, как сигнал к тому, что пора сменить парня. Агент Гольдблюм не вызвал у неё подозрений. Теперь мы можем только порадоваться, что он принял решение согласиться «стать её парнем»: если бы не это, и не отличное знание ею Нулевых Уровней, никогда бы Макс до нас вовремя не добрался – Майлз уже терял сознание, а я… После полученных травм оказалась почти небоеспособна. Буквально на ногах не держалась. Забыла даже про флэшки – к счастью, агент Гольдблюм не забыл.

Отход оказался внеплановым – девушка сама замела все следы, и, я уверена, Пёс не смог бы нас найти. Однако – агент Гольдблюм всё равно дал указания в диспетчерскую позаботиться об уничтожении материалов. Чтобы, значит, девушка не пострадала.

– Считаете ли возможным привлечение её к выполнению Задания?

– Нет. Она абсолютно не владеет спецификой. Призналась, что никаких постоянных контактов там, внизу, у неё нет. Просто – хорошо знает эти Нулевые уровни, так как много «путешествовала» там в доучебном возрасте. Зато у неё есть знакомый, который производит синтетические запрещённые препараты за деньги. Вероятно, наркоман.

Затем… Мы полчаса плыли по реке. Затем расстались. Девушка пошла к себе. А мы – к себе. Вызвали транспорт, эвакуировались с крыши… Это всё.

– Хорошо. Рапорт принял. – по виду полковника не ясно было, доволен ли он и правда, столь сбивчивым рассказом, вместо по-уставному четкого рапорта с подробностями, – Сейчас отправляйтесь в кабинет оказания первой помощи при нашем лазарете. Я дам распоряжение дежурному терапевту – пусть осмотрит вас. Потом отдыхайте. Далее.

Поскольку вы двое оказались «засвечены», я принимаю решение операцию приостановить, оперативную деятельность агента Гольдблюма прекратить, но «на месте» его пока оставить. Пусть продолжает свои «отношения» с этой девицей. Её дружка-химика мы тоже трогать пока не будем. Подробный Рапорт напишете завтра – вернее, уже сегодня! – утром. Когда выспитесь. В двенадцать ноль-ноль он должен быть у меня на столе. Это всё. Выполняйте.

– Есть! – она поднялась, вяло отдав честь. Гос-с-поди, до чего кружится голова!

Нет, полковник определённо стал больше похож на чело-

века, а не на машину для раздачи указаний. Может, это от того, что она… не совсем в форме – она ухмыльнулась про себя. Нет, он молодец, понимает… Что ни на что другое, кроме падения в постель, ну, или на стол к терапевту или хирургу, она сейчас не годится!

Выйдя в дверь, она прислонилась к стене.

Полковник, если честно, оказался даже ещё б*о*льшим молодцом, чем она смела надеяться: явно лейтенанту что-то приказал. Потому что тот уже встал из-за стола, и, сказав: «Идёмте, агент Дик, мне поручено проводить вас!», подлез ей под руку. После чего буквально понёс её к лифту. Когда под другую руку подлез док, она даже не уловила.

Далее её ввели в медицинский блок… А потом её положили, наконец, на ложе, пусть и жёсткое, но – горизонтальное! Док буркнул:

– Лейтенант! Вам придётся мне помочь…

Она почувствовала, как с неё аккуратно снимают разные предметы одежды…

Что было дальше, она не помнит.

– Вот он, этот момент. После обработки хорошо слышно. – полковник чуть вернул запись назад, и воспроизвёл ещё раз хриплый шёпот говорящего:

– Маб это точно не понравится! Никогда раньше никто про книги не вынюхивал! Наверняка – подсадные утки…

– Да, похоже. Ну и что дальше? Пусть сидят?

– Ну уж нет… Если не тронем – эти умники наверху сразу догадаются, что мы раскусили их подставу. Вот что: я тонко намекну Гаю… Минут этак через десять… Что девица-то на него всё время поглядывает. А ты купи ему выпить. Прямо сейчас. Чтоб, значит, дозрел…

Полковник остановил запись.

– Из прослушанного можно сделать по крайней мере три предварительных вывода.

Во-первых, существует некая Маб, неплохо, похоже, подкованная, и имеющая влияние на местный «электорат». Если называть его этим словом уместно. – присутствующие похмыкали и пофыркали. Очевидно, слово всё же выглядело *не* уместным. Словно заблеявшую козу спросили «что угодно, Ваше Величество».

Однако присутствовавшие на планёрке офицеры понимали, что недооценивать противника глупо. И не в термине дело. Полковник между тем продолжал:

– Во-вторых, двое организаторов драки явно принадлежат к промежуточному звену подполья. Местные, так сказать, командиры. Сержанты. Ну, и в третьих – они отлично понимают, что перед ними никакие не молодожёны, проводящие отпуск, как туристы, а агенты под прикрытием. И, самое главное – понимают, что если драку *не* затеять, как раз это будет выглядеть подозрительно… Для нас.

Обведя присутствующих тяжёлым взглядом воспалённых глаз, (вероятно, сказывались две бессонные ночи) полковник

предложил:

– Прошу высказывать соображения. Как вернуть ситуацию в доках под контроль.

– Можно сказать, сэр?.. – руку поднял начальник службы технической поддержки, капитан Стивен Ашервуд.

– Прошу, капитан.

– Мы уже установили личности говоривших. Это Такер Буджолд и Рэндом Смайли.

У них есть лишь одна Маб среди контактов – мать этого самого Буджолда. Все её связи сейчас устанавливаются. Однако…

У нас есть подозрения, что она, да и все остальные подозреваемые, знают о прослушке. Так, отмечены её частые выходы из квартиры, и поскольку она ни в каких других помещениях не появлялась, можно сделать выводы о контактах в непрослушиваемых и непросматриваемых нами местах. Вроде складов, парковок, технических зон, и других подобных точках. Поскольку в коридорах-то камеры видеонаблюдения её контактов не выявили. Но не можем же мы оснастить камерами *весь* город! Тогда операторов за мониторы придется посадить чуть не столько же, сколько там и жителей!.. – он перевел дух. Полковник промолчал.

Капитан, уже спокойней, продолжил:

– Уже одно это говорит о том, что этой Маб есть что скрывать, и она делает это вполне осознанно. И грамотно. Я бы сказал, профессионально. Значит, или обучилась… Или –

обучили!

– Понятно. Кто ещё хочет?..

Паузу нарушил майор Хорст ван Бьюкенен, начальник оперативной группы:

– Мне представляется важным *подчеркнуть*, – тоном он так и сделал, – полную безнаказанность заговорщиков. Законную! Раз нет материалов прослушки, и тем более – видео их собраний и переговоров, мы не можем доказать ни противозаконности, ни антигосударственной направленности действий подозреваемых.

Они наверняка не ведут никаких Протоколов, или вообще – записей. Которые можно было бы изъять как вещественные доказательства.

Ну вот *нечего* нам предъявить им! Кому-то очень хочется, чтобы мы посчитали все эти инциденты – вспыхнувшими стихийно, как бы… *не* в результате сговора, а – сами по себе, словно…

Словно нулевики недовольны. Своим *положением и правами*! – ирония прорвалась сквозь напускной деловито-равнодушный тон. Фыркнув, майор продолжил:

– Я не верю в то, что нулевики сами додумались до всех этих, весьма действенных, мер предосторожности. И до того, что нам банально не хватает средств, и персонала, чтобы оснастить аппаратурой *каждый* уголок их чёртовых Уровней. Да, они могут быть весьма хитры – да, на бытовом уровне эта черта присуща и им. Но!

Вот так методично, кропотливо и умно обводить вокруг пальца Силы Службы Безопасности и Агентства – нет, никогда не поверю, что такое возможно без руководства и консультаций извне! Консультаций профессионалов.

Предполагаю, что это могут быть происки иностранных спецслужб. (Мы уже, собственно, двадцать с лишним лет и ждём чего-то такого с их стороны!) Чтобы заставить нас бросить все силы сюда, на борьбу с внутренним, так сказать, затаившимся, врагом.

Я же считаю что это – способ отвлечь наше внимание от подлинной, *внешней* угрозы! А заодно и внести замешательство и озлобление в ряды нашего армейского контингента, поскольку большая часть рядового состава – как раз нулевики! И они отлично знают все новости из дома: уж о чём – о чём, а о беспорядках и наших репрессиях по отношению к идентифицированным виновным, чья вина доказывается лишь *косвенными* уликами, преувеличенные и искажённые сплетни передаются в первую очередь!..

– Безусловно, такая версия происходящего заслуживает пристального изучения. – тон полковника, впрочем, отнюдь не искрился живым интересом. – Однако, как вы сами сказали, у нас нет никаких реальных фактов и доказательств. Зарубежного вмешательства.

Кто ещё?..

– Если позволите, сэр… – с пухлой физиономии заведующего медицинской частью, доктора каких-то там (полковник

никогда не мог запомнить, каких именно) наук, Перси Уоткинса, тёк пот – очевидно, от смелости, что решился, наконец, высказать и своё мнение грозному начальству, – Я хотел бы отметить тот факт, что запрещённые самодельные наркотики, репелленты, обезбаливающие, афродизиаки, и другие средства воздействия на психику и физиологию в последнее время уж слишком распространились… Собственно, я опираюсь на разведданные, предоставленные нам группой господина майора… – вежливый кивок в сторону ван Бьюкенена, – Причём производят их по преимуществу как отдельные преступники, так и целые группировки, на *Верхних,* наземных, Уровнях. А основной спрос – именно там, внизу. У нулевиков.

Это не может быть просто так. Но вот в чём здесь дело – не пойму. Ситуация пока не поддаётся анализу качественному – только количественному. Так вот: объём «товарооборота» вырос за полгода почти вдвое!

– Хм! – полковник нахмурился, – Если я правильно понял вас, доктор, получается, что верхние Уровни пытаются… «затуманить» мозги нулевикам?

– Нет-нет, господин полковник! Вовсе не так! Напротив: нулевики *сами* стали потреблять больше всей этой химии! Это они заказывают… И ведь платят – то есть находят деньги. Наличные!

Вопрос заключается в поиске *причины* такого увеличения… Потребления.

То ли они хотят сделать свою жизнь… Хм-м… не столь серой и беспросветной… Забыться. Уйти в мир грёз. То ли…

Что-то задумали. Словом… Не знаю. Я не психолог и не социолог. Я врач. Я просто констатирую факт: потребление, особенно *сильных* галлюциногенов – аналогов героина, выросло в разы!

Ну, вы же понимаете: это *спрос* рождает предложение, а не наоборот!

Конечно, это ведёт к тому, что самодеятельных производителей стало больше. И старыми, и новыми лабораториями, и одиночками-кустарями всего этого д…ма теперь производится больше! Вопрос в том, решимся ли мы разом обезвредить все выявленные точки производства. И арестовать всех известных на сегодня распространителей… У которых можно было бы выяснить подробности. Как вы уже знаете, почти все наши улики и доказательства, вот именно – косвенные! Да даже если б мы и выяснили подробности, мы не узнали бы главного: побудительных причин! Впрочем, арест, допросы, и ликвидация таких лабораторий – уже не в моей компетенции. – снова кивок в сторону майора и полковника.

– Так. Теперь понятней. То есть – понятно, что наркота больше стала нужна нулевикам, для того, чтобы… уйти «в мир грёз». Но – почему? Хотя бы – предположения?

– Затрудняюсь пока даже *предположить*… Как тут уже упоминалось, у нас, да и у социо-аналитиков, катастрофически мало фактических материалов. Официальные исследо-

вания-опросы там, внизу, не проводились уже… лет десять. Во-первых, никто не выделяет нам, и учёным на это средств из Бюджета… А во-вторых это попросту физически опасно для тех, кто… Словом, для «полевых агентов-опросчиков». Кроме того, как вы знаете, даже если аналитики делают какие-то выводы, с нами они делятся не слишком охотно. Особенно, если нет специального приказа. – доктор сердито надул пухлые губы.

– Вы отлично знаете, док, что даже я не имею доступа к их исследованиям и Отчётам, поскольку они подчинены… Не нашему Ведомству. А непосредственно – Конгрессу. Ладно. У кого есть практические предложения?

Таковых не нашлось. Полковник подвёл итог:

– Господин майор. Приказываю сегодня ночью, в три часа, произвести задержание выявленной подозреваемой Маб Буджолд, её сына, Такера Буджолд, и Рэндольфа Смайли. По возможности скрытно. Доктор Уоткинс. Прошу обеспечить необходимые для допроса всех троих задержанных объёмы сыворотки.

На сегодня всё. Все свободны.

После того, как за последним офицером закрылась дверь, полковник откашлялся. Снял трубку телефона защищённой линии…

Мамаша Маб красотой, скромностью, или хорошим воспитанием не отличалась.

Первым делом, когда её усадили на стул для допросов в камере, она смачно плюнула на пол, и пожелала матери полковника… Иметь сексуальные сношения с бегемотом. Поскольку с ослом, похоже, они уже имели место – о чём говорит внешний вид полковника: «видали мы и покруче, и поитилликтуальней начальничков!». Далее ей захотелось узнать, за каким … её, мирную и законопослушную налогоплательщицу в три часа ночи выдернули из тёплой постели. И много чего ещё.

–… вы, козлы вонючие, наверное думаете, что я своих Правов не знаю?! Так вот …ер вам от зеленой макаки! Я – такая же честная и законопослушная гражданка и налогоплательщица, как сам Президент! И руки мои немедленно освободите! Я что – воровка, чтобы сидеть тут в наручниках?!.. Да я, если хотите знать, пользы для нашего Государства приношу больше, чем вся ваша …ренова Служба Безопасности! Вы тут не придумали ничего лучше, чем таскать по тюрягам да камерам самых обычных работяг да домохозяек, вместо того, чтобы начать с себя! Вон: рожу-то какую отожрал: так и лоснится! А оплачиваю-то все это, между прочем – я! И миллионы таких же как я, честно вкалывающих до седьмого пота, трудяг! А не просиживающих денежки налогоплательщиков в дорогих мундирах за столами в кондиционированных кабинетиках, дармоедов! И толку-то со всех вас – как от козла молока, раз не можете обеспечить эту самую «безопасность», а только хватаете зазря кого ни попадя!.. Да любая

домохозяйка нашей стране нужнее, чем тыща таких, как ты! Потому что рожает налогоплательщиков и работяг, вот, как я! Небось, сам не рожал, и даже не воспитывал ребенка-то? А если бы хоть раз попробовал – каково это: родить, и вырастить, и воспитать как положено здорового и…

Поняв, после десяти минут не прерываемых ни малейшими остановками или паузами, обвинений, и мата, что ему просто заговаривают зубы, и гневная оправдательно-обвинительная речь скорее всего попросту… отрепетирована, полковник нажал кнопку под крышкой стола. Буквально в ту же секунду открылась дверь, и лаборант в маске вкатил столик с оборудованием.

Полковник жестом предложил начать. Застывший по стойке смирно в углу охранник отделился от стены, и удерживал могучими клешнями тело визжавшей и изо всех сил брыкавшейся и сопротивлявшейся дородной женщины, даже успевшей пнуть бедолагу в колено, пока ей в предплечье вкатили полный шприц сыворотки.

Через минуту Маб обмякла, и как бы «растеклась» по стулу: мышцы перестали сопротивляться. Ещё через минуту, осмотрев с фонариком тусклый и не реагирующий на свет зрачок, лаборант кивнул – моральное сопротивление допрашиваемой тоже оказалось в достаточной степени сломлено.

Полковник жестом отпустил медика.

Однако к допросу приступать не спешил. Встав, он неторопливо обошёл вокруг обездвиженной и обезволенной жен-

щины. Принюхался. Хм-м… Потом, мочой, и застарелой грязью не пахнет. Значит она: во-первых, не боится ни его, ни допроса, а во-вторых – несмотря на дороговизну горячей воды, регулярно и аккуратно моется.

Похоже – действительно, они выявили и выловили одну из руководительниц подпольного Движения гражданского неповиновения.

– Признаёте ли вы, что ведёте противозаконную деятельность, направленную на подрыв устоев нашего Общества? – полковник решил сразу расставить все точки над «и».

А голос-то у неё и в таком состоянии громкий. И дикция отменная.

– Нет конечно! Что ещё за бред вы там несёте?!.. Я никакую такую деятельность не вела, не веду, и если Бог попустит, и вести не буду!

Чёрт возьми! Невероятно!

Врать сознательно под воздействием сыворотки правды невозможно! Значит, она действительно считает… Что не делает ничего *противозаконного*!

Полковник вернулся за стол. Чтобы привести мысли хотя бы в подобие порядка, достал из ящика пластиковые листы с материалами расследования.

– Рекомендовали ли вы своему сыну, Такеру Буджолду, и его друзьям, третьего числа текущего месяца сбросить с крюка башенного крана Пирса номер восемь, контейнер с продовольствием?

– Нет! – да что же это такое!.. Ладно попробуем с другого конца.

– А… Что вы говорили вашему сыну утром третьего числа по поводу его работы?

– Я сказала, что надо быть полным бараном, чтобы отправлять за море каким-то желтомазым обезьянам и бездельникам контейнеры со жратвой, когда нам тут самим не хватает, вместо того, чтобы из нескольких, случайно разбившихся при погрузке, набрать еды домой. И что уж если бы при мне такое случилось – я-то не растерялась бы!

Ах, вот так… Весьма тонко – сформулировано так, что прямым указанием это не посчитает ни один суд. И даже под воздействием «правдодела» можно легко выкрутиться.

Как вот сейчас и происходит.

Но *кто* же… Вложил эту фразу в мозг по-бытовому хитрой, но явно недалёкой и необразованной в плане знания тонкостей Законодательства, безработной домохозяйке?!

– Вспомните точно фразу, которую вы сказали сыну. – препарат позволит ей сделать это. Он позволил бы вспомнить и то, что она читала ещё в школе…

– Э-э… Я сказала… Баран ты Такер. Да и все вы там бараны, говорю. Отправляете каким-то е…анным желтомазым макакам и лентяям за море кучу жратвы, а у самих дома детишки чуть не голодают! А вот бы было хорошо, говорю, если бы при вас парочка контейнеров *вдруг* упали и сломались! Тогда все докеры смогли бы набрать продуктов себе домой!

Возьми кепку – я её постирала, а то опять нос и рожа обгорит! И помни – дома закончились масло, соль и бекон. Жаль, что я-то не смогу сидеть и ждать там, возле вашего с…ного пирса, когда контейнеры-то попадают. Вот ты и смотри там – не теряйся.

– А *почему* вы сказали сыну эту фразу?

– Я… – чёрт! Она колеблется! То есть и правда, *не знает*! – Она… Она как бы возникла у меня. В… мозгу. Я и сказала!

– Откуда, и как именно она возникла у вас… В мозгу?

– Она возникла… из Голоса. Это мой внутренний голос, говорю, сказал мне, что сказать сыну! Ну да, конечно – я *услыхала* это у себя в мозгу! В голове, то есть. А где же ещё? Не в …опе же!

Так. Похоже, действие сыворотки кончается. Или… Или – кто-то помогает Маб и сейчас?! Подсказывает, что говорить?!

Так – Голос… Голос, голос. В мозгу. Чёрт! Как он сразу!..

Он снова надавил на кнопку – два раза. Вошёл лейтенант Ховард.

– Лейтенант! Срочно – дежурное отделение на выход. Берите вертолёт! Грузите туда эту женщину, и везите в госпиталь СанСебастиана, в Нью-Хемшире. У них есть сенсотомограф. Мне нужно *полное* обследование её черепа! Ну, и всего тела. На предмет *чужеродных* имплантов. Все материалы обследования изъять, доставить мне, врачам ничего не

объяснять!

Сошлитесь как всегда на интересы Национальной Безопасности!

Да, доктора Уоткинса мне сюда. Пусть вкатит ей полную дозу снотворного!

Рентгенограмма впечатляла.

Да, сомнения нет – наряду с обычным чипом-идентификатором в запястье, в глубине черепной коробки отлично просматривалось крохотное, размером с рисовое, зёрнышко пластикового импланта. Всё верно: местоположение у соответствующих мозговых Центров как раз позволяет воздействовать на личность и подсознание так, что отдаваемые извне команды могут восприниматься как собственные мысли… особенно если эта штука находится там давно.

Остаётся только выяснить, кто и когда всобачил женщине в мозг чёртов прибор управления. И… Одна ли она такая!

Оторвав взгляд от разложенных на столе фотографий и изображений на пластике, полковник уставился в дальний угол кабинета, барабаня пальцами по столу. Он всегда так делал, когда мелькнувшая было мысль как-то ускользала… О чём же это он… Ах – да!

– Лейтенант! Вам придётся вернуться в госпиталь ещё раз. Теперь вы должны отвезти на обследование усыплённых Такера Буджолда и его дружка Смайли!

Импланты, разумеется, обнаружились у обоих.

Полковник просто рвал и метал! Мысленно, разумеется.

Перед подчинёнными он демонстрировал только спокойную рассудительность и непоколебимую уверенность. В своих способностях сохранить контроль над любой ситуацией.

Для себя же он отлично понимал, что контроль над ситуацией… Утрачен. Почти.

Потому что если выявятся (А он не сомневался, что так и будет!) импланты у других участвовавших в волнениях и саботаже нулевиков, это может означать лишь две вещи.

Имплантами их оснастила отлично организованная и давно контролирующая ситуацию в его Стране, хорошо законспирированная организация Врага. Чертовски богатая, и давно имеющая «своих» высококвалифицированных медиков, и агентов, часть из которых без сомнения, внедрена и к ним в организацию, и в остальные Силовые и Властные структуры, и…

Или же…

Или же ситуация намного, намного хуже.

Это – программа, разработанная и осуществлённая секретными Ведомствами и Агентствами *его* страны.

Импланты введены нулевикам в мозг ещё в роддомах. Причём – всем. Сразу после рождения, когда кости черепа ещё мягкие и для вставления импланта не нужна дорогая и сложная операция – достаточно внедрить имплант обычной медицинской иглой.

Поэтому никто из носителей ничего об этой операции не помнит. Следовательно это – работа, вот именно, спецслужб *его* Страны. И сделано это, очевидно, в целях как раз *предотвращать* восстания, и прочие не разрешённые Законом, и противоправные действия. А не знает он об этом по очень простой причине: никакая спецслужба или агентство и не обязаны отчитываться или сообщать какую-либо закрытую информацию другим ведомствам или спецслужбам. Правая рука не знает, что делает левая… Конспирация, будь она неладна – страховка от утечки!

И то, что до сих пор они здесь, в Службе Безопасности, ничего о таких имплантах и методах не знают, может говорить о том, что по каким-то причинам этими устройствами не пользовались…

Ну, или пользовались менее открыто и нагло! (А что – вполне действенная и адекватная, судя по результатам, методика руководства: и словами и поступками нулевиков…)

Но сейчас, похоже, к этому грозному и тотальному средству Контроля над Сознанием, получил доступ Враг. Или…

Достаточно Высокопоставленный и посвящённый в эту Государственную тайну Политик, желающий использовать ситуацию себе во благо.

А догадаться, *кто* это может быть – нетрудно.

Через полгода – выборы.

Главный кандидат от оппозиции, причём – радикальной оппозиции – Аристид Гумеленко. В третьем поколении по-

томок эмигрантов из Европы. Уж его-то досье Спецслужбы изучали пристальней, чем он сам – мешающую бриться бородавку у себя на щеке… Ему-то «немотивированные» и жёсткие репрессии против «бесправных и обделённых» нулевиков точно сыграли бы на руку!..

И что теперь делать? В-смысле, что теперь делать *ему*?

Побуравив угол кабинета взглядом до двух часов ночи, и спрятав рапорт и снимки сканнеров в сейф, полковник решился.

Он снова надавил на кнопку.

– Лейтенант! Вызовите ко мне майора ван Бьюкенена… Да, я знаю, который час!.. Разбудите! У нас – код жёлтый! Пусть явится немедленно. И распорядитесь подать на крышу «Акулу». Полностью снаряжённую и заправленную. Мне предстоит боевой вылет.

Когда майор, выглядевший вполне деловито, словно не его сдёрнули с тёплой постели десяток минут назад, вошёл и доложился, полковник огорошил подчинённого:

– Господин майор! Я вылетаю в Пентагон. У нас возникла чрезвычайная ситуация, связанная с проведённым расследованием. На время моего отсутствия вы остаётесь за главного. В случае, если в течении… Трёх суток я не вернусь, сообщите Генералу. Так же передайте ему, что пакет с *оригиналами* материалов расследования – в сейфе. Ключи – на столе. Приступайте к работе немедленно.

После чего, взяв портфель с документами, встал и про-

шёл к двери, сделав жест, приглашающий майора занять его кресло:

– Прошу!

Выходя, полковник буквально ощущал аккуратно стриженным затылком недоумённый, буравящий этот затылок, взгляд.

Однако спросить что-либо его и.о. заместителя так и не решился.

Полетел, однако, полковник не в Пентагон.

Спустя три часа выматывающего душу жуткой тряской полёта на почти предельной скорости, вертушка опустилась на аэродроме Авиабазы Норт-Ривер в Вашингтоне.

После неизбежного обмена приветствиями с местным начальством, полковнику пришлось попросить вызвать ему… Такси!

Ну правильно: раз он хочет, чтобы его визит остался тайной – никому, даже (Или – особенно!..) коллегам по Службе Безопасности знать о нём не надо!

Впрочем, на такси он доехал куда надо почти столь же быстро, и гораздо более комфортабельно, чем это получилось бы на казённом служебном «Хамви».

В приёмную Белого Дома полковника, однако, впустили не сразу. И даже там ему ещё пришлось ждать почти полчаса, пока Министра Обороны и Безопасности будили. И доказывали, что дело отлагательств не терпит.

Вид у вошедшего, наконец, в приёмную, генерала, не предвещал ничего хорошего. Особенно, если то, ради чего его разбудили, потерпело бы до начала рабочего дня.

Но мундир на Министре сидел безупречно, и подбородок выглядел тщательно выбритым. Полковник запоздало подумал, что его-то подбородок…

Впрочем, не это главное.

Оставив дверь открытой, генерал вошёл, буркнув:

– Прошу вас, полковник Кларксон.

В кабинете было тепло, и пахло, как в сосновом бору – работал климатизатор.

Министр обошел массивный стол, и опустился в свое кресло. Сделал приглашающий жест рукой. Полковник послушно присел на ближайший к Министру стул за старинным, из настоящего дуба, столом. Положил перед собой портфель и постарался привести скачущие мысли и заготовленные аргументы в порядок. Он должен доложить…

Убедительно.

Иначе – конец карьере, доверию, и авторитету. И декларсация – вплоть до того же нулевого Уровня!

– Докладывайте. – генерал бросил тяжёлый взгляд из-под кустистых бровей.

– Есть, докладывать, сэр. Господин генерал, моё подразделение проводило расследование случаев саботажа и «стихийных» бунтов, за последнее время сильно участившихся, как в самом Лос-Анжелесе, так и в пригородах. Были пред-

принятые следующие действия… – полковник, видя, что генерал слушает вполуха, доложил о «предпринятых действиях» коротко. Затем перешёл к главному:

– … никаких *организованных* действий. Никаких *прямых* доказательств. И не выявлено никаких непосредственных организаторов.

Понимая, что требуются *не*традиционные, скорее, даже, противоправные действия, я решился на «засылку» спецагентов на нулевой Уровень. Считая, что раз видеонаблюдение и прослушка не помогают, то – мы имеем дело с хорошо информированной, организованной, и отлично законспирированной группой, работающей на *внешнего* врага.

Я оказался неправ.

Однако работа внедрённых нами агентов позволила нащупать хоть каких-то руководителей. Если их можно так назвать… Мы смогли осуществить арест подозреваемых. И провели последующий допрос их с применением «правдодела».

Подозреваемые оказались *не* главарями и *не* зачинщиками. – видя недоуменно вскинутые брови, полковник поторопился продолжить, – Все они, сами того не подозревая, являлись управляемыми внешними приказами… как бы это назвать поточнее… Биороботами. – полковник рассказал о «голосах», и искусно сформулированных этими «голосами» приказах, случаях саботажа и вредительства, явившихся следствием этих приказов, и результатах просвечивания

на томографе. И крановщиков, и подсобников, и докеров, и членов их семей.

– Вот, взгляните. – он выложил из папки копии рентгенограмм и Протоколов допросов, – Местоположение всех имплантов говорит о том, что все они, скорее всего, были введены подозреваемым ещё в младенческом возрасте. И отлично «вживились», так, что приказы голоса воспринимаются как собственные желания! Более того: обследование выборочно отобранных нами рабочих нулевого Уровня выявило такие импланты не только у потенциальных зачинщиков, лидеров, или исполнителей актов саботажа… А – *у всех*!

То есть, похоже, существует некая… *Наша* Правительственная Программа, в соответствии с которой все наши граждане вообще – и не только нулевики! – оснащаются таким средством контроля, который при необходимости превращается в…

Манипулятор поведения! Делая таких реципиентов просто марионетками в руках искусных кукловодов.

И вот теперь эта, наверняка Сверхсекретная, и чрезвычайно эффективная, методика управления сознанием всех Граждан нашей Страны – попала в явно враждебные руки! И я даже не могу сейчас в полном объёме оценить весь возможный ущерб, который они могут нанести экономике и внутренней стабильности нашей страны!

Господин генерал! Я явился для доклада сразу к вам, через голову, так сказать, моего непосредственного начальни-

ка – поскольку ситуация, как мне представляется, критическая. И время не терпит! Нужно немедленно выявить, кто стоит за Приказами!

И кроме того… Я опасаюсь, что даже знающие меня давно мои руководители мне не поверят! Или даже окажутся сами… – полковник замолчал. Липкий комок страха вдруг встал у него в горле, прервав фразу на середине.

– Что – сами?! – сердитый тон генерала отнюдь ослаблению паники не способствовал, – Вы всерьёз полагаете, что и нижние… средние, и даже высшие звенья нашего Армейского и Гражданского руководства тоже – оснащены, и могут…

Оказаться под контролем этих злоумышленников?! Или – они-то и есть?!..

– Д-да, господин генерал. Я…

– Кому ещё вы доложили, или кого поставили в известность о своих «подозрениях»?! – перебил Министр.

– Никому, господин генерал! Я прибыл сразу – к вам!

– А-а, тогда хорошо. Давай, дорогая!

Под черепом полковника словно взорвалась бомба!

Мир померк, к глазам ринулся ковёр, и он успел только почувствовать, как обмякшее тело мешком валится с кресла на пол…

– Кажется, очнулся.

– Точно! Вон – моргает! – его треснули пару раз по мокрым щекам.

Полковник открыл глаза.

Спеленутый, словно пауком, по рукам и ногам, он был крепко привязан ещё и к креслу. В глаза светила яркая лампа, на границе светового пятна двигались какие-то тени, и слышались голоса. Голова… Ужасно болела и кружилась. Во рту стоял привкус желчи.

– Полковник! Где оригиналы материалов, которые вы привезли?

Он промолчал, хотя и узнал голос генерала. Лишь стиснул зубы, запоздало досадуя на самого себя. Свалять такого дурака – привезти капусту… Прямо козлам!

Почти сразу нестерпимая боль огнём разлилась по всему его телу, заставляя глаза буквально выскакивать из орбит, а рот раскрыться в беззвучном крике – да, голос вдруг пропал! Ему казалось, что приступ длился годы, настолько непереносимой оказалась боль.

Но после того как она внезапно, как бы рывком, оставила его тело обессилено обмякшим на стуле, он понял – всё длилось не больше нескольких секунд.

Иначе он просто умер бы!

– Я повторяю вопрос. Где оригиналы… – он отвёл глаза от фигуры, трясущей перед его носом какими-то бумажками. И привычно поймал взглядом один из углов комнаты.

Поздновато он сообразил, что имплантами, похоже, снабжены *все* так называемые «Свободные Граждане Страны»…

Боль вернулась… А-а-а!.. О-о-о!!!

И снова пропала. Пот уже заливал глаза – их стало щипать. И отвязаться, или ослабить путы… Даже во время судорог ничего не получалось!..

Вот снова! О-о-о…

Боже! Баран чёртов! *Зачем* он это терпит?!

Ведь всё равно сказать придётся! Да даже если он, словно дебил-патриот, не скажет, то скажет майор, когда к нему обратится генерал… Хорошо хоть, майор не знает фамилий спецагентов… А он постарается хоть их скрыть – если, конечно, специально не спросят…

Но с допросом есть и ещё проблема: если он всё требуемое расскажет – его, скорее всего, сразу… Убьют. Мысль прервала новая волна убийственной боли!

Ф-фу, отпустило.

Нельзя сопротивляться слишком долго – они поймут, что ему есть что скрывать!

Он замычал, пытаясь показать открываемым ртом, что готов говорить.

Всё, что угодно – только бы прекратить эту боль!..

– Похоже, так и есть. Этот «умник» «сразу полетел ко мне». – генерал выглядел уставшим и расстроенным.

Зная, что сцены неизбежного насилия буквально убивают «господина Министра», жена нежно провела рукой по его гладкой щеке. Вздохнула:

– Милый! Надеюсь, ты не слишком… расстроен? Подума-

ешь – жалкий солдафон! Поставишь на его место другого!

– Но… Он оставил дубликат материалов. В сейфе. Там, в Лос-Анжелесе.

– Тоже мне, проблема! Разве не ты – непосредственный глава Армии, Агентства Национальной Безопасности, Федерального Бюро и всей прочей хрени, занимающейся обеспечением спокойствия страны? Ну пошли взвод морских пехотинцев – пусть поубивают там, в Лос-Анжелесском отделении ФСБ всех этих придурков!

Он отвернулся от окна. Прошёл и сел за стол.

– Нет, дорогая, это плохое предложение. – она поняла, что ему лучше. Аналитический мозг снова включился в работу. – Уничтожение целой Службы, пусть и в одном городе – создаст нам море проблем. Свидетели, трупы, пресса… Слишком много шума, смертей, и ненужных осложнений с объяснениями. Это – работа не для штатных, так сказать, подразделений зачистки. Тем более, что требуется всего лишь уничтожить материалы расследования этого, – он пренебрежительно кивнул головой, – шустряка.

Пошлём туда Ханса.

– Хм-м… Но ведь ему нужно *платить*! Наличными.

– Ничего, заплатим. Иначе для чего же в Бюджете предусмотрена статья «Непредвиденные организационные расходы»?

Майор ван Бьюкенен никогда ещё не задумывался: како-

во это – быть начальником всего филиала. И вот теперь, сидя на новом месте, за столом полковника, ему приходилось расплачиваться. Потому что рутина, оказывается, заедала!

Он прочёл все письма и Циркуляры, пришедшие с утренней почтой. Почесав в затылке, вызвал из своего отдела секретаря-машинистку, и надиктовал ей ответы на самые важные, на его взгляд. Вызвал лейтенанта из теперь «своей» приёмной. Велел ему распечатать и сохранить все материалы в виде копий, а оригиналы – разослать по адресам.

Затем настал час планёрки. Пришлось выслушать отчёты руководителей всех шести секций-отделов. Быстренько обмозговать их. (Чёрт! А как это удавалось полковнику?!)

Затем – раздать всем «ценные» руководящие указания.

Сформулировать их оказалось отнюдь не так легко, как он думал. Заодно выяснилось, что полковник вовсе не такой зануда и придира, как он до этого считал – его собственные указания получились куда занудливей.

К счастью, никто не ворчал, и под сомнение целесообразность команд не ставил. Видать, понимали, что полковник, если надо будет, откорректирует всё, когда вернётся.

Затем настал чёрный момент, которого майор ожидал с невольным трепетом: позвонил телефон закрытой линии связи, и ему пришлось отчитаться в «проделанной работе» перед генерал-майором из секретариата Шефа Службы Безопасности.

Однако этим дело не кончилось: через пять минут после

того, как он откинулся на спинку жёсткого кресла, облегчённо отдуваясь и вытирая лицо посеревшим от пота носовым платком, телефон зазвонил снова.

На этот раз на него «наехал» лично Шеф. Его интересовало, какого чёрта полковнику понадобилось в Пентагоне? И если он действительно полетел сюда, к ним, то где его – три тысячи чертей! – до сих пор носит?! Поскольку в Приёмную он так и не являлся…

В растерянности майор доложил о всех событиях, что предшествовали странному исчезновению полковника. Он буквально слышал, как Шеф барабанит пальцами по полированной столешнице – эту его привычку отмечал и сам полковник, (похоже, тоже невольно перенявший её) когда скупо рассказывал о «вызовах на ковёр».

– Я пришлю курьера немедленно. Под расписку передадите ему все материалы, хранящиеся в сейфе. До этого – ничего не предпринимайте. Поисками полковника я займусь сам. Вам всё ясно, господин майор?

– Так точно, сэр, всё ясно!.. – в трубке запикал отбой.

Проклятье. Ну и влип же он! Майор оттянул воротничок кителя, вдруг ставший тесноватым. Снова утёр со лба пот носовым платком. (Ни фига тот не вытер – мокрый насквозь!) Что за…

С другой стороны, он, как заместитель, вроде, должен владеть ситуацией – знать, что там за материалы, и что за доклад собирался сделать полковник Шефу, но…

Не сделал.

Придётся поработать. Чтобы, значит, овладеть. Ситуацией.

Он снял трубку служебного телефона.

– Алло, диспетчер. Это майор ван Бьюкенен. Временно исполняющий обязанности Начальника Бюро, – а то они его голос не знают! – Мне нужно знать, во сколько вернулась «Акула», возившая вчера господина полковника, и маршрут её следования.

– Секунду, господин майор, – он услышал, как диспетчер листает путевой журнал, по старинке дублирующий для страховки данные компьютера, – Вылет – ноль два тридцать пять. Пункт прибытия: Вашингтон, аэродром базы «Хаусатоник». Прибытие – ноль шесть ноль восемь. Обратный вылет: ноль шесть семнадцать. Порожний рейс. То есть, полковник остался там, в Вашингтоне. Время прибытия – ноль девять пятьдесят три. О прибытии вертолета доложил командир «Акулы», капитан Матс Калузо.

– Понял. Спасибо. – он положил трубку.

Странно. Выходит, полковник соврал ему, что летит в Пентагон? Но – почему?!

И что он делал в Вашингтоне? Там… Только Белый Дом.

Неужели…

Полковник посчитал, что раскопал что-то такое, о чём нужно было докладывать непосредственно Министру Обороны и Безопасности… Или даже – самому Президенту?

И, зная дотошность полковника, можно не сомневаться – на беспочвенных подозрениях и домыслах это «что-то» явно не базировалось.

Полковник ко всему подходил дотошно и скрупулёзно. Значит, не иначе – наткнулся на серьёзный и реально масштабный Заговор. И смог подкрепить его доказательствами.

И доказательства эти сейчас для подстраховки хранятся в сейфе. В *их* сейфе.

Майор снова щёлкнул интеркомом:

– Лейтенант! Никого ко мне не впускайте в ближайший час! Я… Занят!

На то, чтобы полностью расчистить стол полковника от таких нужных, важных, и незаменимых бумаг, ушло две минуты: майор, почти не глядя, рассовал их по ящикам стола. После чего сделал то, чего никогда не делал: отпер сейф оставленными ключами, взял верхнюю папку.

И положил перед собой…

– Мама твоя – просто прелесть! – глаза Дайаны так и искрились чистой радостью, – Ну а про папу… Пока ничего не могу сказать! Ну а чего ты хочешь! – Дайана шутливо треснула Макса в грудь кулачками. – Он и сказал-то за всё время обеда слов двадцать!

Так что спасибо ещё раз! Это был лучший обед в моей жизни. А индейка!.. Божественно! А я и не знала, что День Благодарения полагается отмечать ею.

– Жаль, что твои не разрешили тебе переночевать у нас дома.

– А уж мне как жаль! – она сглотнула, представив, как Марк ночью заходит к ней в комнату, – Нет, правда! Но ты же знаешь: завтра – в Учебку. Па сердится, если я опаздываю. А мы бы точно опоздали… – она чуть потянулась, изогнувшись тоненьким телом.

Крохотные груди так приятно было прижимать к его мускулистому торсу…

– Дайана! Не заводи меня… Я и так достаточно заведён.

Прикоснувшись худенькой ляжкой к его паху во время прощального поцелуя, Дайана лишний раз убедилась в том, что он говорит правду!

– Есть, не заводить вас, мистер секретный Агент! Но – при условии, что позволите… Ещё поработать с вами! На каком-нибудь жутко секретном и важном Задании!

– Юмористка. – буркнул, криво ухмыльнувшись, парень её мечты, – Если б я и правда, был «секретный агент», шишь бы мне позволили… Отвлекаться на шуры-муры.

– Ах, вот вы как заговорили, мистер Гольдблюм! То, что у нас происходит – оказывается, «шуры-муры»! – она передразнила его серьёзный тон, – Обижусь!

Максим поспешил попросить прощенья самым действенным, наверное, со времён первобытно-общинного строя, способом: запечатал капризно надувшийся ротик поцелуем, охватив тоненькую фигурку чуть не три раза своими ручи-

щами… Ах! До чего же он теплый и сильный! А уж п*а*хнет… Впрочем, хоть это-то теперь ей понятно.

– Ладно, считай себя… Прощённым. – Дайана задыхалась, но уже двигалась спиной в сторону лифта, зная, что прошедшая вдалеке Черри успела увидеть и её, и её парня.

Вот! Пусть завидует! Никакая она не «сопливая малолетка»!

В лифте она плотоядно облизывалась – чёрт возьми! Умеет же паршивец Гольдблюм целоваться! Где это он научился, кстати?!..

Мысль о возможных предшественницах, проведших в этом смысле работу с её мачо, сильно нервировала её. Нет – теперь-то она его точно никому не отдаст!

Пусть даже и не мечтают.

А будет надо – так она покусившихся и, и… пристрелит!

Майор отодвинул папку.

Рапорт полковника не оставлял места сомнениям – тот считал *всё* население нулевого Уровня «обработанными». Следовательно – потенциально опасными. Бунтовщиками! Дело лишь в управляющих сигналах – кто и когда их отдаст оставалось неясным.

А что – вполне возможно. Да и снимки с томографа однозначно показывают…

Ладно – нужно спрятать всё назад. Вот-вот прибудет курьер.

Однако встав, майор с удивлением заметил, как окно перекрыл чёрный силуэт. В мозгу мелькнула паническая мысль: штурмовики! Сейчас начнётся уничтожение вверенного ему подразделения! Нужно немедленно… – больше подумать он ничего не успел, так как в грудь сильно ударило: словно конь лягнул!

Майора отбросило назад, на спинку кресла. На белоснежной рубахе расцвели два кровавых цветка и сознание стало меркнуть…

Всё же последним усилием воли он успел надавить кнопку под столешницей!

После чего еще пара толчков в грудь отправила его вниз – на пол.

И уже лёжа на полу он понял, что тревога ничему не поможет: если штурмовать будут ребята из подразделения «Кобра», или спецвзвод Зачистки, никаких шансов у них, почти канцелярских крыс, нет.

Он ещё успел увидеть, как вбежавшего на шум лейтенанта, достающего на бегу пистолет из кобуры, застрелили точно так же, как и его – из короткоствольного автомата с глушителем. После чего провалился в пучину грохочущей темноты…

Максим услыхал характерные вздохи глушителя ещё в коридоре.

Сразу после этого завыла сирена экстренной эвакуации.

Что за?!.. Неужели кто-то напал на Контору их Агентства?!

Метнувшись к стене, он провёл идентификатором в запястье по сканнеру сейфа.

Бесшумно отъехала в сторону бронеплита оружейного хранилища.

Он выбрал то, чем владел лучше всего – девятимиллиметровый «Магнум». Тоже с глушителем. За пояс на спине засунул сверхлёгкий УЗИ. Неслышной тенью подобравшись к полуоткрытой двери полковника, он заметил, заглянув за косяк на долю секунды, ногу лежащего ничком лейтенанта, и слабые отсветы огня. И почуял явственный запах гари.

Чёрт! Уничтожают какие-то документы!!! Мешкать нельзя!

В могучем прыжке он влетел в комнату, стреляя прямо на лету!

Вот уж сюрприз, так сюрприз!

Нападавший оказался один. А в корзине для бумаг вовсю бушевало пламя – не иначе, как туда плеснули напалмом, или бензином!

Вскочив на ноги, может, без кошачьей грации, зато – быстро, Макс поспешил вывалить содержимое на пол, и принялся прямо рукавом и ладонью тушить полыхающие бумаги – распластанные по поверхности листы и горели куда слабее!

Раз их пытались уничтожить – значит, они должны быть во что бы то ни стало спасены! Дьявол раздери! Жжётся-то

как вся эта бумага – обоняние не обмануло: полили бензином, или гарином!..

Зато это – не флэшка, которую уже не восстановишь, если по ней треснули молотком. Вдруг все же что-то удастся прочесть. (Да здравствует старая добрая бумага и писчий пластик!)

Правда, много спасти всё равно не удалось – только какие-то снимки, рентгенограммы, и кусок рапорта – его Макс узнал по казённому грифу Агентства сверху.

К этому времени в кабинет ворвалась Дик – в руках пушка, в глазах – ярость.

Макс зашипел:

– Тише! Окно!

Напарница только кивнула. Занялась разбитым окном, подобравшись к нему на полусогнутых. Осмотр с помощью зеркальца, а затем и глазами и тепловизором явно ничего не выявил: Дик отрицательно покачала головой. Значит, ни на крыше, ни вообще в радиусе ста ярдов людей нет!

Странно – но нападавший, и правда, оказался один.

Однако опасаясь прикрытия в виде снайперов в башне напротив, они всё равно не ходили, а передвигались по кабинету на корточках, и на четвереньках.

– Чисто! – она подползла к майору, и приложила руку к артерии за ухом, – Майор… Мёртв!

Макс, занимавшийся в это время окончательным тушением тлеющих клочков, буркнул лишь:

– Проверь, сдох ли этот, – кивнув в сторону сейфа.

Сейф нагло зиял абсолютной пустотой, и тип в чёрном, как у ниндзя, мешковатом камуфляже, сидел, прислонившись к нему спиной. Туловище въехало под среднюю полку, голова свесилась к плечу. Признаков жизни не наблюдалось.

Обследование шеи и сердца показало полное отсутствие пульса.

Дик с уважением осмотрела три огромных дырки от вообще-то запрещённых пуль с бронебойным наконечником, одну – во лбу, остальные – прошившие, словно бумагу, кевларовый бронежилет на груди:

– Отличная стрельба, агент! Готова спорить, он сдох ещё до того, как упал на пол! Все три – смертельны! – она сдёрнула чёрную повязку, закрывавшую верхнюю и нижнюю часть лица, – Так что, похоже, задать наши «умные» вопросы будет некому!

Область лица у глаз мертвеца щедро покрывала чёрная краска.

Даже вытирание её тканью повязки ничего не дало:

– Нет! Не знаю я этой рожи – никогда не видела!

– Я… тоже никогда не видел, но, кажется, знаю, кто он. Это – Ханс.

– Что за… Ханс?!

– Киллер. Профи. Элитный наёмник на службе Правительства. Ветеран спецпрограммы по предотвращению проникновения шпионов.

– Чего?

– Суперспециалист, говорю. «Последний барьер». Помнишь, была при АНБ такая программа лет двадцать назад? Ну, когда наши большие Боссы там, наверху, – он кивнул на потолок, – всерьёз беспокоились о том, что чёртовы европейцы внедряют нам сюда своих агентов? Кажется, он – лучший в их выпуске.

Ханс – оперативный псевдоним, конечно… А так – может, его зовут Ван Ху, или Пэнь Чай… Мало ли. – Макс глянул наконец ей в глаза, – Отец рассказывал, что раньше… Ну, лет двадцать-тридцать назад, модно было использовать подразделение ниндзя на правительственной службе. Для решения «внешних и внутренних» проблем. Ну, там, убийства политиков – как наших, так и в чужих странах, шантаж, подкуп, диверсии, саботаж…

Потом случился какой-то крупный международный скандал. Убили они кого-то не того в Европе. А сами – попались. Ну, вернее, позволили себя перестрелять. И остатки подразделения распустили. Как бы. А этот – по-моему, последний. Самый опытный. Ханс.

– А знаешь, глядя на его морщинистую рожу, я запросто могу поверить, что ему под семьдесят… Хотя кто поймёт этих азиатов – им что двадцать, что шестьдесят – не разберёшь!

Макс кончил, наконец, спасать и сортировать бумаги, и подполз, чтобы полюбоваться человеком, которого лично за-

стрелил.

Действительно, похоже, он прав. Сморщенное маленькое лицо, кожа, словно жёлтый пергамент, узкие глаза. Азиат-то он точно… Но был ли он и правда – один?

– Как там наши?

– Ну – как!.. Эвакуировались в строгом соответствии с «Предписаниями Устава»!

– А… Почему ты?..

– Вот ещё! Я – агент. Боец, а не клерк!

– Ага, смешно. Сейчас для специфики секретной службы от клерков больше проку, чем от нас. Поскольку всю «оперативную» работу делают программы компов, микрофоны прослушки, да беспилотники… – Макс откашлялся и сплюнул прямо на пол мерзкую гарь, осевшую в горле, – Ладно, пора делать ноги. А то – нарвёмся на приключения!

– А сейчас мы что – вышиваем крестиком?

– Нет. Играем в «спасение Страны». – он запихал остатки потушенных документов в первую попавшуюся папку, вынутую из ящика стола. Глянул на её гриф.

– Тьфу ты!.. «Финансовые отчёты»!.. Ладно – поползли в тоннель!

Тоннель освещался отвратительно – каждые девять из десяти тусклых лампочек, чуть раскачивавшихся на проводах, свешивавшихся с чёрного кабеля на бетонном своде, сдохли. И никто не позаботился заменить их. Что говорило, во-

обще-то, о многом.

На полу стояли огромные лужи, которые они старались перепрыгивать. Гулкую тишину нарушало только их шумное дыхание, и плеск воды – с толстых труб, проложенных тоже под потолком, всё время падали тяжёлые капли, и влажно было, как в сауне.

Шершавый бетон стен явно никто не штукатурил после того, как сняли доски опалубки, и Макс ободрал ладонь, пытаясь перепрыгнуть через какой-то ящик. Он ругнулся.

– Долго ещё? – Дик часто сплёвывала, и сопела. Всё ещё сказывались последствия приёма репеллента. Как оказалось, только у неё проявилась аллергия на какие-то его компоненты.

Максим, всё это время пытавшийся дозвониться то капитану Ашервуду, то доктору Уоткинсу, ругнулся:

– Не берут трубку. Боюсь, как бы их… Да и всех остальных! Уже!..

– Что – уж*е*?!..

– Что-что… Забрали! Зачем убивать зря? Вот они и хотят, наверное, убедиться в этом… План-то нашей эвакуации у других спецслужб уж точно есть… Хорошо, что про наше «задание» кроме полковника и секретаря-лейтенанта никто не знал… Даже этот бедолага майор.

А они уже никому… И все наши задания мы получали, и все отчёты делали только устно! Никто не отследит!

– Да… Жаль лейтенанта. И майора. Хорошие парни. Да

и полковник. Вполне терпимый. Как начальник. Может, ещё жив?

– Сомневаюсь. – Макс указал рукой в боковое ответвление тоннеля: – Идём-ка сюда! Так, знаешь ли, на всякий случай. Здесь – башня Дайаны.

– Думаешь, её попытаются?..

– Нет. Ведь нас не штурмовали, чтобы весь Филиал уж наверняка перестрелять. Это была, как мне кажется, попытка уничтожить только компромат. И майора. Поскольку он просто стоял на пути к сейфу. Остальных, может, и не ликвидируют… Но на какое-то время заберут и запрут – наверняка. Говорю же – чтобы допросить! И не допустить утечки.

Кому-то наш полковник точно наступил на хвост. И наступил капитально. Иначе не послали бы одиночку. Наемника. Значит – речь точно идет о *самых страшных секретах*. Всё остальное просто прикрыли бы. Приказом сверху.

– Значит, полковник что-то раскопал-таки о… Бунтах?..

– Ну, он же у нас дотошный.

– Да. Чёрт, жалко, что все документы сгорели.

– Хм-м… Не все. Кое-что я спас. (Чёртовы бумажки – вон как ладони обжёг!..) Другое дело – обращаться с этим к нашему непосредственному… Да и просто – начальству… Может быть опасно.

– Это ещё почему?!

– А ты что, думаешь, полковник обратился *не* к начальству? И что Ханса-Ван-Ху послали «иностранные шпио-

ны»?!

– Н-нет… Нет, это наверняка наши же… В-смысле, кто-то из наших силовых и сверхсекретных Ведомств и Агенств… Вот только – зачем?! Можно же было, наверное, просто *приказать* – помалкивать в тряпочку!

– Значит, нельзя было. Приказать. Идём-ка сюда. Здесь мне нравится, – Макс свернул в тёмную каморку под теплотрассой. – У меня полная зарядка в фонаре. Чем быстрее мы узнаем, за чем они охотились, тем быстрее…

– Что – тем быстрее?..

– Поймём, как *мы* сможем насыпать *им* соли на хвост!

– Не будем мы ничего сыпать! – Дик достала пистолет, и сделала вид, что прицеливается, – Мы их просто… Паф! Паф!.. – нахмуренные брови и побелевшие губы не давали усомниться, что она так и поступит.

– Конструктивный подход! – Макс невольно улыбнулся, – Но вначале «их» все-таки нужно бы… Хотя бы допросить. А уж потом, – он попафпафкал. – Осталась фигня. В частности: для начала хотя бы этих «их» – вычислить.

Шапка с гербом и грозными предупреждениями о «секретах высшего Уровня», как Максим уже заметил, сохранилась. Как и начальные слова Рапорта.

«Господин Бригадный Генерал! Довожу до Вашего сведения, что участившиеся за последний месяц волнения, беспорядки и случаи открытого саботажа…» И так далее. Максим

быстро пробежал взглядом уже известную ему информацию. Потом стал читать внимательней. Ого! А не зря, оказывается, они «поработали»: материалы с флэшек бара и допросов Маб очень даже… Любопытны. Мягко говоря.

Обрывался рапорт неровной обгоревшей кромкой как раз на словах «… с высокой долей вероятности вводятся ещё в роддомах, в момент непосредственно следующий за рождением, пока кости черепа ещё мяг…» Он передал рапорт Дик.

Рентгеновские снимки и томограммы оказались куда красноречивей – особенно с увеличенными участками размещения, и подписями со стрелочками: «гипоталамус», «синусовидный отросток», и другими наукообразными терминами.

Через десять минут Дик глубоко вздохнула, распрямив подзатёкшую спину.

Макс, снова сложивший в папку документы, которые она ему вернула, выругался:

– Проклятье! … твою мать! Мы, кажется, даже только глянув на всё это, – он потряс папкой с пачкой спасённых документов, – можем сделать выводы! Похоже, такие импланты есть не только у нулевиков. А у всех. И у нас с тобой. И у… Полковника. Был.

И пока они – в нас, мы – биороботы! Которым можно «нашептать» всё, что угодно! А можно и *заставить* делать всё, что угодно! Или пытать. Или просто – вырубить. Убить.

Понятное дело, полковник раскопал бомбу… После *та-*

кого шансы на то, что он жив, просто…

– Мизерные! – желваки на скулах Дик ходили ходуном, – Но главный вопрос не в этом. Я вот думаю… Как бы нам узнать точно… И если они – в нас – *отделаться* от этих… Имплантов!

Пока нас самих не «вырубили»!

Знаешь, глупо звучит… Но я этого боюсь даже сильней, чем смерти от пули! Там хоть не так обидно: стоишь с врагом лицом к лицу, стреляешь: или ты его, или – он тебя!

А тут!.. Это мерзко и гнусно – вот так, по воле невидимой сволочи, умереть!..

И вот ещё что…

Я ведь даже не была замужем. Да и детей… Хотелось бы!

Макс никогда прежде не слышал, чтобы Дик вот так, таким тоном, говорила… Да ещё о таких вещах… Сейчас перед ним сидела не непобедимая и неустрашимая «агент», а простая девушка – вроде его Дайаны. Он сглотнул.

Затем внимательно посмотрел на неё. Отвёл глаза первым, почесал в затылке.

Ну и пронзительный взгляд у его напарницы!

Но насчёт невидимой смерти – она права. Пусть пока о них никто и не знает… вроде бы… Что они тут работали под прикрытием. Но это – не гарантия, что хитрущая гнусная крыса, сидящая сейчас за пультом управления марионеточками этого рано или поздно не узнает… Дик права.

Нужно вынуть чёртовы чипы.

Но как?! И – где?

Он взглянул на потолок – словно надеялся проникнуть взором сквозь метровый слой бетона, и насыпанную сверху почву.

– Как думаешь, в роддомах… Ну, где устанавливают эту хрень, знают, для чего она служит? Смогут ли они же… вытащить её обратно?

Дик невесело рассмеялась:

– Агент Гольдблюм, вернитесь с облаков на землю! Макс! Ну будь ты реалистом!

Кто же скажет этим нанопсихиатрам и микропедиатрам, что они вживляют невинным малышам бомбу замедленного действия? Нет, вероятнее всего, им сообщили, что эта фигня… Ну, например, содержит прививки от всех вирусов и инфекций! Или… предотвращает эпилепсию. Болезнь Паркинсона. Шизофрению. Синдром Льюиса-Хождкинса. Болезнь Альцгеймера. Или ещё какую-нибудь наукообразную возвышенную чушь.

Надеюсь, мы не будем пытаться это выяснить? Тем более, что одно дело – вставить сквозь мягкие кости рисовое зёрнышко… И совсем другое – сквозь закостеневшую черепушку, – она постучала костяшками пальцев Максу по голове, – её оттуда извлечь!

Не-е-ет! Здесь нужна серьёзная операция. И высококвалифицированные хирурги. – она вдруг закусила губу, – О! Послушай – у меня идея! А не двинуть ли нам в Госпиталь,

где все эти снимки и были сделаны?!

– Смотри-ка… Хм-м… Не хочу никого обижать, но для «подвергшейся осложнениям от применения запрещённых препаратов» девушки ты соображаешь очень даже… неплохо! – он приподнял брови в напускном удивлении.

– Свинья! – она ткнула ему в ребро жёстким тренированным локтем, – Лучше скажи, что делать-то будем? Потому что мы – в конкретной …опе! А выбраться из неё хотелось бы поскорей. А вдруг – и правда – «выключат»!

– Согласен! – он присел, тем не менее, на пол, и ещё раз проглядев снимки, отобрал один – Вот. Галотомограмма из того самого госпиталя, где сейчас и наш Майлз. Я думаю, никому не покажется слишком уж подозрительным, если мы… Проведаем коллегу? Ведь наши фамилии так и так зафиксированы в журнале Приёмного покоя?

– Отличная идея. Сейчас двинем? – противореча своим же словам, она со стоном опустилась на пол рядом с ним.

– Нет. Нужно переодеться в нормальные костюмы. Вооружиться. Распихать по карманам и багажникам всё возможное оснащение и оборудование… Да неплохо бы и поесть по-человечески, поспать, отдохнуть…

– Это, разумеется, шутка? – он поспешил покивать, настолько грозно сверкали глаза напарницы, – В таком случае – идиотская!.. Да и когда это ты успел «устать»? А главное… Кто может гарантировать, что завалившись спать, мы… Проснёмся?

– Ты права. Но вот ещё что… Я хочу взять с собой Дайану.

– Точно. Поглупел. И ведь всего-то за пару дней! Вот что значит – не работать, и предаваться порывам «бурной страсти!» – отбросив иронию, Дик буквально зарычала, – Ты – что?! Спятил?! Хочешь втравить ни в чём не повинную, и ничего не знающую наивную малышку – почти ребёнка! – в наши смертельные игры?! Да нас ведь – почти наверняка!..

– Замолчите, агент Дик! Берта! Это ты, как я погляжу, не владеешь ситуацией. Ну включи же мозги! «Невинную малышку» всё равно, как только дойдёт до поиска наших «контактов», легко вычислят! И кто может дать гарантию, что не «вырубят»? Предварительно ещё допросив. «С пристрастием».

А если мы сможем уговорить её помочь нам? Нам что, помешает лишний союзник? Да ещё… Столь сильно мотивированный?

– А ты не думаешь, что использовать в качестве «мотивации» её… чувства к тебе… Непорядочно?!

– Я чувствую только одно: я должен любой ценой спасти её! Ну, а заодно и нас.

– Точно – свинья! Мало того – ещё и по уши влюблённая свинья! – Дик уже куда спокойней покачала головой. Усмехнулась.

– Ладно, убедил. Тем более, если придётся делать операции под общим наркозом, кто-то же должен нас… Прикрывать, пока будем без сознания!

– Ну уж нет! Держать хирургов под дулом пистолета лучше заставить Майлза – Максим не скрывал иронии, и посмеивался, – иначе Дайану запишут в соучастницы. И если ничего у нас не выйдет, казнят. Как бунтовщицу или террористку.

– У тебя, милый Макс, явно хромает хвалёная мужская логика! Бунтовщицей её посчитают, как только ты попросишь её помочь нам. Даже не сообщая деталей. А сообщить их придётся. Иначе она… Может испугаться.

– Испугается-то она в любом случае. А вот захочет ли помочь в том, что мы задумали… – оба помолчали, рассматривая унылую бетонную стену перед собой.

– Ладно. Хватит рассиживаться. Поехали на квартиру.

– Думаешь… Там нет засады? – Макс, остановив руку на полпути к затылку, (Ещё подумает, что у него перхоть!) почесал теперь подбородок. Чёртова щетина!

– Думаю – есть. Ну что – входить будем через крышу?

Хотя они и вошли «через крышу», используя тросы из альпинистского снаряжения, взятые в одном из тайников эвакуированного Филиала, старания оказались напрасны. Никто их «в засаде» «коварно» не ждал. Обследование инверторами не выявило ни камер, ни микрофонов, ни мин. Значит, конспиративное жильё никто не посещал.

Отлично.

Переодевание, вооружение, и бритьё (последнее, разуме-

ется, касалось только Максима) заняли час. Пытаться снова связываться с кем-либо они посчитали слишком опасным.

Плюнув сквозь разбитое при «входе» стекло, Макс сказал:

– Знаешь, мне так кажется, что эта операция затянется.

– Знаешь, а я готова поспорить на пиво, что наоборот! Не пройдёт и суток, как мы перестреляем и взорвем всех «какашек», спасём страну, и ты «получишь девушку!»

Макс посмотрел на неё. Но только вздохнул.

Не без удивления она заметила, что ведёт себя теперь в Учебке совсем по-другому.

Не ржёт, как глупая лошадь, вскидывая «роскошную гриву», как иногда делала раньше, какой-нибудь пошлой и тупой шутке одногруппниц. На их вопросы отвечает медленно, раздумчиво. К концу третьего урока она стала ловить на себе недоумённые взгляды подруг – ещё бы! На Биологии она подняла руку, (Чего отродясь не делала!) и внятно и методично изложила то, что задавали на дом. Ощущала она при этом некую внутреннюю силу и уверенность – как ни странно, прочитанное отлично «уложилось» в её голове!

Вот уж молодец Глория! Как она её «вдохновила», показав, что главное – самообладание! И осознание того, что она и правда – может сделать всё, что захочет!

Училка, поджарая и ещё вполне крепкая мисс Грейдершафт, похлопала глазами из-под очков, Чуть повернула голову вправо, затем влево, словно сомневаясь, Дайана ли

Саммерс перед ней. Но в вердикте не колебалась ни секунды:

– Дайана Саммерс. За сегодняшний урок – отлично.

Ух ты! Вот так, сходу – двадцать баллов! А она и не знала, что нужно просто отвечать уверенно, раз выучила. До этого лишь ждала – когда вызовут. И почему-то когда это случалось, так пугалась, что, как и все прочие, мямлила что-то себе под нос… На троечку.

Но шушуканье за своей спиной она теперь чувствовала: буквально кожей затылка!.. Правда, пока никто «в лоб» не спрашивал, что это за «муха её укусила?!» – похоже, ждали конца занятий.

Но как только началась большая перемена, Дайане пришло СМС.

«Дайана! Прямо сейчас выйди из Учебки на улицу – это очень важно! Макс.»

Ну как тут не выйти?!

Она быстро пронеслась по заполненному слоняющимися сплетницами-подругами коридору, и сбежала прямо по лестнице: не хватило терпения подождать лифт.

Надо же! Она уже видала его на мотоцикле – ничего не скажешь: воплощение «Духа Дороги»! Чёрные очки закрывают глаза, а скулы у него такие… Такие… Мужественные! Вот и сейчас – она сразу догадалась, (Или – почуяла?!) что у него и у Дик, сосредоточенно, словно орлица перед броском, восседавшей на машине Майлза, запаркованной чуть сзади мотоцикла Макса, опять неприятности. Сможет ли она по-

мочь им на этот раз?

– Садись. – только и сказал Макс, кивнув себе за спину.

Она не заставила себя долго упрашивать. Пусть-ка эти сучки из Группы попялятся, с кем она тусуется! Руками она обхватила его накачанный живот… Надо же, какой он тёплый и приятный на ощупь!..

Она приказала ладоням остановиться! Рано: «поласкаться» они успеют. Не для этого же они приехали за ней – наверняка есть дело.

Мотоцикл буквально сорвался с места. Рёв мощного мотора эхом отразился от двадцатиэтажного алюминиево-стеклянного фасада Учебки, вспугнув стайку кормящихся на лужайке воробьёв…

– Переодевайся в это! – Дик вытащила из рюкзака на спине ворох разнообразной одежды, – Вот! Юбка офис-секретарши тебе будет впору. И колготки! И – белую кофту!

Парковка Заповедника находилась достаточно далеко от жилых районов, возле реки. Но сейчас, в рабочее время, здесь не было никого. Только кассир в своей будке. Но эта будка слишком далеко, чтобы он хоть что-нибудь разглядел.

Пока она быстро переодевалась, Максим «просвещал» её. Дайана коротко кивала, хмуря брови. Нельзя сказать, что она до конца во всё рассказанное поверила, но…

Но – плевать. Пусть всё хоть и с точностью до наоборот, и никакого Заговора против их Страны нет, но… Но Максу

она поможет!

Макс замолчал. Она подняла взгляд на него: в чём дело?

– Ты не веришь ни единому слову! Да и просто – не слушаешь меня!

– Как… Откуда ты это узнал? – она и правда удивилась.

– Долго объяснять. По твоей позе, по подавленной ироничной ухмылке, по чуть заметному качанию головы… Словом, есть такой специальный Курс. Он так и называется: «Определение реакций допрашиваемого на основе микродвижений лица и туловища».

Когда Дик сердито фыркнула, Макс поправился:

– Ну, вообще-то, он называется куда длинней… И специфичных терминов там полно. Это я, так сказать, упростил, для лучшего понимания… Так – что?

– Я готова помогать вам, даже сомневаясь. Или – не все понимая. Да и вообще – ничего не понимая. Но тут… Уж слишком похоже на сюжеты из фантастики. Или – старых боевиков. «Трое знающих Страшную Тайну должны спасти всех людей своей Родины (Или целой Планеты!) от злобных инопланетян!» Ну, или типа того.

Теперь уже фыркнул Макс. Дик же просто заржала, показав большой палец.

– Ладно, ничего смешного не вижу. Глупо звучит, но будет лучше, если мы и правда, будем исходить из мысли, что нужно спасти всю Страну… Правда, вряд ли – от инопланетян. И вот ещё что – ты просилась поучаствовать в «секрет-

ной операции»? – и, когда она кивнула, «традиционный» вопрос, – А ты не боишься умереть? – он помялся. Взглянул ей прямо в глаза, подойдя почти вплотную:

– Это – не красивые слова. Нас всех могут убить.

Липкие пальчики страха принялись терзать её маленькое горячее сердечко.

Нет, это – не шутка, разыгранная специально чтобы поразить её воображение…

Это – самая настоящая правда. Она чуяла её запах!

Макс вряд ли преувеличивает опасность – он реалист. Значит, он и правда – Правительственный Секретный Агент. И она… Может помочь ему. Иначе – он бы не обратился!

– Я согласна. И дело не в том, что я… Хотела бы быть всегда рядом с тобой. Даже в смерти… Прости. Глупо звучит, напыщенно… – она опустила голову, закусив губу. Однако продолжила:

– Если вы считаете – а я думаю, иначе вы бы не обратились! – что это действительно важно для страны, я готова. Это ведь и моя страна. Вдруг я… И правда, смогу помочь!

– Да. Помочь ты сможешь. Нам сейчас важен буквально каждый, кому мы можем доверять! Майор и полковник мертвы, филиал Федеральной Службы Безопасности эвакуирован, и сотрудники не вернутся на работу до особого распоряжения… А в иностранных шпионов мы с Дик не верим.

Это – работа своих. Спецслужб. Вернее, скорее всего всё-таки не самих Спецслужб, а – предателей, окопавшихся в

них. Теперь ты понимаешь, что обращаться к официальным властям, или другим Агентствам для нас слишком опасно?

– Честно говоря, нет. Ты же сказал, что все Агентства работают независимо? Не могут же во всех быть предатели?

– Ты права. Не могут. Но мы считаем, что предатели засели как раз там, где раздают всем этим Агенствам Руководящие Указания – на *самом* Верху! И нам надо выявить этих людей… Или – этого человека!

Дайана, закончившая к этому моменту одеваться, обернулась к Дик:

– Дик! Как я выгляжу?

– Отпадно. Но подожди-ка… Нельзя офис-девочке ходить без соответствующего макияжа. А ты сейчас накрашена, как дикая штучка из Учебки… Сядь-ка.

Пока Дайана сидела на сиденье мотоцикла, Дик усердно придавала её личику «деловой вид» с помощью влажных салфеток, и грима из косметички самой Дайаны:

– Ничего-ничего. От консервативного имиджа ещё никто не умирал.

Дайана стойко терпела. Макс маялся: расхаживал по стоянке взад-вперёд, дёргая щекой и поддавая носком ботинка камешки. Наконец грим оказался наложен. И волосы расчёсаны как надо.

– Есть зеркальце?

Дик, покачав головой, сказала:

– Есть. Но знаешь, лучше тебе не видеть. Тебе же спокой-

ней будет.

Дайана вздохнула. Подняла глаза на Макса:

– Ну, а ты что скажешь? Похожа я на офис-девочку?

– На самую юную и сексапильную офис-девочку из всех, что я видел. Думаю, ты не продержалась бы на работе и трёх дней.

– Что… Настолько ужасно? – её передёрнуло.

– Нет. Скорее, наоборот – слишком хорошо. Какой-нибудь расторопный начальник тебя бы обязательно взял в жёны.

– Хватит прикалываться! Я серьёзно спрашиваю!

– А я серьёзно и отвечаю. Вид – реально отпадный. Как ты это сделала? – это уже к Дик.

– Я прослушала Курс «Изменение лица с помощью грима и прочих прибамбасов!»

Максим сердито сплюнул. Дайана рассмеялась. Шутка сейчас была кстати – у неё слегка – только – слегка! – тряслись ноги.

– Ладно, – призналась Дик, – я ничего не делала. Это стандартный грим для офис-работниц. Читать инструкции надо. Поехали, если хотим успеть закончить всё в этом году.

Вещи Дайаны запихали в сумку, и мотоциклы двинулись с места.

Правда, теперь они не гнали на полной, а ехали спокойно: словно берегли прическу Дайаны. А заодно и давали ей время свыкнуться с мыслью, что она теперь – спасительница

Страны.

Островок из пяти высотных корпусов госпиталя маячил всего милях в пяти.

Поездка заняла не больше пятнадцати минут.

Макс нахально припарковал байк прямо возле машины, из-под которой выглядывал кусок надписи «Только для директора госпиталя». Деловито двинулся вперёд. Дик, в строгом деловом костюме начальницы, и «офис-девочка» в «прикиде» секретарши держались чуть сзади, автоматически выстроившись клином – Дайана видала, как точно таким же клином строятся футболисты в особо критические для команды моменты. Когда уже не до людских потерь – нужно спасать игру!

Макс, сделав грозное лицо «ретивого службиста», сунул своё удостоверение под нос пожилой женщине в голубом халате с надписью на нагрудном кармане «Госп. Сан-Андреас» за стойкой регистрации, недоумённо смотревшей, как они уверенно и деловито пересекали вестибюль, и подходят к ней:

– Федеральная Служба Безопасности. Капитан Гольдблюм. Расследуем дело о случаях злоупотребления служебным положением среди руководящего персонала.

Женщина явственно побледнела. Макс поспешил опровергнуть могущие возникнуть у женщины подозрения, в том, что именно она – главный подозреваемый:

– В каком корпусе у вас находится галотомограф?

– В третьем. Я… – она только моргала, пытаясь овладеть ситуацией.

– Прошу вас, – мягко перебил её Макс. – дайте нам кого-нибудь, кто мог бы быстро, и желательно незаметно для пациентов и, главное – остального штатного персонала, провести нас туда!

Замешательство сменилось пониманием. Рука протянулась к кнопке, и вот уже дежурная отдаёт чёткие указания подошедшей молоденькой (Дайана могла бы поспорить, что та чуть ли не моложе её!) и хорошенькой девушке:

– Джина! Проведи этих людей коридором Зет к третьему корпусу. Затем – подними их грузовым лифтом на тридцать седьмой. – и, когда девушка открыла было рот, – Быстрее. И – *без* лишних вопросов. Ясно?

– Благодарю за адекватное понимание ситуации. И чёткую работу. Я отмечу в рапорте вашу оперативность и компетентность. – Макс коротко кивнул, и щёлкнул каблуками, как профессиональный солдат. Откозырять, впрочем, не решился. Да и правильно – на них смотрят.

Девушка, почему-то сразу побледневшая, и поминутно опасливо оглядывавшаяся, чуть слышно выдавила только: «сюда», и повела их к лифту.

Спуск на неторопливом и скрипучем полутёмном лифте Госпиталя в коридор Зет занял полминуты – похоже, это был не менее чем пятый подземный Уровень.

Дик коридор, которым их повели, чертовски напоминал тот, которым они только недавно эвакуировались: те же голые нештукатуреные стены и редкие лампы под потолком. Только что вода под ногами не хлюпала. И по бокам мелькали помещения с гудящими промышленными кондиционерами, насосами, щитовыми, и прочей могучей техникой, нужной для поддержания жизни такого сложного комплекса, как Окружной Госпиталь.

Следующий лифт, хоть и тоже грузовой, до тридцать седьмого этажа доехал всего за пару минут.

Однако им пришлось ещё с полминуты быстро идти по внутреннему извилистому коридору, ощущая на себе недоумённые взгляды медсестёр и врачей, попадавшихся навстречу. Дайана их вполне понимала. Ещё бы: не часто, наверное, можно в коридоре Госпиталя встретить офис-секретаршу, строгую «начальницу», и сосредоточенно-хмурого не то – рокера, не то – гота.

Изредка сквозь открываемые медсёстрами двери оказывались видны небольшие палаты с одним-двумя лежащими пациентами, и сложной аппаратурой рядом. Белые простыни и светло-голубые стены слегка пугали – вероятно, сказывался какой-то древний инстинкт, велящий опасаться врачей… Едва заметно пахло не то спиртом, не то виски, и чем-то ещё смутно знакомым… Камфорой?

Наконец они оказались перед перегородкой с запертой дверью с матовым бронестеклом. Надпись сверху гласила:

«Отделение галотомографии. Пожалуйста, предъявите пропуск».

Макс коротко кивнув, сказал:

– Благодарю, мисс Джина. Возвращайтесь. Долож*и*те дежурной об исполнении.

Когда халат девушки скрылся за поворотом коридора, Дик спросила:

– Ну и когда мы будем «навещать» Майлза?

– А мы и не будем его навещать. Я передумал. Мы просто вызовем его к себе.

– Ха! Он же – не ходячий.

– Ну и …рен с ним. Значит, его привезут. – Макс уже нажимал кнопку вызова.

Видеокамера на кронштейне развернулась чуть вниз. Из динамика сбоку раздался приятный женский голос:

– Пожалуйста, назовите себя и цель визита.

– Федеральная Служба Безопасности. Капитан Гольдблюм. – он поспешил сунуть в камеру удостоверение, – Немедленно откройте!

Похоже, уверенность, с которой он держался и говорил, сделали своё дело, даже несмотря на облик «крутого» байкера. Что-то щёлкнуло, и дверь чуть приоткрылась. Дайана подумала, что это и немудрено: Службу Безопасности не любили, но боялись. То есть – боялись встать у неё на пути.

Когда они вошли, Макс лично защёлкнул дверь. Подошёл к столу в глубине коридора. Женщина, сидевшая за ним, и

одетая тоже в голубой халат с такой же нашивкой, с опасением смотрела то на странную троицу, оказавшуюся перед ней, то на монитор перед собой, на котором, как успела заметить Дик, было выведено не менее двенадцати изображений. Значит, с видеоконтролем тут всё в порядке.

Макс снова продемонстрировал своё удостоверение, не давая его, впрочем, в руки:

– Служба Безопасности. Проводим расследование, касающееся случаев злоупотребления служебным положением. Кто у вас заведующий отделением?

– Доктор Дино Руффини. Но… Он сейчас на операции. Освободится не раньше, – она взглянула на часы над своей головой, где два сектора – между двенадцатью и двумя, и четырьмя и шестью, были закрашены красной краской. – Да, через полчаса.

– Отлично. – тон Макса оставался равнодушно-деловым, – Пусть кто-нибудь проводит нас в его кабинет. Мы подождём там. И вот ещё что, – видя, что женщина тоже нажала на кнопку, он добавил, – В отделении реанимации находится больной Майлз Коллинз. Распорядитесь, чтоб его срочно доставили сюда, и подготовили к обследованию на галотомографе. И последнее. О нашем посещении знать не нужно никому. Вам всё ясно? Вопросы?

Дайана подумала, что если бы она сама сидела сейчас на месте женщины, после такого тона у неё вопросов точно не возникло бы…

Подошедшей девушке дежурная приказала отвести их в кабинет заведующего. Голос её при этом слегка запинался.

А умеет её «парень» произвести впечатление!

Ну так! «Её» же!..

Кабинет отличался от палат только тем, что здесь не было жизнеобеспечивающей или работающей аппаратуры. А так – те же бело-голубые стены, тот же казённо-стерильный интерьер. Стол, с микроскопом и ещё какими-то приборами, кресла, застеклённые шкафы с хромированными инструментами на полках. Белые чехлы на спинках и сиденьях стульев. Пахло не то хлоркой, не то – спиртом.

Словом, больница. Б-р-р!..

Осмотревший весь интерьер Макс покивал – словно сам себе. Прошёл к столу.

«Мы здесь НЕ будем ничего обсуждать. – написал Максим на бланке рецепта, взятого там, для страховки приложив палец к губам, – Возможна прослушка. А вот видеокамер нет. У дежурной на мониторе этого кабинета не было».

Дик осмотрела потолок и особенно внимательно углы. Подвинула рецепт к себе.

«Похоже, ты прав. Может, доктор Дино здесь развлекается с дежурными медсёстрами!» – она мило улыбалась.

«Твои шуточки слегка не в жилу!»

«Ладно, молчу».

Встав, Максим обошёл весь кабинет, заглянув во все углы

и шкафы. Однако особо тщательно он изучал углы: камеры удобней всего устанавливать там, у потолка…

Дайана, которой показали переписку, скомкала бумажку, и засунула в бюстгальтер. Сделала она это автоматически – так же, как прятала шпаргалки от цепких взглядов учителей. Вот теперь, когда они уже оказались внутри госпиталя, и самое сложное, казалось, осталось позади, ей было по-настоящему страшно. Но, поглядывая то на Макса, то на Дик, она старалась держаться. И глаза к потолку не подкатывать.

Послышались шаги, и в кабинет быстро вошёл человек в стандартном, но на этот раз светло-зелёном халате.

Ростом он не достигал Максу до плеча, но казался куда шире – приятного вида брюшко не портило, а, скорее, украшало его фигуру. Да и вообще, облик доктора располагал к доверию. Солидный, явно компетентный, собранно-деловой. Что это – врождённое ли свойство, или благоприобретённый имидж, Дайане отгадать так и не удалось.

– Здравствуйте, доктор Руффини. – Макс поднялся навстречу, и протянул руку.

Дайана и Дик тоже встали. Дайана отметила, что от Макса словно распространяются как бы волны – волны уверенности и озабоченности. А молодец – как ему это удаётся?!

– Здравствуйте. Кто вы, и как сюда попали? – доктор явно прошёл прямо из операционной не заходя к дежурной.

Макс достал удостоверение, и даже дал его доктору в руки (Дик отметила вопиющее нарушение Устава: служебное

удостоверение – в руки – никому!..):

– Федеральная Служба Безопасности. Капитан Гольдблюм.

– Понятно. – доктору пришлось щуриться на мелковатый шрифт – явно сдавало зрение. Затем, налюбовавшись на кусок пластика, он вернул его, – И что же от меня нужно… Службе Безопасности? – по тону доктора нетрудно было догадаться, что он не в восторге от визита.

– Я объясню. Однако я хотел бы быть уверен, что нас никто не…

– Услышит? Вот уж нет. Микрофонов здесь не устанавливало ни одно из Правительственных Агентств! – желчной иронии в голосе доктора не уловил бы только пьяный пингвин. – Кроме криков и стонов пациентов здесь почти ничего и не услыхать. А они быстро приедаются всем. Кроме, разве только, закоренелых садистов.

– Интересно, что вы их упомянули… У нас ещё пойдёт речь и о них. – Макс хозяйственным жестом пригласил хозяина кабинета пройти за его же стол. – Но разговор, возможно, займёт много времени. Удобней будет делать это сидя.

Усевшись, и уразумев – по умным глазам Дайана это сразу поняла – что лично против него работники Службы безопасности, похоже, ничего не имеют, доктор явно почувствовал себя свободней. Впрочем, начинать беседу он не спешил.

Максим тем временем вынул из папки несколько снимков.

– Прошу вас, доктор, взгляните. Вы узнаёте эти снимки?

Доктор Руффини включил подсветку на настольном пюпитре, и быстро проглядел снимки. Взглянул Максу в глаза.

– Да, я узнаю их. Буквально два-три дня назад их делал по моей просьбе доктор Липхардт. А пациентов привозил какой-то не то капитан, не то лейтенант из ваших. В-смысле, из Службы Безопасности. И – что?..

Макс не подкачал: уверенный тон и свободные манеры должны были показать, что он выполняет очередное задание. Да Дайана и сама почти купилась:

– Я прошу вас разъяснить специфику установленных в головном мозге устройств. Для чего они служат. Когда устанавливаются. Как. Кем. И вообще – всё, что знаете об этих устройствах. Это не праздное любопытство, поверьте. Возможно, ваша консультация поможет спасти несколько человеческих жизней.

А неплохо он вывернул, усмехнулась про себя Дик – «несколько человеческих жизней»! А ей-то казалось, что речь идёт о всей стране!

– Хм-м… Собственно, никакого секрета в назначении этих устройств нет. И сами эти устройства, насколько мне известно, есть у *каждого*. Что же нового… – доктор выглядел слегка растерянным, – Хорошо. Расскажу. Но! Мне знаком лишь тот аспект, который касается непосредственно специфики *нашей* работы.

Вживляются эти устройства в детский череп сразу после рождения, – Дик и Макс не удержались, чтоб не кивнуть, –

Ещё в роддомах. А предназначены они для… Предотвращения болезней мозга вообще, и расстройств психики в частности. Как наследственных, так и… Э-э… Благоприобретённых. Эпилепсия. Болезнь Паркинсона. Синдром Льюиса-Ходжкинса… Болезнь Альцгеймера. Словом – перечислять всё, от чего эта штука страхует и защищает, можно долго. Но знание всего этого предназначено вот именно – для специалистов.

Операции эти типовые, хирурги роддомов делают их буквально сотнями в день. Методика проведения отработана до автоматизма… Как, скажем, перевязывание пуповины… Или прививки АКДС в рот… Оспы на руку, – доктор похлопал себя по левому предплечью, Макс и Дик снова покивали. – И на каждую уходит не больше нескольких минут.

Рядовые граждане обычно и не представляют, что их здоровье охраняется Государством, а разум – защищён устройствами, содержащими самые передовые научные разработки! Ну… По-крайней мере так нам разъясняли во время *моей* учёбы. – доктор откинулся на спинку кресла. Макс поспешил воспользоваться возникшей паузой:

– То есть – если такого устройства не было бы… Болезней и расстройств мозга было бы куда больше?

– Ну… – доктор поморщился, что его прервали, – Да. Вот именно. Вы сформулировали вполне верно.

– Прошу прощения, что перебил. Пожалуйста, продолжайте.

– Н-да. Так вот: болезней и расстройств психики, согласно статистике, и вправду, за последние шестьдесят лет стало в *разы* меньше. Ну, то есть – с тех пор, как начали массово, в обязательном порядке, устанавливать Предохранители. Тогда, кажется, в самом начале, кто-то протестовал, но потом это, это… Говорю же: стало таким же привычным делом, как прививки!

И, насколько мне известно, ещё не было отмечено случаев проблем, или болезни, спровоцированных таким… Устройством. Разумеется, я практикую всего двенадцать лет, и – только здесь. Про другие Госпитали сказать ничего не могу.

– Благодарю вас, доктор Руффини. Другие Госпитали нас сейчас не интересуют. Теперь главный вопрос. – Макс невольно кинул взгляд на Дик. – Где-нибудь в *других* странах устанавливают такие же, или аналогичные устройства?

– Ну… Насколько мне известно – нет.

– А… Обнаружить Предохранители в черепах иностранцев *их* аппаратура позволила бы? – Макс как бы невольно стиснул подлокотники кресла, на котором сидел.

Доктор какое-то время молчал, уставившись невидящим взглядом в поврежденные снимки, лежащие перед ним на столе. Он, если и догадался, что что-то не вполне в порядке с ними, и теми, кто их затребовал, внешне никак этого не проявил.

Затем вполголоса произнёс:

– Конечно. Вот оно в чём дело. И как это я сразу… – он

поднял голову. – Да, *их* средства диагностики вполне могут выявить такие… М-м… Импланты. Легко.

– Я вижу, доктор, вы поняли. Да – во время второй Мировой сотрудники Германской внутренней Службы Безопасности, так называемого Гестапо, как раз таким способом и выявляли шпионов: нестандартно наложенные стежк*и* швов, другая техника установки, и материалы пломб или коронок… Шрамы от прививок. Всё это позволяло зацепиться за подозреваемого. А уж последующие неизбежные допросы проводили штатные садисты… – от Макса не укрылось, что лоб побледневшего доктора покрыла испарина.

– Поэтому мы и прибыли. Интересы Национальной Безопасности требуют, чтобы вы извлекли эти Предохранители из черепов наших сотрудников, которым… Предстоит работа за пределами Страны.

– Понятно. Да, понятно… Я согласен, конечно… Но вы должны дать мне письменные указания! Такие операции раньше, насколько я знаю, никто не производил!

– Всё верно. В *вашем* Госпитале мы их раньше и не производили. Однако наше обращение именно к вам вызвано обстоятельствами, обсуждать которые я не уполномочен.

И – разумеется, доктор: я дам вам все необходимые письменные указания. И этот документ останется у вас. Более того: уже *вам* придётся дать мне подписку о неразглашении. Её я заберу с собой. И, надеюсь, вы действительно сознательный Гражданин и Патриот. И будете молчать ради интересов

своей Страны и без подписки!

Кстати, Идентификаторы, – Макс указал на своё запястье, – тоже придётся извлечь! Потому что и они применяются только нашей страной.

Когда их провели (Майлза – провезли, и так, прямо на каталке, и оставили. А молодец: увидав их, он даже шевелением брови не дал понять, что знает их!) в комнату с надписью «Амбулатория», Дайана поняла, что операции, которой она боялась ещё больше, чем предстоящего «задания», не избежать. Она достала спрятанную записку, и не придумала ничего лучше, чем съесть её. Дик посмотрела на неё недоумённо, затем вспомнила – и кивнула: мол, поняла!

Вовремя: вошла сосредоточенная медсестра, и велела им переодеться.

Голубую робу и широкие брюки натянули быстро. Затем и они забрались на каталки, и их накрыли простынями. Дайана поёжилась – не то от холода, не то всё от того же страха… Никогда до этого её не оперировали! Так что ощущения – не передать!..

Подготовка к операции заняла не более пятнадцати минут. На затылках Дик, Дайаны и Майлза появились выбритые пятачки размером со старинную долларовую монету: Макс настаивал, чтобы выбритый участок сделали небольшим: якобы, нет времени на ожидание, пока он зарастёт волосами…

Так что Дайана с внутренним содроганием ощущала – не грубые и не нежные, а просто равнодушно-профессиональные! – касания кожи своей головы старинными ручными ножницами, узеньким бритвенным станком, и резиной перчаток медсестры в маске, натянутой до самых сосредоточенных и цепких глаз. Сестра молчала, Дайана тоже. Затем она просто лёжа – ждала.

Затем её и остальных повезли в операционную. Её каталка чуть поскрипывала задним колесом, и этот звук слышался в ушах громче, чем сигнал учебной воздушной тревоги, отдаваясь даже в зубах… Или это – от страха ей так кажется?

Вот теперь она поняла, почему потолки в Госпиталях такие нейтрально белые, и везде так тихо: чтоб не навевать пациентам дурацких мыслей. Как же, «не навеваются» они… Два раза.

Каталки с ней и Дик оставили в как бы предбаннике, а первым выбрали Майлза.

Поскольку объяснить ему ничего не успели, а только сказали, (Вернее – прошипели!) что «так надо», он смотрел… мрачно. И явно что-то подозревал. Нехорошее. Но помалкивал. А молодец!

И уж пока он находился в операционной, они с Дик только и переглядывались, не смея переговариваться под взглядами дежурящей на стуле медсестры.

Ожидание, длившееся, как показалось Дайане, вечность, по прикидкам Дик заняло не более двадцати минут. Быстро, если учесть общую анестезию. Затем пришли за Дайаной.

Дик, оставшись одна, почувствовала облегчение – часть ответственности за девушку теперь словно сняли с её плеч, и возложили на доктора Дино.

А молодец, кстати, эта Дайана. Саму трясёт, лицо – белее потолка, а молчит и терпит… Вот повезло балбесу Максу – похоже, его и вправду… Любят!

Дик подняла глаза к потолку, и попыталась обратить взор в будущее.

Что же им делать после операции? Где искать проклятых изменников?!

Быть может, ст*о*ит попытаться восстановить маршрут, которым двигался полковник? Неспроста же он полетел сразу в Вашингтон! Значит, понимал, что информация может быть сообщена только начальству куда выше, чем Шеф региональной Конторы! И даже – Большой Босс в Пентагоне…

Но к кому – в Вашингтоне? К министру Обороны и Внутренней Безопасности? Или уж – к Самом*у*?!..

Вот уж – Ха!

Дайана приходила в себя медленно. Ужасно кружилась голова, вокруг словно выло и гудело – как во время той же учебной тревоги… А ещё дико мутило.

Сознание пробивалось сквозь вату и кружение с трудом.

Вокруг что-то поскрипывало и постукивало. Гудело… Шептало. Или это – чьи-то голоса?..

Где-то глубоко внутри она знала, чувствовала: она должна! Выплыть из липкой чёрно-фиолетовой и гудящей глубины к свету. Туда, где её ждёт Макс! Туда, где ей предстоит что-то важное… Что-то…

Ах, да – надо спасать страну…

Нет, не так: нужно помочь любимому спасти эту самую Страну!

Вот ей уже и лучше. Она всё вспомнила.

Заставила себя открыть глаза. Проморгаться. Звон в ушах, вроде, стал потише.

Вокруг – всё белое, расплывчатое. Но зрение удалось, наконец, сфокусировать.

Вот в чём дело – она же в больнице. В одной из палат Госпиталя. Конечно, и стены до половины, и потолки здесь… Всё такие же белые. Ладно, нужно бы оглядеться.

Ага – вон каталка с Майлзом. Насколько она помнит, она и сама тоже лежит на каталке. А вон завозят Дик. Похоже, шум открываемых дверей операционной и разговоры ассистентов и разбудили её.

Каталку с Дик поставили почти вплотную к её.

Она хотела сказать, что так она не сможет встать. Но горло и язык почему-то не слушались. И вообще – чувствовала она себя, словно год назад, на вечеринке у Коротышки Рождера. Когда паршивцы мальчишки намешали в «пунш» запрещён-

ного для детей спиртозаменителя: глаза видят, но тело – не повинуется, и само – не двигается.

Открылась другая дверь. Вошли Макс и доктор… Доктор… Чёрт, как же его?.. Неважно: они подходят к ним. Доктор смотрит в глаз Майлзу, оттянув веко. Говорит.

– Порядок. Уже через несколько минут они придут в себя. Даже уйти смогут сами. Я попросил доктора Липхардта делать отверстие поменьше – оно затянется буквально за пару недель. Ну а сейчас посмотрим девушек…

Однако осмотреть «девушек» доктору не удалось. У Макса вдруг зазвонил телефон.

Сказав «простите, доктор», Макс отошёл в угол. Однако Дайане (Да и доктору наверняка!) было всё равно отлично слышно чей-то лающий грозный голос, буквально выкрикивающий какие-то приказы и распоряжения, на которые Макс отвечал:

– Да, сэр! Так точно, господин полковник!.. Как вы сказали?!.. Есть, сэр! Слушаюсь! Есть, немедленно, сэр! – голос рявкнул что-то на прощанье, запикал отбой.

Макс с перекошенным бледным лицом развернулся к доктору:

– Приношу свои извинения, доктор. Боюсь, вам придётся «обработать» ещё одного пациента. Меня!

Глаза Дайаны как-то сами вдруг закрылись, и кружение чёрно-фиолетовых полос и сине-розовой тьмы вновь увлекло её сознание куда-то вниз, вниз, в пучину забвения…

Следующее «выплывание из ваты» состоялось, наверное, ещё через полчаса.

Прошло оно куда легче и безболезненней. Зато теперь её жутко тошнило.

Открыв глаза, она обнаружила пустой каталку, на которой только что лежала Дик.

А-а, вот оно в чём дело: судя по запаху Дик уже воспользовалась ведром, кем-то предусмотрительно поставленным в углу… А сейчас рассматривает свою перебинтованную голову в зеркале на стене.

Словно почуяв, что на неё смотрят, Дик обернулась. Улыбнулась Дайане. Понимающе кивнула. Подошла, уже захватив ведро.

Как вовремя!..

От звуков проснулся и Майлз. Недоумённо вначале, а затем – с пониманием, он глядел на них. Но – молчал. Дайана пробормотала:

– Спасибо. Вовремя ты…

– Э-э, не бери в голову. Я уже облегчилась, поэтому легко вычислила, что тебе в первую очередь…

Они помолчали. Дайана старалась продышаться. Затем Дик спросила её:

– Встать сможешь?

– Наверное… Попробую. – с помощью очухавшейся «коллеги по работе» это удалось. В больничной одежде Дайа-

на чувствовала себя глупо. Хорошее настроение ей вернул Майлз, буркнувший:

– Повезло же этому козлу – у его девушки даже в этих ужасных шароварах задница как задница! А мне вечно достаётся что-то тощее, жилистое, мускулистое, и мосластое…

– Смотрите-ка, кто тут у нас заговорил. – Дик подошла к напарнику, – Будешь много выступать на мою задницу, останешься с каким-нибудь другом: «О, дорогой! Ты не почешешь ли мне спинку? Фу, противный!» – она манерно махнула ладошкой, так, как это делают мужчины нетрадиционной ориентации.

Дайана фыркнула, Майлз надул было губы. Затем тоже рассмеялся.

Однако их смех быстро утих: он сильно отдавался в затылке, где явственно ощущалось и биение крови, и боль. Это, очевидно, рассасывалась уже и местная анестезия. И нервы кожи головы вновь обретали чувствительность.

Чёрт, а болит-то… Сильно.

Дайана на разъезжающихся ногах кое-как проковыляла к зеркалу.

Нет, в лице ничего не изменилось. Хотя… А-а, это она из-за «делового» грима выглядит такой… Такой взрослой, и уверенной в себе. Вот уж – великое изобретение! Она вернулась к каталке и села:

– А Максим… Ещё на операции?

Майлз недоумённо покачал головой. Дик пожала плеча-

ми:

– Я не знаю.

Дайана коротко рассказала, что слышала во время краткого «включения».

– Ага, понятно. Значит, он включил программатор, и наорал сам на себя… Потому что других объяснений я не вижу. Значит, решил разыграть нашего милого доктора Руффини.

Подумав ещё, Дик решила:

– Значит, будем ждать его в кабинете у доктора. Вот только оденемся.

– Интересно, во что? – Майлз не торопился скидывать простыню и вставать. Ну правильно: его-то одежда – осталась в реанимационном отделении!

Проблему решила Дик, нашедшая кнопку вызова персонала. Вошедшей сестре она вполне деловым, почти как у Макса, тоном сказала:

– Будьте добры, нашу одежду из Амбулатории, и… Халат для мужчины.

Дайана отметила, что приказному тону, возразить на который даже и мысли не возникает, Агентов, наверное, тоже учат на каких-нибудь «Курсах». Вот бы и ей такой пройти!

Впрочем, против Макса вряд ли даже это поможет!

Макса ввела в кабинет доктора медсестра, примерно через полчаса после того, как они перебрались туда. Доктор встал навстречу, и помог усадить «внепланового» пациен-

та на кресло. Дайана отметила, что её парень выглядит… Неважно. Нахмуренный лоб, крупные капли пота, землистого цвета кожа. Дик злобным тоном буркнула:

– Поздравляю! Что, приятно оказаться со смертниками в одной лодке?

Макс грозно глянул на неё, но сразу подхватил мяч:

– Зато я буду главным в вашей группе. Резидентом. А вы – простые полевые агенты. – и, словно спохватившись, к доктору, – Доктор Руффини! Надеюсь, вы понимаете, что любые наши разговоры…

– …должны остаться в стенах этого кабинета! – доктор дёрнул щекой, – Можете не сомневаться. Материалы об операции уже удалены из базы данных. А вот, – он протянул кювету с восемью крошечными капсулами. – ваши Предохранители и…

Идентификаторы. Вы просили передать их вам… Верно, конечно: пока вы здесь, в стране, вам придётся пользоваться ими.

Но, очевидно, лучше всего закреплять их к запястью простым скотчем. У меня как раз есть телесного цвета. – он вынул моток и передал Дик, протянувшей руку. Скотч скрылся в боковом кармане её пиджака-жакета. Туда же перекочевали и Идентификаторы.

Предохранители, покатав на ладони, Макс просто ссыпал в свой карман.

– Благодарю вас, доктор Руффини. От лица Правитель-

ства США, и Службы Безопасности. И от себя лично. – на лице Макса если и было нарисовано выражение, от благодарности оно отличалось, как тыква от задницы. Очевидно, додумалась Дайана, это должно означать, что Макс, да и все они, отнюдь не в восторге от своей будущей «Миссии».

А ведь и правда – она и сама за рубежом никогда не была, да и не слышала, чтобы хоть кто-нибудь из знакомых побывал. Там, за границей, точно никому их Идентификаторы не нужны. Как их учили в Учебке – технология и наука на уровне Средневековья.

И что весь остальной Мир пребывает в разрухе и нищете, болезнях, и жутких последствиях от оставшейся почти повсеместно радиации, хотя так называемая «ядерная зима» закончилась задолго до её появления на свет. Что мутантами и уродами *там* рождается каждый второй младенец. Что кое-где даже нет электричества и хлорированной воды!

Гос-с-споди…

Какое счастье, что им не придётся и правда, туда ехать!

И, если уж совсем честно – она и не представляла, чем таким серьёзным могли бы угрожать её Стране эти жалкие остатки других стран, влачащие сейчас полуголодное, весьма близкое к банальному выживанию, существование.

Недаром же им всем высылают ежегодно столько Гуманитарной помощи!

4.Состав преступления

Уильям снова удивился: по запаху, что ли, этот псих их находит!..

Или… Чутьё? Как у терьера на крыс. Опасных крыс – с автоматами и ракетами…

То, что Скотт Маккерфри как никто другой умеет обнаруживать Бункеры врага, не было секретом и для начальства. Поэтому они с напарником и летают чаще других. Утомительно. Но – отлично оплачивается. Скотт хвастался, что уже прикупил огромный стереовизор – роскошь, недоступную даже большинству коллег-третьеуровневиков.

Несмотря на хорошие деньги, Уильяму всё меньше нравилось работать с Маккерфри. Всё же тот слишком… Экспансивен. Радикален. Жесток. Даже иногда чем-то напоминает, скорее, всё же не терьера, а боевую таксу: такая и в любую нору залезет, и за ногу не то, что барсука – тигра не постесняется ухватить! Да ещё с радостным рычанием. Такое не то – рвение, не то – патологическая жестокость – не может не напрягать!

– Зависаем, второй. – последовала команда от ведущего.

– Принято, первый. Зависаем. – Уильям выбрал штурвал на себя, плавно развернув штурмовик так, чтобы описать носом с детекторами и радаром полный круг. Чисто!

– Чисто, первый.

– Работаем. Цель – разбитый бронетранспортёр возле сгоревшего дерева. Вход должен быть где-то рядом.

– Понял. Выпускаю «Крота». – тяжёлый «Крот» вывалился из трюма, сильно качнув, несмотря на чёртовы стабилизирующие дюзы, машину Уильяма. Приземление прошло штатно, струи из тормозных дюз посадочного модуля подняли тучи пыли, быстро, впрочем, осевшие. Отщёлкнулись крепления, гусеничная машина съехала с посадочной грузовой платформы по пандусу.

Грузовая платформа, снова взметнув выхлопом остатки пыли, могуче завывая, вернулась в открытый люк трюма за каких-то десять секунд.

– Всё ещё чисто. Выпускаю «Гризли», – голос Маккерфри как всегда чуть подрагивает в предвкушении. Уильяма же все эти приготовления к основной части «работы» оставляли равнодушными. Вероятно, именно те эмоции, что испытывали древние охотники, с примитивным копьем с кремниевым наконечником выслеживающие мамонта, или саблезубого тигра, ему-таки недоступны. Или попросту – чужды. Он – не охотник.

Он – инженер-оператор.

Он старался только делать всё чётко – как на тренажёре-симуляторе.

Нервничать он начинал обычно позже – дома, лёжа без сна рядом с умиротворённо сопящей женой, и думая, поря-

дочно ли убивать людей вот так, как убивают они – бригада Зачистки. Абстрагированно. Дистанционно.

И – абсолютно безнаказанно. Оставаясь в безопасности. Ну то есть – точно так, как делают подростки во всех этих чёртовых «стратегических играх»…

А ведь раньше даже те же самые охотники на крупного зверя так не поступали: у львов и слонов были, пусть крохотные, но – шансы отправить человека, пусть уже не с копьем, а и с «продвинутым» тяжёлым ружьём, туда… Где уже оказались те из его Предков, кто послабей: в небесную Валгаллу, Рай, вход в который открыт только павшим в *честном* бою Воинам!..

Впрочем, свои мысли насчёт «нечестности» и «непорядочности» Уильям старался держать глубоко внутри, не позволяя себе делиться даже с Лоис – вероятнее всего всё же из опасения, что квартира на прослушке, что почти неизбежно в силу специфики его работы, а вовсе не из желания снять со своей совести часть ответственности.

«Гризли» – шустрые и до зубов вооружённые микророботы – прекрасно спускались и на парашютах. Вот они отстегнули огромные, камуфлированные в буро-зелёно-чёрные тона, купола, и деловитой сворой окружили «Крота».

Тот двигался не торопясь. Но – и не мешкая напрасно.

Своими действиями он всегда напоминал Уильяму грибника. Правда, грибник, найдя большое гнездо, не травит находку ядовитым газом. И оставляет нетронутой грибницу –

для восстановления плодовых тел, со временем снова отрастающих из мицелия.

А вот их задача – как раз уничтожение найденной группы сопротивления под корень. Зачистка!.. Уильям сплюнул. Мысленно.

Напарник в который раз оказался прав: «Крот» обосновался в трёх шагах от сгоревшего дерева – между ним и бронетранспортёром. Видать, детекторы и газоанализаторы чётко определили место входа, и просвечивание сейсморадарами позволило рассчитать, где основные пустоты-помещения, спрятанные за многочисленными кессонами и шлюзовыми, и многометровым бетонным сводом. Взрывы от сейсмозарядов были, разумеется не слышны, но то, что почву сотрясают микроземлетрясения, Уильям знал прекрасно. Акустические сенсоры «работают» до глубины в полкилометра.

Впрочем, такие, полевые, Бункеры, и не могли быть слишком большими и глубоко зарытыми. Плохо лишь то, что взрывы ощущают те, на кого они… «Охотятся».

Вышла буровая штанга, и сверление началось. Уильям снова сделал полный круг – нет, чисто. Собственно, теперь, когда на земле пять «Гризли» можно было и не следить за небом и почвой: маленькие убийцы сами отследят и пристрелят того, кто не посылает пятьдесят раз в секунду сигнала «Я – свой!».

– База, база, я – Фокстрот восемнадцать. Нашли Бункер. Подтверждаю. «Крот» начал бурение. – голос Маккерфри

буквально дрожит от предвкушения. А что ему – вот лично ему! – сделали грязные и оборванные люди с примитивными автоматами и ручными гранатами, сидящие сейчас там, внутри подземного убежища, всего-навсего защищающие – вернее, пытавшиеся защитить! – свою родину?! У них даже не осталось ракет, чтобы хоть как-то ответить подавляющему своим «технологическим превосходством» агрессору!

Думая об этом, Уильям невольно сильнее сжимал похолодевшими ладонями штурвал. Тот отреагировал – включил подогрев. Проклятье!.. И здесь «забота об операторе!»

– Внимание, Фокстрот восемнадцать. Слышу вас хорошо. Поняли, подтверждено обнаружение Бункера противника. Высылаю «Атланта» с бригадой санитарной обработки.

Вот уж необходимости этого Уильям никогда не понимал: почему нельзя все трупы просто – оставить в Бункере? И замуровать его навсегда бетонной пробкой. Досмотр и обыск мертвецов казался ему кощунством: словно они подло, исподтишка, предательски убили беззащитных, да ещё и обобрали павших – не в бою, а приконченных, словно крысы в норе, отравляющим газом, солдат…

Кажется, так поступали нацисты. Впрочем, знает об этом только он.

Да и то – только потому, что добрался до подвала с дедовской литературой.

Об этом подвале до сих пор не знает даже жена – старинные, выпущенные до Переформации, книги, сейчас запре-

щены, и если бы кто-то узнал, не видать бы ему этого тёплого и прибыльного места работы. Но вот совесть…

Совесть придётся пока засунуть в задницу – из выходного люка начали выбираться солдаты противника. Нужно быть готовым поддержать «Гризли» бортовым огнём штурмовика! Он буркнул: «пулемёты к бою!» Машина защёлкала – стволы повыдвигались.

Нет, машинки-убийцы справились сами. «Крот» в безопасности, атака захлебнулась. Да и то – атака! Десяток почти безоружных и еле передвигающихся от недоедания солдат в куче разномастной одежды, кажущихся, скорее, нелепыми шарами, чем «боевыми единицами».

Да, там внизу – минус пятьдесят. Цельсия. А уж привычного Фаренгейта!..

На пульте замигал зелёный огонёк: буровое долото пробило свод, и газ пошёл.

Всё. Можно убираться. Их «работа» закончена. Дальше всё доделает бригада «Атланта». Они же и запечатают отравленный и обысканный Бункер, и похоронят всех погибших. Вернее, то, что от них останется после кремации…

Хорошая работа. В-смысле, хорошая работа у него. Осталось только забрать «Крота» и «Гризли». Ну, это – дело двух минут. Он щёлкнул переключателем, отдал приказ.

Машина всё проделала сама – на то и автопилот.

Теперь маленькие роботы-убийцы тоже у него в трюме. Ничего, бригада техников там, на Базе, «рассадит» всех об-

ратно по положенным местам.

– Второй, внимание. Миссия завершена. Курс два-восемь. Возвращаемся на Базу.

– Понял, первый. Возвращаемся на Базу.

Почти часовой обратный полёт Уильям провёл и сам – словно на автопилоте.

Старался только адекватно отвечать на шуточки напарника, пребывавшего в отличном расположении духа – словно они не убили несколько десятков фактически безоружных голодных людей, а и правда – сделали что-то выдающееся. Чем можно гордиться.

Посадив восьмидесятитонный модуль штурмовика на палубу, Уильям вздохнул свободней. Можно расслабиться.

– Внимание, второй. Вылет завершён. Птичка в гнезде. – не мог этот придурок не брякнуть уже обрыдший прикол.

– Подтверждаю, первый, вылет завершён.

– Внимание, База. Фокстрот восемнадцать, вылет завершён. Время – ноль шесть двадцать две. – голос напарника показался Уильяму теперь нарочито спокойным. Но он-то знал, что Маккерфри в душе ликует – ещё бы! За каждого убитого дадут дополнительные бонусы и деньги! Он сжал зубы так, что захрустела искусственная челюсть.

Проклятая работа! И уже не откажешься – затаскают по психиатрам и психоаналитикам: «А в детстве вы не испытывали жалости, когда, скажем, случалось раздавить муравья?.. А *сознательно* вы могли бы прихлопнуть укусившего

вас москита?..»

– Фокстрот восемнадцать. Подтверждаю. Вылет завершён. – раздался щелчок. Это диспетчер отключил питание модулей, и девять из десяти каналов связи.

Уильям снял проклятый визуализационный шлем. Ф-фу…

Чёртов штурвал весь липкий – от вспотевших рук. Да и кресло… Разболталось – нужно предупредить техника, чтобы успел устранить люфты до завтра. Со стоном он поднялся, и зачиркал молниями – сегодня нанокостюм стеснял его особенно сильно.

Поправился он, что ли? Или просто – нервы?

Невидящим взором он оглядел тёмную комнатку.

Ощущение того, что он на самом деле не на Авианосце в Красном море, а д*о*ма, на двадцать четвёртом подземном уровне Командного Центра, всего в двух минутах поездки на лифте и двадцати минутах ходьбы от своей уютной квартирки, почему-то не вселяло расслабленности и чувства успокоения.

Снимая в душевой пропотевший почти насквозь комбинезон, если можно так назвать тонюсенькую прослойку из мягкой фланели, он старался не смотреть на сменившихся пилотов других миссий. Но разговоров избежать всё равно не удалось.

Растолстевший за последние полгода до безобразия Альфред Сакс из Фокстрот-пять, весело окликнул его:

– Эй, Уильям! Я слышал, вы со Скоттом там сегодня отличились? Опять вынюхали гнездо злобных крыс? Ну как? Удалось прищемить им хвосты?

Стараясь скрыть отвращение к висевшему чуть не до колен пивному брюшку Альфреда, и брызжущему напускным весельем слюнявому рту, Уильям как мог равнодушно ответил:

– Удалось. Просто не знаю, как Маккерфри их находит. Чутьё у него, что ли там, в заднице…

– Ага. Точно. Шестое чувство. А на самом деле, он чует запах их портянок!

Вышедший из коридора Скотт Маккерфри потёр волосатые ладони:

– Смешно. Особенно, если учесть, что из нас никто и портянок-то в глаза не видел. А только слышали байки про этих варваров, рассказанные на инструктаже. Да мы вообще, фактически, про своего «кровного» врага ничего не знаем – почти как про птицу киво!

– Э-э, нет! Во-первых, не киво, а киви… А во-вторых – птички-то нам ядерными бомбами не угрожали! А вот эти русские могли запросто…

Уильям, которого уже лишь раздражали «патриотические» изыски толстяка Альфреда и легко покупавшегося, и отвечавшего со всей серьёзностью на его подколки, лишь чуть-чуть более стройного напарника, поспешил забраться в кабину, чтобы только не слушать очередной самовзбадрива-

ющий и самооправдательный бред.

Чувствовал он себя злым, уставшим, и… грязным.

Но если с т*е*ла пот и грязь смыть легко, из совести её…

Ну почему – почему он не выбрал чего-нибудь попроще?! Хотя бы должность оператора глубоководного робота-ремонтника?.. Сейчас бы просто помогал монтировать гигантские решетчатые конструкции нефтяных платформ где-нибудь на шельфе Красного моря, у берегов малонаселённых, поскольку почти всё население погибло от той же радиации, и превратившихся в марионеточные, арабских государств! Или – у ледяных берегов Гренландии. Или чинил чертовы подводные трубопроводы, по которым всё это «природное богатство» течет теперь в его любимую страну – фактическую хозяйку Мира.

Хотя себя она позиционирует как несущий всем культуру, гуманитарную помощь, науку и Вечные Ценности… Словом – западной оплот Демократии!

А кто ему мешал стать строителем Городов? Универсальный проходческий комбайн – хоть и сложен в управлении, уж точно никогда не станет причиной ничьей смерти.

Только вот…

Да, зарплата. В пять раз ниже.

Господи. Скорее бы закончился проклятый двухгодичный Контракт!.. Лучше он будет, как планировал в юности, разрабатывать и устанавливать подводное оборудование для плантаций чертовой ламинарии! И плевать на то, что ска-

жет Лоис – всех денег всё равно не заработаешь! Да и страшно: вдруг он и правда, сорвётся, и выскажет кому-нибудь из «коллег», или Армейского Руководства всё то, что накипело?!..

С такими Служба Безопасности не церемонится: допрос с правдоделом – не отопрёшься, и выложишь всё, как на блюдечке! – и деклассация! И это ещё в лучшем случае… А вот «промывка мозгов», и вбивание Курса «патриотичного Гражданина…»

Самое страшное, что может себе представить умный человек – лишиться способности логично и самостоятельно мыслить.

Снаружи снова загрохотало: это ударила звуковая волна от пронёсшихся на предельно низкой высоте бомберов «Спирит – Б-187». Она даже не подняла головы. Да и что толку поднимать её – сверху их прикрывает двухметровый бетонный монолит пола бывшего зрительного зала, а над ним – ещё и завалы из битого кирпича и ржавых прутьев арматуры.

Мать опять забилась в припадке глухого глубинного кашля, принялась х*а*ркать. Повернуть голову набок мать уже не могла: кровь из уголка рта текла по подбородку и собиралась всё увеличивающимся чёрным пятном на последнем куске брючины, заменявшем тряпку. Вечером надо будет постирать её. Впрочем, почему – вечером? Можно и сейчас, пока

более-менее светло. Всё равно в неё стрелять не будут, даже если бомбардировщики вернутся – слишком велика их скорость.

Она вытерла рот матери теперь куском простыни. Его ещё стирать рано. А вот по-настоящему плохо, что глубоко запавшие чёрные глаза уже, вроде, и не видели её.

– Стас! Посиди с матерью. Я схожу наберу воды для стирки. И посмотрю, как там.

Стас, пятилетний младший брат, с лица которого в последние дни не сходило угрюмо-злобное выражение, кивнул, и перебрался со своего матраца на стул, с которого она поднялась. Она подумала, что если б умыть его, может, он смотрелся бы не так… жутко.

Не ребёнок – а озлобленный монстр. Детёныш гоблина.

Но умываться можно теперь лишь ледяной водой. А это – лишний риск простыть. А лечиться им сейчас нечем. Ни лекарств, ни даже банок с малиной… Чёрт. Она забыла, каково это на вкус – когда сладко…

Значит, пусть брат остаётся как есть. Грязным. Но – здоровым. Тьфу ты – здоровым! Ха! После всех этих «корей-лихорадок-холер», что высыпали на них из кассетных бомб после ядерного удара, здоровых среди выживших уж точно нет. Так что пусть брат будет хотя бы не простуженным…

Она нацепила поверх всех своих тряпок ещё и синтетическую куртку белого цвета – вернее, это когда-то та была белой, а сейчас вся шла грязно-бурыми и жёлто-красными по-

тёками и разводами от кислотных дождей, и налипших, пока она обшаривала всё, что можно было обшарить там, наверху, пыли и кирпичного крошева.

А что – на фоне снега и развалин её точно никто не заметит в таком камуфляже.

Уже отодвинув первую из трёх занавесок, она оглянулась.

В тусклом неверном свете масляной коптилки почти ничего не видно: две смутно-чёрные фигуры. Одна сидит, другая – лежит. Сама каморка напоминает пещеру первобытных людей.

Но люди эти только недавно жили в цивилизованной и богатой стране. От которой теперь остались только радиоактивные руины, да горы неубранных трупов в городах и на полях…

Сгорбленная тощенькая фигурка брата, сейчас казавшаяся непропорционально толстой и неуклюжей из-за всех нацепленных тряпок и штанов, не заботливо, не взволновано – просто равнодушно – нависала над фигурой, неподвижно распростёртой на створке деревянной двери, кое-как держащейся на кирпичных подпорках… Почуяв её взгляд – они за время, когда вынуждены были прятаться от мародёров и бандитов, научились понимать друг друга без слов – Стас поднял глаза, и чуть кивнул.

Словно в сердце ей вонзили ледяную иглу – толщиной в руку!

Она поспешила опустить занавес за собой, и пробраться

через остальные.

В тёмном низком коридоре она теперь хорошо помнила, где остались большие обломки, которые даже совместными усилиями не удалось убрать – легко могла пройти по памяти, ничего не задев, все сорок семь шагов до люка. Она снова проверила обрез за поясом. Вынимается легко. Картечь в обеих стволах. Вперёд.

Снаружи опять шёл снег. Впрочем, это она знала, даже ещё не открывая люка – стояла та неповторимая тишина, при которой всё вокруг словно тонет в липко-белом мареве, глушащим и убивающем все звуки. Да и, казалось, саму жизнь…

А ведь ещё в прошлое Рождество, когда вот так же мягко шли с неба белые хлопья, ей казалось, что так бывает лишь в волшебной сказке. С подарками, праздничным столом.

И, конечно, Дедом Морозом.

И вот Дед Мороз прилетел. А вернее – Санта-Клаус. Вон: лежат его «подарки».

Она стала собирать сброшенные снова листовки с воззваниями: «Русские! Сдавайтесь! Ваше лицемерное Правительство, призывавшее вас пожертвовать своими жизнями для его спасения, уничтожено в своём бункере! Вашей Армии больше нет, и помощи вам ждать неоткуда! Мы взорвали все ваши военные и продовольственные склады и…».

Ей и её крохотной семье листовки очень даже помогали: бумагой (Высушенной, конечно!) удобно было растапливать

крошечный костерок между четырёх кирпичей, чтобы поставить котёл с набранным наверху снегом – растопить воды для питья, и готовки. И стирки.

Вот только мать говорила, что, наверное, эту воду пить нельзя – она всё ещё с радиоактивной пылью… Опасна. От неё можно умереть.

Но гораздо быстрее можно умереть от жажды! А другой воды в разбомблённом городе не осталось.

Она положила пачку собранных листков у люка, придавила обломком кирпича. Снова внимательно огляделась. Нет – никого. Хотя всё равно в такую погоду её никто не сможет заметить: видимость за пеленой огромных хлопьев не превышает ста шагов.

Она принялась набирать в котелок из ямки, которую постепенно расширяла во все стороны уже несколько дней, снега, выглядевшего менее грязным, чем тот, что лежал в нижнем слое, перемешанный с копотью, пылью, и кирпичной крошкой.

Много времени это не заняло. Снега теперь много везде. В низинах, куда его сдувает ветер, сугробы достигают её роста. И ещё на снегу отлично видны все следы. Вот: вчера приходила бродячая собака, долго обнюхивала вход в их логово. Затем всё же ушла… Жаль.

Приманку, которую она оставила в капкане, собака не взяла. Видать, учёная. Ладно, у них ещё осталось две ноги от прошлой. Сегодня можно попробовать сварить.

Впрочем – нет. Сварить не удастся. Дров осталось только на три костра. Это – ещё три стирки. Так что придётся опять есть сырое мороженное мясо. Когда оно похрустывает кристаллами льда на зубах, почти не заметно, что оно сырое.

– Дорис! Дорис! – донёсся вдруг из гулкой глубины тоннеля голос Стаса.

Нехорошее предчувствие сделало ноги совсем ватными. Но идти внутрь всё равно надо. Она уже чуяла, что то, что уже давно должно было случиться, наконец, случилось.

Стас совсем не плакал, как она того опасалась.

Вместо этого он всё время что-то глотал, неуклюже дёргая вперёд головой на тощей, словно у ощипанного цыплёнка, шее, так, что остренький кадык так и ходил вверх-вниз, и больно сжимая каждый раз её руку в своей ладошке.

– Давай перенесём её на ледник – там она не… – она хотела сказать – не испортится, но язык не повернулся, – Там ей будет лучше. И нам тоже.

Так, вдвоём, она – за плечи, он – за ноги, они и перетащили почти ничего не весящее худое тело в соседнюю комнату, где из чудом сохранившейся не забитой трубы вентиляции поступал воздух снаружи. Сколько градусов там было, она не знала, но куски мяса, оставшиеся от первой и второй собак, промёрзли насквозь.

Мать они разместили прямо под отверстием трубы. Дорис сама закрыла ей глаза, и сложила руки на груди. Стас, увидев

это, вдруг закричал, дико, неистово, и, прижавшись к груди – вернее, животу – сестры лицом, зарыдал, наконец, в голос, вздрагивая всем костлявым тельцем.

У Дорис слёз не было. Она просто стояла, крепко обхватив брата руками, и гладя чёрной от глубоко въевшейся грязи и копоти ладонью по спутанным и шершавым от всё той же грязи, волосам.

Затем, завесив все три занавеса ледника поплотней, они вернулись в свою каморку.

Если бы не то, что мать в своё время работала в этом театре артисткой, и не водила детей, которых вечно не на кого было оставить, с собой почти каждый день, они, наверное, не знали бы так великолепно всех его подвалов и тёмных закутков… И уже умерли бы. Как умерли все остальные «гражданские» в городе. Жители.

А вот какие-то чудом где-то уцелевшие воинские подразделения, судя по всему, ещё сражались – иначе им не скидывали бы листовки. Хотя она не слыхала выстрелов зениток или рёва ракет «воздух-воздух» уже с… Да, с ноября. А сейчас, если она правильно помнит, и не врут палочки на кирпичной стене, декабрь. Конец декабря.

Новый год.

И у них появился «Новогодний Подарок». Который им завещали.

Согласно завещанию матери они и поступили.

Мясо с тела доели к марту.

За это время ей удалось подстрелить только одну собаку.

А в апреле умер Стас. Перед смертью он долго мучился резью в животе. Дорис даже думала, что есть его может быть опасно. Но деваться было некуда.

Теперь голову её заполняла пустота.

Нет! Не пустота!

Там острой занозой сидела только одна мысль: во что бы то ни стало она должна выжить! И отомстить. Отомстить…

Листовки, которые снова стали разбрасывать с самолётов, теперь обещали помощь и еду. Тем, кто сдастся.

Она вяло поудивлялась – похоже, кто-то ещё может сопротивляться…

Впрочем, эмоций она теперь не испытывала совсем. Все обычные чувства, кроме ненависти, грызущей душу в тысячи раз острей даже вечно сосущего желудок голода, словно атрофировались.

В мае с патрульных кораблей стали сбрасывать поисковых роботов «Свордс». Во всяком случае, так гласили сделанные по трафарету надписи на их бортах. Научиться прятаться от детекторов движения, и похожих на неправдоподобно большие цветы, анализаторов запахов этих глупых и неповоротливых роботов, оказалось нетрудно. Она чудом удержалась, чтоб не расстрелять из обреза первого – понимала, что тут же её и засекут!

Снег в это лето так и не растаял. Наверное, потому, что

свинцовые тучи всё не уходили с неба, превращая даже день в сумрачный не то рассвет, не то закат.

Счет времени она потеряла, поскольку сидя неподвижно в своей каморке иногда забывала процарапать на стене очередную риску: прошедший день.

Где-то в июле её нашли прочёсывавшие район американские пехотинцы, действовавшие по старинке – с поисковыми собаками. Собачки – не роботы. Их-то не обманешь…

На том месте, где её достают из дальнего угла закопчённой каморки крепкие, до тошноты чистые руки, а она отчаянно визжит, и пытается перекусать всё и всех, до чего и до кого может дотянуться оставшимися во рту зубами, она обычно и просыпалась…

5.Расплата

До Вашингтона решили добираться на байках.

Во-первых, обычные пути междугороднего сообщения, даже с поддельными документами от их Конторы, слишком рискованны – это признал даже Макс. Потому что если служащих-людей и можно обмануть гримом, париком и накладными усами, то распознающие компьютерные системы вездесущих видеокамер – никак.

Во-вторых, хоть долго, зато скрытно – никто не отследит. Разве что со спутника. Да и то – вряд ли, поскольку от телефонов «Конторы» отделались, новые просто купив. А байки не оборудуются чипами для слежения.

Ну и в-третьих, в седельных и багажных сумках и отсеках можно было свободно провезти весь жутковатый арсенал, добытый Дик и Максом из запасов конспиративной квартиры и оружейного сейфа штаб-квартиры.

Увидев все эти смертоносные блестящие, черные, или закамуфлированные защитной окраской железяки, Дайана испугалась. За Макса. Вдруг им придётся отстреливаться, а в них будут палить из чего-то… такого же! Б-р-р!..

Ехали по карте. Где было можно – срез*а*ли углы по воздуху: включать поле стасиса байкеры не стеснялись: им вполне официально оснащены все, кому это по средствам.

Хотя поле убирало большую часть встречного потока, все же кое-что оставалось: Дайана с непривычки к ветру слегка охрипла. Пришлось в каком-то придорожном магазинчике купить ей первые попавшиеся кожаные джинсы, оказавшиеся великоватыми. И к тому же противно скрипевшие. Зато после этого стало теплее, конечно.

Но к вечеру, когда решили наконец остановиться, с байка её пришлось буквально снимать: тело закостенело, словно чужое. Да и трусики пришлось срочно переодеть – те, что были на ней, промокли с непривычки от пота – хоть выжимай!

Ночевали в мотеле «У Георга». Ничем живописным, кроме огромной свалки старых покрышек на заднем дворе, и двух мусорных баков, в которых после того, как стемнело, рылись, не стесняясь, не то еноты, не то – барсуки, мотель похвастать не мог. Да и ладно: не за «скромными и простыми красотами американской глубинки» они едут.

Мотель выбрал Майлз – он уже бывал здесь. Правда, подробности поведать отказался. Дик, справедливо посчитавшая, что что-то здесь нечисто, вынудила своего «молодожёна» признаться, что – да, он выполнял *то* задание – с другой.

– Но люблю я на самом деле только тебя! – на это храброе заявление Дик только сердито рыкнула, оскалив остренькие ровные зубы, а Максим и Дайана сдержано похихикали. Майлз однако не смутился – скорее, наоборот. Явно гордился тем «заданием»…

Часов в восемь, поев всей той снеди, что прикупили в небольшом придорожном кафе, надумали поговорить. План «поедем в Вашингтон, и там на месте решим, кого убить», казался уж слишком… Неконкретным. Расплывчатым, как выразилась Дик.

– Раз уж полковник в Вашингтон прилетел на нашей вертушке, единственное место, где он мог приземлиться – аэродром базы Норт-Ривер. Ей командует полковник Мэтью Тэмплрей. Я видал его один раз. – Майлз поднял глаза от пола, где рассматривал то ли свои давно не чищенные армейские полусапоги, то ли – щели в полу между стёртыми и выкрошившимися пластинами ламината, – Вредный и скрытный тип. Педант. Ну, с виду. А так – не знаю, может, он отличный семьянин и заботливый командир…

– Это не радует. – Макс говорил спокойно, словно на планёрке. Как-то так получилось, что все обращались к нему, как к командиру, хотя так могла поступать только Дайана, а у Майлза и Дик было то же звание, – Допрашивать полковника базы ВВС будет глупо. Может… Кто-то знает *не* лобовой подход?

– Это – какой же? – Дайана, кажется, поняла мысль, но хотела убедиться.

– Ну, например, через родственников. Скажем, частным образом. Например, через братьев-сестёр-родителей жены. Не для служебного, а для обычного, так сказать, межчеловеческого, общения.

– Я… Как мне кажется, могу попробовать.

Глаза всех с нескрываемым удивлением уставились на Дайану, и она поторопилась продолжить:

– Ну… Я знаю одну девочку из нашего дома, и у неё есть мать. Эта мать – двоюродная сестра жены этого самого полковника. Фамилия тёти Белинды теперь Тэмплрей, это точно. А была – Жильбер. В девичестве. Черри как-то мне говорила, что у них до сих пор нет детей – и приводила её в пример… Ну, что у них дом – полная чаша, а толку!..

Максим остановил руку на полпути к затылку. Сказал только:

– Если это – правда, похоже, сам Бог хочет, чтобы мы пошли этим путём. А… Ты сможешь позвонить ей? Ну, твоей подруге?

– Конечно. Сколько сейчас времени?

– Восемь сорок одна.

– Отлично. Примерно через полчаса она закончит, вымоется, переоденется. И пойдёт домой. Ну, в-смысле, закончит свои «Развивающие стратагическое мышление» игры. Так что если я позвоню ей в… девять двадцать, мы сможем поговорить. Надеюсь.

– Это отлично. Просто отлично. Слишком, правда, чудесно, чтобы быть правдой, но… Я как-то слышал об одном исследовании. Там предлагали найти кратчайшую цепочку знакомств – от человека к человеку… Так вот: даже между совершенно чужими и незнакомыми людьми одного Уровня

такая цепь знакомых не превышала трёх-пяти звеньев. Ну, то есть людей, которые знали их знакомых, а те – других знакомых, которые могли бы знать соседей, или имели ту же профессию, и так далее… – Майлз откинулся на спинку кресла, и покачал головой, – Почему бы это?

– Это-то как раз просто, – отозвалась Дик, хмурившая брови, – Люди у нас. – она тоном подчеркнула последнее слово, – как бы поделены Уровнями на замкнутые, почти изолированные, касты. И стараются так внутри одного клана, одного Уровня, касты, и общаться. И *очень* редко пересекаются с людьми других Уровней… Наверное, Правительство сделало это сознательно. «Разделяй и властвуй» – древний Рим.

Так что число людей в таких замкнутых «общностях» на самом деле очень ограничено. Конечно, почти все друг друга знают. Даже в крупном городе. Уж коллег по работе – точно. Так что нам нужно сказать спасибо Дайане, что смогла… Завести дружбу с девушкой с *другого* Уровня.

– Ну, как дружбу… – Дайана потупилась, – Так: «Здравствуй, как дела, до свиданья». Но позвонить я ей, наверное, смогу. Думаю, она даже захочет помочь нам. Ну, вернее, мне, – поправилась она, после отрицательного качания головы Макса, – Из любопытства. Типа, что же будет дальше?

– Тоже неплохо. Будем считать, что она решит помочь. – Макс улыбнулся ей, – Тогда нам срочно нужно придумать, что тебе сказать ей, чтобы она сказала это своей матери, а та – в свою очередь, своей двоюродной сестре. А уж та – своему

полковнику.

– Да… Наверное, не нужно упоминать, что вы – Агенты?..

– Вот уж точно. (Да глядя на нас сейчас, в этом прикиде, такого никто и не подумает.) Но в любом случае – лучше, чтоб твоя подруга видела только тебя. А давить нужно на то, что у нас пропал родственник… Скажем, твой, Дик, отец!

Дик только хмыкнула, пожав плечами. Но возражать не стала. Отец – так отец.

– Черри! Здравствуй! Не отвлекаю? – Дайана по жестам руки, поправлявшей причёску, и раскрасневшемуся лицу подруги поняла, что та только что целовалась, – Ой! Извини!

– Да ничего… Всё в порядке. – Черри тоже поняла, что Дайана «вычислила» её, и весело рассмеялась, – Я как раз собиралась отдышаться!.. – видно было, как рука подруги кого-то сердито шлёпнула, – Как дела?

– Дела… Не очень. Я вот по этому поводу и звоню. Мне… Я сама уже всё перепробовала, но ничего не получается! Может быть, ты захочешь мне помочь? – Дайана постаралась придать себе самый жалобный вид, какой смогла.

Черри, уже не улыбаясь, всмотрелась в крохотный экранчик:

– Да что с тобой, Дайана? Ты… Странно одета, и бледная какая-то… Рассказывай!

– Черри… Прости, что обращаюсь к тебе. Но обратиться-то больше не к кому! Понимаешь, для девочки *моего*

Уровня, да ещё и не имеющей никаких связей и родственников, что-то узнать очень… Сложно! А у нас – огромная проблема. Беда.

Дайана увидела, как Черри на секунду глянула куда-то в сторону, очевидно что-то сердитое успев сказать своему Биллу, и повела рукой, словно отстраняя его, после чего повернулась и приблизила лицо к камере своего айфона:

– Что за беда? Говори. Я… постараюсь помочь, чем смогу.

– Спасибо, Черри! – Дайана выдавила из уголка глаза даже настоящую слезу, – У моего парня есть двоюродная сестра. У неё пропал отец. Он – полковник какого-то секретного Агентства. Он полетел в Вашингтон и пропал! Мы все… Очень волнуемся – его телефон не отвечает, а в полиции ничего не хотят делать… Словом, не можем найти!

– Погоди-ка… Я что-то не пойму. Как же *я* тут могу помочь?!

– О, очень просто! Отец этой девушки полетел в Вашингтон на служебном вертолёте, и его доставили на аэродром базы Норт-Ривер. Там командир – полковник Тэмплрей. А я вроде, слышала, что у твоей матери есть двоюродная сестра, тётя Белинда, которая замужем за этим самым Тэмплреем…

– Точно! – глаза Черри сверкнули пониманием, – Ну так бы сразу и сказала! Я могу даже сама позвонить тёте Белинде! Она запросто узнает у мужа, куда он девал вашего полковника! – Черри улыбалась уже с облегчением. Действительно, помочь подруге, оказывается, просто! Тем более, она

– любимая племянница тёти Белинды!

– Черри, спасибо тебе, ты такая добрая… – Дайана сморгнула. Её действительно тронула готовность подруги помочь. А попробовала бы она попросить чего-нибудь такого Рози или Ольгу!.. Уж те бы повыпендривались от души, набивая себе цену!.. – Спасибо!

– Подожди-ка, Дайана. – Черри сразу прочувствовала двусмысленность ситуации. – А выясняя, куда делся этот ваш полковник, я… никаких Государственных Секретов или, скажем, тайных Операций, не задену?

– Надеюсь, что нет. Ведь наш полковник ничего запрещённого, или тайного, вроде, и не делал. Обычная работа. Обычный полёт. Сдача какого-то там полугодового Отчёта…

– Ладно, уговорила. Только для тебя! Перезвоню через… Минут десять!

– Ой, спасибо, Черри! Я… Я так… Спасибо!

Однако ждать пришлось и десять минут, и ещё десять, и ещё…

Только в половине одиннадцатого раздался долгожданный звонок.

Макс включил свой сложный и дорогой новый аппарат, и передал Дайане. Та с замиранием сердца уставилась в экран, ожидая, когда появится лицо подруги.

– Привет, Дайана! – судя по настроению, Черри только что оторвалась от очередного поцелуя, – Извини, что немного

поздно. Меня тут… отвлекали. – она взвизгнула, похоже, сама получив по мягкому месту, что отдалось звонким шлепком, что-то буркнула в сторону, и сразу одёрнула платье, – Я всё узнала!

Дайана подалась ближе к экрану, сглотнув, и не сдержав возглас радости.

– Так вот, ваш полковник действительно к мужу тётки прилетел. Правда, как тётя поняла из разговора с мужем, он появился там, у него, в первый раз. А что больше всего дядю Мэтью поразило, так это то, что полковник вызвал себе туда такси. Да-да, такси, – поспешила кивнуть Черри, увидев приоткрывшийся в вопросе рот Дайаны, – Поэтому дядя подумал, что полковник решил нанести кому-то… «Частный визит». То есть – не по службе. Хотя… Как дядя Мэтью сказал, ни про какие «связи на стороне» вашего полковника никто никогда, вроде, не слышал, но… Но, как говорится, «в тихом омуте…»

Так что очень жаль сестру твоего парня, но, похоже, здесь какие-то личные дела. Может, он поссорился с её матерью, может, нашёл кого помоложе… Ну, тут уж я ничем…

– Ой, спасибо, Черри! Слава Богу, что он хоть долетел, и жив! Ну а насчёт женщины… Даже не знаю! Всё может быть… – Дайана похлопала большими глазами, словно сожалея о том, что чужой муж, кажется, решил завести интрижку на стороне, – Спасибо ещё раз! Если смогу когда-нибудь что-нибудь для тебя сделать – я всегда!.. Сама знаешь!

– Хорошо. Когда в следующий раз нужно будет объяснять маме, почему у меня все губы распухли, я свалю всё на тебя!

– Черри!.. – глаза Дайаны сами собой расширились просто до опасных пределов, брови приподнялись, и лицо залилось краской!

– Ха-ха-ха! Купилась! – Черри, показав пальцем, весело закатилась. Дайана не могла не рассмеяться вместе с Черри: та здорово её подловила, – Ладно, всегда рада помочь! Ну, счастливо!

– Счастливо! Привет Биллу!

– Да ему не привет, а тумака надо бы передать! – Черри опять кого-то треснула ладошкой, после чего снова взвизгнула: видать, опять досталось сдачи по мягким местам! После этого подруга поспешила закруглиться, очевидно, чтоб уж достойно наказать «обидчика»:

– Будь счастлива!

– Будь счастлива! – Дайана отдала погасший аппарат Максу.

Затянувшуюся паузу нарушила Дик:

– Не было у полковника Кларксона никакой жены. И детей. И «внебрачных связей». Значит, остаётся только искать через таксиста.

Майлз, потрогав всё ещё забинтованную голову, буркнул:

– Уже один только вызов такси о многом говорит…

Максим подвёл итог:

– Согласен. Плохо наше дело. Бедный полковник.

К Вашингтону подъехали вечером третьего дня, уже в сумерках.

Однако это ничего не значило: таксопарки работают круглые сутки, и компьютерные базы данных всегда в распоряжении диспетчеров – именно эти данные должны быть всегда в распоряжении Службы городского транспорта.

Поскольку не только Служба Безопасности, но и обычная полиция постоянно пользуется. Но чтобы можно было идти в контору таксопарка так, чтобы не вызвать подозрений, пришлось снять два номера в гостинице на новые имена Максима и Дик: для приведения себя в «порядок», как выразилась боевая подруга Майлза. (Заодно Дайана узнала, что та теперь носит экзотическую фамилию Масегюр. А сама она стала три дня назад Корой Куральт. Как раз к сегодняшнему дню запомнила наконец, как пишется.)

В своём номере мужчины переоделись в строгие чёрные костюмы, и Дик придирчиво осмотрела обеих, поправив галстуки, и спрятав поглубже кобуры. А ничего, вид получился что надо: солидный и внушающий доверие и… Почтение.

Затем девушки пошли «осваивать» свою комнату. Едва закрыли наружную дверь, обе не сговариваясь скинули верхнюю одежду и обувь, и завалились сразу на постели – буквально с ног падали от двенадцатичасовой тряски.

Дик буркнула:

– Даже в баре на Нулевом мне наваляли поменьше… Всю

задницу отбила. Даром, что, как говорит Майлз, она – тощая и жилистая…

Дайана, не в силах сдержать нервную дрожь, спросила:

– Им обязательно идти вдвоём? С нами никто не останется?

– Да не бойся ты! Если что – я смогу тебя защитить.

– Да защититься-то я и сама… Просто странно получается с вашим полковником…

А не могут враги именно *вашего* Агенства пытаться выловить и убить всех его коллег и сотрудников? Тогда нам может быть опасно разделяться.

– Знаешь, для четырнадцатилетней ты очень даже неплохо… – Дайана чуть поморщилась – опять ей тычут в нос возрастом. А ей через два месяца – пятнадцать! – Стратегически мыслишь. Но – нет. Если бы конкуренты за бюджетные средства, или проще говоря – враги, как ты «тонко» намекнула, нашего Агенства хотели просто убить всех наших – послали бы в нашу региональную Контору группу захвата. Или – подразделение «Гамма». Эти уже никого не «захватывают», а просто на месте убивают. С гарантией. Единственное, что создаёт неудобства – после них всегда море кровищи и прочих следов…

– Но Макс говорил, что…

– Что убили майора и лейтенанта? Да, убили. Но целью точно были лишь бумаги из сейфа. Значит, кто-то был уверен, что больше никто из сотрудников не в курсе… Чего-то

серьёзного и опасного. Того, что, как мы теперь думаем, раскопал и – главное! – домыслил полковник, – она постучала пальцем себе по голове, – и, в принципе, остальных можно и не трогать. Поскольку они так и так – не при делах.

– Значит, пока нам ничего не грозит?

– Думаю, пока не очень. Да и нашим ушедшим на «спецзадание» «боевым партнёрам» тоже. Тем более, бинты уже и с Майлза мы сняли, а в приличных костюмах, да с такими удостоверениями, их в таксопарке сразу зауважают. Особенно с пушками под пиджаками. Которые прекрасно заметно, хоть снаружи и не видно.

– А чего же мы тогда так, так… прятались?!

– Ну, это, скорее, автоматизм… «Всобаченные» при обучении, и вошедшие, так сказать в кровь, перешедшие почти в инстинктивные, навыки. Да и компьютерную систему, занимающуюся терроризмом, нужно было обмануть. Знаешь, есть такая Программа – она самостоятельно отслеживает несанкционированные, или «странные» передвижения всех граждан… (Вот, кстати: хорошо, что мы наши идентификаторы запихали в металлическую коробочку: все какая-никакая, а – гарантия. От этого самого отслеживания.) И если что – «стучит» на таких начальству. Притом – не только нашей ФСБ. Но мы же – подстраховались. Вычислить не должны. Так что расслабься и спи. Я покараулю до их прихода.

То, что рука Дик во время этого разговора лежала рядом с короткоствольным автоматом с глушителем, говорило Дайа-

не, что Дик предпочитает, несмотря на все только что высказанные аргументы, действовать по принципу «бережённого Бог бережёт».

Поэтому Дайана села на кровати, и сказала:

– Можешь дать мне… ну, так – на всякий случай! – пистолет с глушителем, и научить пользоваться? Ну, для того, чтобы я уж совсем спокойно… Спала. С ним в руке.

Брови Дик приподнялись так, что огромные глаза стало отлично видно. (А она – очень красива – отметила Дайана. Не слюняво-приторной красотой, как расфуфыренные девицы из телешоу, а настоящей: грозной, и наполненной внутренней силой!) Затем тонкогубый рот Агента Дик растянулся в усмешке:

– Конечно! Мало того: «на всякий случай» я тебе и пару магазинов дам, и перезаряжать научу!

Странно: хотя до этого Дайана не держала настоящего боевого оружия, с тяжёлой гранённой рукоятью в ладони она действительно уснула быстро!

Дик оказалась права: служебные удостоверения и собранно-деловой вид сработали.

Не прошло и нескольких минут, как дежурный диспетчер уже вносил в кабинет директора таксопарка распечатку с заказом, произведённым из базы Норт-Ривер.

Макс бросил на неё только беглый взгляд, после чего передал Майлзу. Тот, подчёркнуто спокойно, сложил листок, и

спрятал в карман. Максим подвёл итог:

– Мистер Розитски. Надеюсь, вы понимаете, что разговор с кем-либо о нашей встрече может иметь для вас самые…

– Да-да! Конечно. – директор, во время беседы то потевший, то покрывавшийся красными пятнами, хотя волноваться, собственно, особых причин не было – похоже, это именно тон и вид Агентов так на него подействовали! – снова провёл серым скомканным носовым платком по трясущимся пухлым щекам и шее. – Я всё понимаю! Не беспокойтесь: мне неприятности не нужны!

Макс и Майлз вышли.

– Повезло нам. В первом же таксопарке нашли наш заказ. – Майлз, словно всё ещё не веря в удачу, покачал головой. Макс хмыкнул, но промолчал. Майлз однако продолжил:

– С другой стороны – ещё бы не повезло. Ты так сверлил его глазом, что он, думаю, нашел бы наш заказ, даже если б тот был в соседнем автопарке.

Макс скривился, как от зубной боли:

– Неправда. Я очень… мягко на него смотрел. Доброжелательно. А вовсе не запугивал.

– Ну, если это – доброжелательно, то я – испанский бегемот.

– А почему – именно – испанский?

– Их в природе не водится.

Только когда они завернули за угол дома в соседнем квар-

тале, Максим ответил серьезно:

– По-другому быть и правда – не могло. Этот таксопарк самый большой. И находится всего в пяти милях от Базы. Так что спасибо гостиничному справочнику. И карте.

– Да уж. Впрочем, спасибо и нашим «дедукционным» способностям. Ты сразу сказал, что поехать полковник мог только в Белый Дом. И вот здесь у нас, похоже, и начинаются настоящие сложности.

– Это ещё слабо сказано. Всё-таки, там – охрана самог*о* Президента.

– А-а, ерунда! Ворвёмся, словно ужас, летящий на крыльях ночи! Как торнадо, срывающий крыши с домов и одежду с красивых женщин!.. И всех покрошим в мелкую труху из наших безотказных… – теперь, когда их никто не видел, Майлз поднял руку, завидев зелёный огонёк. Такси сразу направилось к ним.

– А ты, я смотрю, поэт… Жаль только, что этот вариант придётся оставить на самый *крайний* случай – в твоём изложении он звучит, почти как древняя сага. Вроде «Властелина колец». А мы, типа, малыши-гномы, которые храбро идут напролом, чтобы одолеть грозного Смауга.

– Ага. Именно дракона. И именно – сага. И в конце нас причисляют к лику Героев. – Майлз выругался.

– Лишь бы – не посмертно. – Макс, наконец, усевшись, назвал таксисту адрес.

Хоть он и был уверен, что за ними никто не следит, да и

приборы показывали то же самое, место высадки находилось в двух кварталах от гостиницы. Ничего – пешие прогулки по свежему воздуху очень им сейчас полезны.

«Просветляют» мозги.

Лёгкий стук в дверь Дайану не разбудил.

А вот даже от шёпота любимого она проснулась сразу.

Максим констатировал:

– Я смотрю, вы тут времени не теряли! Дайана уже с пушкой! А у тебя вообще два УЗИ! Мы ожидаем вторжения?

– Нет. Мы ожидаем вас. А если бы ждали вторжения – достали бы из сумки базуку.

– Приятно. Приятно, когда все – готовы ко всему! – Майлз поспешил присесть на кровать к Дик, и приобнять её. – И у нас хорошие новости. Полковник нашёлся.

– То есть, как – нашёлся?!

– Ну, то есть, он не совсем, конечно, нашёлся… Но мы хоть знаем, где теряется его след!

Дик нахмурилась:

– Чёрт! Всё настолько плохо?

– Смотри-ка… – Майлз казался удивлённым, – А как ты узнала?

– Если бы были хоть минимальные шансы справиться самим, ты бы не улыбался, как верблюд, нажравшийся попкорна. Белый Дом?

– Да. – Макс, сохранявший сосредоточенное выражение,

подсел на кровать к Дайане, – Такси доставило полковника прямо ко входу. Расплатился он наличными. То есть – действовал как частное лицо. Хотя и был в форме.

– И… что нам теперь делать? – Дайана, взяв руку Макса в свою, принялась её теребить и поглаживать. Макс… Отреагировал, судя по движению в брючине.

– В первую очередь нужно выспаться. Да и думается лучше на свежую голову. Так что предлагаю разойтись по номерам, и… Отдохнуть!

– Тебе легко говорить, – проворчал Майлз, – а у меня после махаловки в чёртовом баре до сих пор в паху ощущается синяк от ножки стола… Или это был ботинок?

– Ладно, спи уж, тоже мне, герой-любовник выискался! Джеймс Бонд из тебя аховый – даже нету «неповторимого шарма»! – Дик потрепала Майлза по тому месту, где, якобы, ещё сохранился синяк, – А поспать точно не помешает. Вы пойдёте к тебе?

Макс кивнул:

– Да. Где сумка с остальным… Оборудованием?

– Вон там, под кроватью. Эй-эй, полегче! Там одной только взрывчатки хватит на весь Белый Дом!

– Вот именно. Об этом я как раз и думаю… – Макс с тяжёлой и объёмистой сумкой направился к двери, Дайана, быстро нацепившая халат из шкафа, двинулась за ним.

– Взорвать весь Белый Дом?! А что – разумное предложение! Чего уж нам мелочиться! Сразу грохнуть *всех* этих мер-

завцев – вот тоже выискались прыщи на ровной заднице! – а разбираться будем потом: кто-нибудь, глядишь, и окажется «нашим» клиентом!

– Смешно. Мы же, вроде, ещё неделю назад работали на это самое чёртово Правительство. А сейчас собираемся всех их – к такой-то матери!.. – в голосе Майлза, правда, весёлости не ощущалось.

– Ну, зачем же сразу – всех! Нет, я тут кое-что наметил… – Макс загадочно ухмыльнулся, – Взорвать-то точно придётся. Но, конечно, не Белый Дом! Раздавив орех, ядра не извлечёшь! А нам нужны ответы.

В номере Дайана в первую очередь занялась кроватью: стащила с неё покрывало, и забралась на постель сама. Макс, посмотрев на неё, на кровать, и на дверь ванной. Вздохнул. Прошел туда и включил воду. Затем принялся раздеваться, крикнув:

– И тебе советую. Лучше будет спаться. Смоешь пот, промассируешь мышцы от дорожной тряски…

– Я такая покладистая… Особенно когда приглашает мужчина моей мечты! – она уже нарисовалась в проёме, халатика почему-то на ней уже не было.

Макс несколько опешил, замерев с одной спущенной брючиной. Впрочем, он быстро взял себя в руки:

– Ладно, полезли.

Воду Дайана отрегулировала сама: дома ей такое блажен-

ство было недоступно. А тут – горячие упругие струи бьют прямо в те места, которые захочешь подставить им…

Правда, после того, как они с Максом протёрли друг другу спины чуть не до дыр, и перешли с мочалками на переднюю часть тел, мочалки вскоре попадали на дно ванны, похожей, скорее, на бассейн: в такой они бы свободно могли расположиться лежа. Причем – вдвоём. Вот когда Дайана заценила, что Макс и Дик заказали два люкса. (Документы, впрочем, хоть и сверкали новизной, казались подлинными. У клерка сомнений не вызвали, да и кредитки без проблем выдали нужную сумму.) А что, как невесело пошутила Дик, «деньги-то казённые»!

Руки Макса очень Дайану возбуждали. Особенно тем, что они, такие мускулистые и загорелые, могли действовать так нежно… Да и тело его, не изуродованное, как у Джефа, дебильными татуировками, казалось чертовски сексуальным! А уж то, что находилось между ног, и сейчас под её игривыми пальчиками воспряло к жизни!..

На этот раз он развернул её лицом к кафельной стенке.

Когда его красноголовый воин проник за стены крепости, охраняемые не слишком-то и сопротивлявшимся гарнизоном, Дайана застонала. Потом стоны стали чаще. Макс усилил напор, всё убыстряя темп. Дайана поняла, что сдержаться бы надо – вдруг кто услышит! – но – не смогла! Закричала, откинув голову…

Макс зарычал. Тело его сотрясалось в экстазе. Дайана вы-

гнула спину, присоединив свои всхлипы и судороги к его.

Обессиленные, они чуть отвалились друг от друга. Дайана, выдохнув, вновь взяла мочалку. Макс не сопротивлялся, когда его особо отличившиеся части тела вновь намылили и привели в порядок.

– Знаешь, я начинаю думать, что мы «созданы друг для друга»!

– Ты, свинья небритая! У тебя ещё были сомнения?! Я-то это поняла, когда только увидала тебя там. В баре… А вот подойти боялась – думала, Дик может меня побить!

– Ага. Так вот почему ты ждала три дня…

– Ну да, – она выключила воду, и принялась вытираться роскошным банным полотенцем отеля, – я просто не знаю, что делала бы, если б вы всё время ходили вместе!..

– Зато я знаю. Ты бы подкараулила нас в тёмном переулке, и наваляла бы и Майлзу и его боевой подруге. А меня бы взяла в плен… Впрочем, в плен ты меня и так взяла.

Дайана, уже в халате, приблизилась, и положила ладошки на упругие бицепсы:

– Дурачок! Это я не в плен тебя взяла! А отдалась на милость победителя!..

Достойно ответить Максу не удалось – трудно разговаривать, когда рот запечатан поцелуем. Да ещё таким нежным и страстным!

– А теперь, мой хозяин, мой… Рабовладелец, мой Господин – идём-ка на постель! Майлз советовал нам выспаться.

Особенно, если завтра действительно предстоит штурм Белого Дома!

Максим не без удивления отметил, что в её голосе совсем нет никакой иронии. То есть, она на полном серьёзе верит, что если не найдётся других способов, им придётся идти напролом. И это её нисколько не пугает.

Плохо. Нельзя позволить чувствам возобладать над рассудком! Он-то точно не может себе этого позволить! Хотя бы потому, что на нём лежит ответственность за их жизни – Майлза, Дик. Дайаны…

Дайана.

Уже когда она спала, доверчиво прижавшись спиной и прелестными округлостями к его паху, и трогательно посапывая, Макс позволил себе тяжко вздохнуть.

Баран!

В какую передрягу он втравил невинную наивную девочку, готовую слепо идти за ним – вон, хоть на штурм бастиона Главнейших Государственных Бюрократов!

Единственное, что хоть чуть-чуть успокаивает – то, что в её головке теперь нет этого страшного устройства, которое могло бы лишить его этой… Впрочем, если бы устройства осталось – умерли бы, скорее всего, они все.

А ещё он чувствовал, что готов зубами и ногтями разорвать тех, кто попытается причинить вред этой малышке.

Влюбился. Влюбился чёртов «умный», тренированный, и обученный всяческому «контролю», что ситуаций, что эмо-

ций, спецагент. По самые уши…

Ну точно – баран!

На приём записаться удалось только на сентябрь месяц. Поэтому привели в действие «План Б». То есть – пошли на экскурсию. Эта архаично-помпезная, и предназначенная скорее, для развешивающих уши и мозги, и вылуплявших (Ну – как же! Оплот Демократии и Гениальности – и *так* доступен и близок к Народу!!!) глаза, школьников, традиция, ещё каким-то чудом сохранялась. Ну так – «Статус!» Самая свободная Страна!..

– Слушай, а тебе тоже отлично в «деловой» юбке! – вертевшаяся перед большим зеркалом Дайана бросала взгляды и на Дик, без всякого стеснения одевавшуюся рядом.

– Если бы такое брякнул мой любимый, я бы его по стенке размазала. – Дик сердито зыркнула на «любимого», сидевшего, как и Макс, на стульях рядом, и нетерпеливо постукивавшего кончиком лакированного чёрного ботинка, ожидая, пока дамы приведут себя «в боевую готовность», – Но ты, похоже, говоришь правду. Значит, не всё ещё потеряно.

– В смысле?..

– В смысле, со временем, может быть, я смогу стать как все. Нормальной бизнес-леди. Ну, или уж домохозяйкой.

Майлз с Максимом переглянулись. Майлз подозрительно побулькал – на б*о*льшее не отважился, потому что перед ним с руками, упёртыми в боки, встала его «любимая». Поспе-

шил серьёзнейшим тоном подтвердить:

– А что, очень даже станешь. Особенно, если считать это – тоже за опасную миссию! Опасную для жизни. Я имею в виду – жизни твоего «домохозяина».

– Ага. Боюсь только, что она станет не только опасной, но и крайне утомительной. Потому что детей мне надо много. Да и нравится мне сам процесс. Их изготовления. – она усмехнулась. Майлз поморгал.

– Ладно, мы готовы. – Дик придирчиво осмотрела вновь накрашенное лицо Дайаны, а та – её, и удовлетворённо кивнула, – А хороши мы. Так что …ер кто чего заподозрит.

– Отлично, поехали. Пока в «мордоисказителях» батарейки не сдохли. – Макс, похоже, передразнивая девочек, поправил галстук Майлзу, а тот – ему. После чего Майлз показал язык Дик. Увернулся он от затрещины «любимый» только чудом.

Небольшой по размеру особняк в «колониальном стиле» на Дайану произвёл должное впечатление. Всё-таки не каждый день находишься буквально в двух шагах от Президента Страны! Да ещё будучи «начиненной» столь сложной аппаратурой, что искажает изображение даже в бдительных видеокамерах с их мудрыми Программами распознавания… Не мешая, впрочем, «нормальным», человеческим, взглядам.

Рабочие комнатки оказались маленькие, но уютные. Ста-

ринная мебель отлично сохранилась – а молодцы местный персонал. Умеют ухаживать! И полировочной пастой с настоящим воском пахнет, и накрахмаленными скатертями и простынями. Лимоном…

С другой стороны – так и должно быть.

Дом, где живёт глава самой могучей в мире Страны, именно таким и должен выглядеть: консервативным, солидным… Удобным. И уютным. Словом – Оплотом!..

Поэтому пока Майлз, Дик и Макс внимательно приглядывались и, пытаясь выглядеть вяло заинтересованными, выявляли скрытые видеокамеры и охранные системы, она просто… Наслаждалась экскурсией, внимательно прислушиваясь к объяснениям!

Гид – пожилая женщина – в такой же, кстати, узкой чёрной юбке и белой блузке, как на них – деловито объясняла всё про быт, график, и особенности работы Президента. Мужчины с умным видом кивали, осматривая все эти водонагревательные котлы, старинные водяные батареи, трубы, и электрокабели от независимого генератора…

Дайане понравилась только кухня: большая, чистая, светлая – не то, что у них в квартире. А уж как аппетитно пахло от всех этих шкворчащих, гудящих, и приглушённо булькающих кастрюль-казанов-сковородок-печей-для-булочек-и-пирогов! Нет, здесь-то точно ничего не готовят из полуфабрикатов!

И напомаженных стюардов-официантов в смокингах, с

толпой охранников в серых стандартных костюмах, у них в Башне тоже не попадается почему-то. А жаль – некоторые симпатичные. Нет, ну, конечно, не такие как Макс! Но Ольга, или даже Лайма на таких сразу повисли бы, если б те отреагировали на традиционные авансы: виляние тем, чем полагалось вилять, встряхивание того, чему полагалось колыхаться, и плотоядно-загадочные многообещающие улыбки… Сейчас Дайана вспоминала о том, что только недавно и сама применяла что-то из этого примитивно-вульгарного арсенала, со стыдом и смущением.

Экскурсия длилась сорок минут. Затем они на очередном такси вернулись в отель.

– Хорошо хоть, на экскурсию теперь заранее записываться не надо. – Майлз со стоном растянулся на кровати, скинув только туфли.

– Майлз! Снял бы костюм. Помнётся. – Дайана переживала: они не взяли утюг.

– Эти костюмы не мнутся, – отозвался Максим, снова внимательно изучавший углы: визуально, и с помощью тестера – небольшого устройства, похожего на фотоаппарат, только с огромным циферблатом на одной из сторон, – Нет, ничего не изменилось. Пока нас не было, жучков никто нигде не натыкал. Можно говорить.

– Да, говорить-то можно, – отозвалась Дик, – но вот стреляй меня, если я вижу, как нам туда подступиться, и кого конкретно искать… Причем так, чтоб нас не перестреляли,

как потенциальных террористов, чего-то всё норовящих вынюхать.

– Ну, кого искать-то, я сейчас узн*а*ю. – Макс производил впечатление заговорщика, напустив на себя таинственный вид, – Осталось лишь выяснить, пошёл ли затем полковник к кому-то ещё… Или всё решилось для него в первой же инстанции.

– Слушай, ходили, вроде, вместе, ни к чему не притрагивались, ни с кем особо – если, конечно, не считать ваших дурацких вопросов этой старушке-экскурсоводу! – не разговаривали… И вот – ты знаешь ответы, а мы – нет! Просвети? Ты – экстрасенс? Или считываешь мысли? – Дик сидела, вертясь, как на иголках, и фыркала от возмущения.

Макс сделал драматическую паузу, и достал из кармана свой айпад. С какой-то странной штуковиной, присобаченной сбоку. Поднял его вверх. После чего победоносно объявил:

– Да здравствует передовая технология, которая… Словом, спасибо полковнику. Наша техника совместима с любой моделью гражданских айпадов, айфонов, и стационарных компов. Это Шеф позаботился приобрести маленькие устройства, – он протянул ладонь с крохотным, не больше кусочка поп-корна, и, кстати, точно так же выглядящего, аппарата, – одно из которых сейчас благополучно покоится в мусорной корзине у стола дежурного секретаря.

Радиуса действия как раз хватает, чтобы я влез с моего

телефона в базу данных компьютера Приёмной.

– Ух ты!.. – Дик прямо расцвела, – как это я про… Забыла! Всё искала способ действительно ворваться туда! С пушками.

– Ворваться мы сможем… Запросто. Часа через… – Макс посмотрел на часы, – Полтора. Когда сработают таймеры газовых гранат. Все, кто находится в замкнутом пространстве резиденции, погрузятся в освежающий здоровый сон. А нам осталось только раздобыть противогазы. Ну, или хотя бы маски. Приемлемо?

– Ах вот почему ты сморкался, а потом плевал и чихал во все урны и мусорные корзины, которые нам попадались… Я даже подумала, что у тебя и правда простуда. Гранаты были у тебя во рту? – Дайана всё не могла поверить, что будет так просто.

– Конечно, а где же ещё… Нас ведь обыскивали. И проверяли детекторами. И там везде – поисковых видео– и прочих систем понатыкано. Белый Дом, всё-таки! Но отвлечь внимание от моего «насморка» казалось желательным… Поэтому, кстати, я и просил Майлза задавать как можно больше вопросов. Даже глупых.

– Ну, с этим он справился блестяще… Один только вопрос о том, сколько раз в день Президент м*о*чится, чего ст*о*ит!..

Майлз надулся:

– Неправда. Я лично считаю чемпионом вопрос о распорядке секса между Главой Государства и его секретаршами.

А с другой стороны – может, он был и не такой глупый. Недаром же кандидатки подбираются не из вредных занудных старух, а из молоденьких сексапильных девиц! Буду Президентом – обязательно себе наберу та… – Дик опять треснула напарника по заднице, после чего он замолк.

– Так. Ладно. Проникнуть-то мы туда проникнем. – Макс хмурился, – К счастью, охрана там организована не так, как на военных базах, и даже нашей Конторе. То ли это – показуха, то ли действительно, наш Президент – тоже марионетка, и на фиг никому не нужен, а управляют всем хвалённые «глобалисты»… Но из охранных систем там – одно старьё. И в стенах *ничего нет*. Никаких сюрпризов в виде ампул с сонным газом, или нанонитями. Или акустическими пушками. Или лазерными хлыстами.

Даже не знаю. Странно. Впрочем – может, не хотят рисковать. А вдруг – компьютерный сбой?! И вся эта навороченная-и-сама-себе-на-уме техника спятит, и порешит всех, кого посчитает… Н-да.

– Значит, если усыпить охранников-людей, нам… Никто и ничто не помешает?!

– Сам вначале не верил. Но так показывают чертовы приборы. И глаза. И мозги.

– Ладно, предположим, мы вошли. Что дальше? Глупый вопрос, но всё же… Как мы узнаем, *кто* виноват в исчезновении полковника, если все будут спать?

– Ну, не всегда же они будут спать… А самых симпатич-

ных подозреваемых, которых я сейчас выявлю через журнал посещений, мы утащим на подземный уровень, в Бункер. И допросим уже там! Когда очнутся.

– Очнутся-то они очнутся… Но ведь очнутся и остальные! Охрана, персонал. Сработают автоматические системы всякие… Понабежит полк морских пехотинцев… Как же мы выберемся из Бункера… живыми? Нас же точно – посчитают террористами?!

– Вот! Об этом я ещё не подумал. Но времени навалом – целых полтора часа. Что-нибудь придумаем! Мы же… умные?!

Дайане стало по-настоящему страшно, когда они вошли в парадное.

Задержались только в неприметной комнатке у входа: пострелял из здоровенного пистолета с глушителем, и выломав её замок, Макс и Майлз вырубили и испортили систему видеонаблюдения. И вообще – всё, что посчитали опасным для миссии. Собственно, они и так знали, что через несколько минут резервный полк морской пехоты будет здесь. Но пехотинцы хоть не увидят, что тут произошло.

Максим не преувеличил: все действительно спали, словно в волшебной сказке про королеву Шиповничек – повара, лакеи-слуги, секретарши. Солдаты. Ну, то есть, охрана.

Не спал только огонь в очаге – в кухне, через которую им пришлось пройти, всё ещё работали плиты. На двух плитах

дымило, шкворчало, и явственно пахло горелым мясом – не иначе, подгорел какой-нибудь лангет…

Чёрт возьми! А захоти кто-нибудь действительно напасть на главу государства – и – что?! Кто будет его защищать?!

– Поспешим. – голос Макса из-под маски звучал глухо, – У нас не больше получаса!

Они быстрым шагом добрались до кабинета Министра Обороны. Медная табличка с чернёнными гравированными буквами равнодушно объявляла: «Министр Обороны и Внутренней Безопасности». Вот уж повезло, что эти должности ещё пятьдесят лет назад решением Конгресса совместили… Всё-таки легче перетаскивать одного мужчину весом под двести фунтов, чем двух.

В подвале все тоже спали. И охранников здесь лежало вдвое больше, чем в светлых коридорах наверху. Максим указал кивком:

– Вот вход. Откроется, только если сканнер скачает сетчатку Президента.

– Подумаешь… Мы и так знали, что придётся и его сюда тащить.

Президент, который в это время действительно оказался на «рабочем месте», как им рассказала экскурсовод, весил куда ментше министра. Солидности, как мысленно отметила Дайана, в этой обмякшей кукле, не было уже ни на грош – не то, что на предвыборных плакатах. Одутловатые щёки. Прыщ на носу (Похоже, тщательно ретушируемый для фо-

тосессий.). И – дьявол задери, это же – *перхоть*! Пока мужчины тащили его вниз по лестнице, голова болталась так, что Дайана боялась только, чтоб та не оторвалась, а изо рта Первого Лица даже упало несколько капель слюны.

Боже! Как она – да и все законопослушные Избиратели! – могли доверять *такому*!..

На то, чтобы ткнуть его пальцем в сканнер отпечатков, и глазом с оттянутыми веками в окошечко сканнера сетчатки, ушло полминуты. И ещё минута – на взлом панели для введения цифрового кода. Ну, тут уж Дик с переносным компом показала, что не зря её учили. На соответствующих Курсах.

– Подожди-ка, Макс. – Майлз мялся, – может, притащим на всякий случай и их жён?

– Это ещё зачем?

– Ну… на случай, если кто-то из них захочет быть героем, и откажется отвечать! В таких ситуациях давление на любимого человека очень может…

– Помочь? Не смеши мои шнурки! Каждый из них, – Макс кивнул на двух бесчувственных политиков, – женат не меньше тридцати лет. Да они будут просто счастливы, если мы начнём пытать, да ещё в их присутствии, их так называемых «любимых»!

– Вот, значит, какого ты мнения о браке как таковом, и семейном счастье, в частности?! – Дайана не могла не встать в позу Дик, уткнув кулачки в бока.

– Да нет, это я просто… Неудачно пошутил. – Макс пере-

глянулся с Майлзом. И оба заржали, как кони. Дик традиционно сплюнула, Дайана фыркнула.

– Нет, я куда больше полагаюсь на передовые технологии химической промышленности нашей страны. – пояснил, посерьёзнев, Максим. – Вот. Три шприца с «Правдоделом». Так что на одну из жён всё равно не хватит.

– Ладно. Раз так, будем закрываться. – Дик первая схватилась за массивный, титанических размеров, засов бронированной двери, – и поедем в чёртов Бункер.

Хоть посмотрю, как он устроен.

Первым в себя пришёл Президент.

Возможно потому, что возле дверей его апартаментов не оказалось мусорных корзин – некуда было «плюнуть». Опять же – дверь. Серьёзное препятствие для диффузии. Вот и досталось Его Превосходительству газа поменьше.

Обнаружив, что сидит, накрепко привязанный к старинному массивному креслу, Большой Босс почему-то не удивился. А вот они удивились – когда он, даже не разлепив как следует глаз, и подергавшись прибинтованным телом, заорал:

– Френсис! Ну хватит, милая, надоело!.. И кроме того, если не развяжешь прямо сейчас, я обоссу кресло!

– Смотри-ка! – Майлз выглядел удивлённым, – А я думал, что только моя мать терроризирует папашу, и играет с ним в ролевые игры…

Максим ничего не сказал. Вместо этого, закатав правый рукав, вкатил «жертве сексуального насилия» полный шприц сыворотки. Его Превосходительство, почти пришедший в себя, и удивлённо пялившийся на них, успел только рявкнуть (впрочем, его деланная суровость никого не смутила и не обманула):

– Кто вы такие?! Что вам надо?! Вы за это ответите! Я – Президент США!!! Это… Терроризм! Нарушение Прав Человека! И насилие над личностью! – на что Макс усмехнулся, Дик фыркнула, а Майлз обратился к Дайане:

– Видишь, девочка, что с человеком делает Политика? Он даже нормально говорить не может! Нет бы сказать: «Отпустите меня, пожалуйста, я сам скажу всё, что вы хотите узнать! Правда-правда!»

Теперь уж рассмеялась Дайана. Вот только веселости в её тоне не было.

Президент тем временем снова обмяк в кресле. Глаза затуманились, и оба уголка большого рта безвольно опустились, выпустив струйку слюны: словно перед ними оказалась большая и неопрятная жаба…

Теперь уже Майлз брезгливо сплюнул в угол.

Дик скривилась.

Дайане же стало даже немного жаль допрашиваемого: вот ведь такой большой Человек, а как над ним измывается жена… А теперь ещё и они!

– Пора. – Макс бросил взгляд на часы, – Господин Прези-

дент! Где полковник Кларксон?

– Э-э… Кто… это? – голос теперь стал глухим и безвольным. Тон – равнодушным.

– Проклятье! *Так* притворяться нельзя! – Макс обернулся к товарищам, – Этот, – он презрительно кивнул головой назад, – действительно ничего не знает! Давай следующего.

– Он ещё не очухался, – Дик, пощупав пульс Министра, покачала головой.

– Ладно. Придётся продолжить. Когда ещё мне выпадет честь… Допросить главную марионетку Страны! – Макс снова развернулся к Президенту:

– Расскажите об имплантах. В головах. И пульте управления этими имплантами! – он постучал пальцем по своей голове. – Всё, что знаете!

– Ну, импланты, они… – зрачки Президента ушли куда-то в сторону, словно ему трудно было сфокусировать взгляд.

– Да-да, импланты! Продолжайте!

– Их встраивают в череп при рождении. Они… Ну, насколько я знаю, должны помочь бороться с шизофренией, эпилепсией, болезнью Альцгеймера…

– И?!

– Что – «и»?.. Насколько я знаю статистику, действительно помогают. Наши граждане – мозговыми расстройствами не болеют! Ну и… всё. Очень полезные штуки. Такие есть, вот именно – только у граждан нашей страны. Бесплатно вставляются при рождении каждому: от Нулевиков, до Пре-

зидента. У меня такой тоже есть!

– Не может он так убедительно врать и изображать дебила! – влезла Дик, – Уж правдодел-то никогда не подводит!

– Да. Похоже, что марионетка номер один не в курсе. Ладно, попробую ещё раз: – Где находится комната с… Оборудованием, управляющим работой имплантов?

– Прямо под этим Бункером. Здоровье Граждан – важнейший приоритет нашего Государства… Архив с кодами индивидуальных параметров – тоже здесь, внизу.

– Как туда попасть?

– Сейчас – никак. Вход заварен.

– А как же… Когда его заварили? Кто приказал?

– Я. Я приказал. Два дня назад.

– Почему?

– Мне так приказал Голос! Я не… Не посмел ослушаться – было очень больно! – глаза провернулись в орбитах, и ничтожество в кресле испустило затравленный стон, – Пожалуйста! Не надо делать мне так больно снова! Я… Сделаю и скажу, всё, что вы захотите…

Ведь этот Голос – это… были вы?

Макс отошёл от Президента. Руки его подозрительно дрожали, а челюсти свело так, что скрипели зубы. Подняв взгляд, он встретился им с глазами полными злобы и презрения: очнулся Министр. Толстяк буркнул:

– Надо было заткнуть глотку этому идиоту сразу. Но ни-

чего – живыми вам отсюда всё равно никогда не выбраться, хоть вы теперь и знаете… Или догадываетесь обо всём!..

Майлз, поняв всё с одного взгляда, уже закатывал рукав министра.

– Ничего не обо всём, – Дик встала перед здоровяком, буравя его злобным взглядом прищуренных глаз. – Но мы узнаем! Не пройдёт и минуты! – от такого тона, отметила Дайана, Президент точно бы обмочился. Счастье его, что не его очередь.

Ждать, правда, пришлось полторы.

Министр, надо отдать ему должное, сопротивлялся. Да и сыворотки ему досталось, если принять во внимание огромную массу тела, куда меньше. Подумав, Макс добавил ещё четверть из третьего шприца, пояснив свои действия:

– Один шприц рассчитан на нормального человека. Семьдесят килограмм. А этот… – дальше можно было не пояснять.

Оттянув пальцем веко, Макс уставился в остекленевший глаз. Удовлетворённо кивнул:

– Порядок. Ну-ка, господин министр!.. Расскажите теперь *вы* всё, что вам известно об этих имплантах!

– Ну… Они первоначально действительно планировались и создавались… Как средство для предупреждения расстройств психики. Эпилепсия, шизо…

– Нет! Это мы уже знаем. Дальше! Расскажите, когда их стали применять как средство… Всеобщего Контроля!

– Точно не знаю… Но не меньше пятидесяти лет назад. После бунтов в Бостоне, Чикаго, и Солт Лейк Сити. И революции в Техасе… Конгресс тогда утвердил решение тогдашнего Президента об изменении конструкции и… расширении функций имплантов. Тем более, агентство «Шарп» при Министерстве Обороны предлагало это давно. Технологию вживления и сами устройства разработала спецлаборатория, тоже наша. При Министерстве обороны.

Учёные… Всё сделали быстро. Теперь стало возможно не только лечить, но и контролировать любого человека. При включении режима обратной связи устройство позволяет слышать ушами подопытного, видеть его глазами… И при необходимости управлять им, просто отдавая Приказы.

– Боль? Смерть?

– Да. При необходимости можно и… Причинить подопытному сколько угодно боли… И убить. – министр говорил теперь равнодушным тоном. Зрачки неподвижно смотрели в некую точку на стене. Тем страшней было слушать эти грозные слова: «Приказы», «Боль», «Убить…»

А ведь за ними, за этими словами, стоят миллионы людей, доверивших свои судьбы и жизни своим «народным избранникам», которые просто…

Предотвратили «в зародыше» другие «бунты и революции».

Максим опустил голову. Вот теперь он понимал, где проходит грань между Демократией и Тиранией. И как легко пе-

рейти эту грань.

Пусть даже из лучших побуждений!..

А ведь это именно его Страна громче всех кричала, да и продолжает, пафосно вопить: о Демократии, правах человека, и недопустимости тоталитарных режимов. И всячески… Боролась. И борется с ними.

Ну, или если принять во внимание то, что втюхивает его соотечественникам через все СМИ назойливая пропаганда про недопустимость «нарушений прав человека» и «недопустимость усиления военных амбиций» враждебно настроенных к США стран – вдалбливая в головы простых граждан мысль о том, что его Страна – Верховный Судья в этом вопросе. И только Конгрессу США дано право определять, кто – тиран, а кто – идиот. Где царит тирания, а где – анархия…

А фактически его Правительство просто не даёт, не позволяет этим самым другим странам подняться с колен, заявив, что и они имеют право…

Жить так, как хотят!

Ох уж эти Избранники. И власть предержащие. И марионеточно-публичные, и закулисные фактические. Имеющие, как они считают, право управлять странами и судьбами. Вначале – с помощью денег. Или – непосредственно военными действиями.

А затем и более… Глобально.

Самыми «передовыми» методами. (Даже странно, что таких «предохранителей» не ввели – принудительно, есте-

ственно! – пока в тех странах, которые объявлены «враждебными»!..)

Как сын своих родителей, он, как никто, знал, насколько узок круг этих самых Верховных Избранников, и что пролезть «в самые верха» может только представитель одного из кланов, традиционно стоящих у Кормушки, и держащих верёвочки в своих руках.

Но дело-то не в этом! А в том, что происходит сейчас!

– Как часто применялись пытки… И убийства?

– Редко. По сравнению с простым внушением Голосом, раз в сто реже.

– Скольких?! – Дик не могла сдержаться, – Скольких вы пытали? И убили?!

– Пытали – девятнадцать. В том числе и вашего полковника, – ладони Майлза и Дик невольно сжались в кулаки. У Майлза даже побелели костяшки, – Убили восьмерых.

– Кто?! Кто… Оператор за этим чёртовым Пультом?!

– Моя… жена. Дорис.

Впервые глаза чуть сдвинулись, и министр пошевелился. Похоже, имя жены вызывало у него какие-то эмоции. Вот только – какие?

– А… Почему не Президент? – Дайана воспользовалась возникшей паузой.

– Этот черномазый …рас? Вот уж – нет. Я на этом посту уже восемнадцать лет. А он – три. Он – *избираемый*. Не надо ему знать всех этих тонкостей. Потому что через год он уй-

дёт, а я… А мы – останемся. Не для того мою должность наделили такими полномочиями, чтобы *я* ставил *его* в известность о том, как…

– … на самом деле управляется Страна! «Оплот Демократии»! «Светоч Свободы в этом обуреваемом духом Хаоса и Разрухи, Мире!..» – Дик не удержалась, чтобы не подскочить к связанному человеку, и не отвесить ему оплеуху. В глазах её стояли слёзы, – Теперь-то я поняла! Почему отец… Умер от «инсульта»! Это он *вам* с *Дорис*… Помешал! – она затряслась всем телом, пытаясь сдержаться, и не вцепиться ногтями в ненавистную пухлую физиономию: а её собственное лицо исказилось до неузнаваемости: такой дикой ненависти Дайана не видела до сих пор ни у кого!..

Затем, вскинув голову к потолку, Дик просто завыла, видимым усилием воли заставив руки не тянуться к УЗИ, а опуститься к полу.

Наконец агент отвернулась, и отошла к стене. Узи болтались на ремнях, лицо Дик закрыла руками. Дайана подумала, что не сдержи свои эмоции Агент так, как вбили обучающие тренинги, за жизнь Министра никто не дал бы ломанного гроша.

Но Дик – молодец.

Понимает, что ещё не все Вопросы заданы…

Майлз не придумал ничего лучше, как подойти сзади и нежно обнять боевую подругу за плечи. Та вдруг развернулась к нему, и разрыдалась прямо на широкой груди.

Дайану передёрнуло. Господи! А она-то до последнего момента в глубине души…

Не верила. Что такая немыслимая подлость возможна на самом деле! И – где?!..

А она – возможна.

Более того – она происходит уже пятьдесят лет! В стране, которая хвастливо объявляет всему миру, что обладает «Лучшей Конституцией, Величайшими традициями Демократии, и гарантирует соблюдение Прав граждан!» Ну и, само-собой, несёт Свет всего этого – тем, кто «ещё не развил *свою* Демократию сам»!

Сглотнув, она спросила:

– Где сейчас ваша жена?

– Не знаю. Наверное, осталась наверху.

– Так это она спровоцировала бунты и саботаж в доках Лос-Анжелеса? А в других местах?

– Да. Ещё в тринадцати крупнейших городах США.

– Зачем?! Ведь все верёвочки и так… У вас!

– На следующих выборах должен был победить я. А этого, – министр вяло кивнул в сторону равнодушно смотревшего на происходящее ещё одурманенным взором мечтателя-поэта, Президента, – нужно было прокатить.

– Какого же… Что вы собирались делать, когда заняли бы кресло Президента? – Макс снова взял инициативу в свои руки.

– Мы собирались объявить войну тем странам, которые

исподтишка стали восстанавливать свой промышленный и военный потенциал… Китаю, Индии, Корее… Словом, Юго-восточному Блоку. Они могли скоро начать снова производить оружие. Ядерное. Бактериологическое. Отравляющие вещества.

– Но ведь *сейчас* у них ничего этого нет?!

– Нет. Но они могли скоро начать его производить. Мы должны думать вперёд. Предвидеть. Защищать и охранять нашу Страну. Нашу Демократию. Наши идеалы. Наши…

– Заткнись, чёрт тебя подери!.. – Дик на секунду развернулась от груди Майлза, – Проклятый лицемер! Все вы здесь – лицемеры! Какая, на …й, Демократия! Рабство!

Рабство – вот точное слово для того, как мы тут, оказывается, живём!

– Нет. Мы с Дорис всегда были гуманны. Крайние средства шли в ход лишь в самых исключительных случаях. Наша Демократия – самая… – внезапно министр дёрнулся всем телом, и глаза его выпучились так, словно он увидал привидение, – Нет! Нет, дорогая!.. Пожалуйста!!! Пощади!!!

Умоляю – НЕ-Е-ЕТ!!!

Они вчетвером молча стояли вокруг того, что осталось от только недавно – второго человека в государстве. Всё верно – таковым от был и при Президенте…

И при своей жене.

Судорога ужаса и дикой боли до неузнаваемости искажала

его рот и глаза.

Впрочем, вскоре гримаса сменилась полной расслабленностью всех лицевых мышц. Тело, словно из него вынули все кости, безвольно оплыло на сиденье кресла. Из лёгких медленно вышел воздух.

– Похоже, Дорис очнулась. – нарушил тягостное молчание Майлз. – И вот готов прозакладывать свою расчёску против «Порша» твоего отца, – он кивнул Максиму, – она «любимым» не слишком дорожила. Так что нам теперь даже поторговаться с ней не удастся.

– Удастся. – это вдруг разлепил рот Президент, – Она ждёт вас в овальном кабинете. Если, конечно, вы надумаете, и сможете туда добраться. Ха-ха-ха.

От звука этого механического воспроизведения смеха у Дайаны мурашки побежали по коже – к ним «пришла» Дорис!

– Дорис! – Макс тоже догадался, что произошло. – Зачем вы убили вашего мужа?!

– Он выполнил свою работу. Свою функцию. Теперь он мне не нужен. А если вы и правда, хотите знать, что происходит, и получить свои с…ные ответы…

Приходите. Я жду.

Тело Президента не дёргалось в муках. А просто сразу обмякло. Глаза потухли окончательно. Пощупав пульс, Майлз сообщил им то, что и так было понятно:

– Имеем в пассиве два трупа. А в активе – минимум роту

морских пехотинцев за этой дверью!

– Ну и у кого есть полезные мысли? – Дик не пыталась скрыть иронии.

– У меня! – вдруг влезла Дайана, – А разве здесь нет сверхсекретного Президентского лифта?! У нас как раз есть и сетчатка, и пальчики. Нам же про него на экскурсии…

– Точно! Слушай, какая ты у меня умничка! – Макс не удержался, чтобы не чмокнуть девушку в щёку. – И я даже знаю, где он! Только… Нам понадобится прикрытие!

Майлз и Дик переглянулись.

На губах Дик заиграла кривая улыбка:

– Ну уж если дошло дело до – пострелять, я – в первых рядах!..

– Раз так, то и я не отстану! Да и очков я всегда набираю побольше!

– Хвастун! Ладно – у тебя будет шанс. Потащили, что ли!..

Когда открылись двери лифта, Макс кивком показал, чтобы Дайана шла вперёд. Тела «народного избранника» и Министра остались лежать по ту сторону створок.

– А… Как же они?.. – Дайана растерянно указала на двух высших чиновников.

– Надеюсь, их похоронят за государственный счёт… – Макс плюнул в сторону толстяка. – Зря что ли я платил все эти налоги?!

Дик сменила магазин, передёрнула затвор:

– Кстати! Хотела тебя спросить: откуда ты узнал, что твои родители развлекаются «ролевыми играми»?

– Ну… Я подглядывал, конечно! – Майлз выпустил короткую очередь, особенно не целясь.

– Всегда знала, что ты мерзкий, скользкий и завистливый тип! Да ещё страдающий нездоровым любопытством к тому, до чего не дорос. Морально.

Извращенец!

– А зато это позволило мне понять, кем бы я хотел работать!

– Ну и кем? Сутенёром? – Дик уже сама выпустила длинную очередь. В глубине коридора раздался крик – зацепила! Не останавливаясь на достигнутом, она, отложив пушку, поспешила метнуть туда же игольчатую гранату. Иглы вокруг так и засвистели! Орало теперь несколько глоток.

– Этого я хотел лет до восьми… Потом понял, что самому всех девочек всё равно не перетрахать… Да и приедается – скучно, безопасно. Вот я и решил – шпионом! Секретным Агентом! Это они работают по схеме «стреляем-трахаемся-стреляем». Ну, или: «трахаемся-стреляем-трахаемся»!

Дик выругалась:

– Чёрт! И с этим похотливым циничным скотом я трахалась… А теперь ещё и стреляю!

– Ну, видишь. Значит, я был прав! – вдруг Майлз замолчал.

Бросив взгляд вбок, Дик почувствовала, как её сердце

сжимает ледяная рука: на лбу напарника выделялось кратером маленькое кроваво-чёрное пятнышко.

Отверстие от мелкокалиберной пули.

Снайпер.

Она отложила УЗИ, и взяла базуку.

Майлз… Наглый, циничный, вредный, похабный. Но… Майлз.

Она стреляла, перезаряжала… Ей ведь не надо было беспокоиться о «сохранности Строения исторического значения и его эксклюзивного имущества». Да и жизни несчастных марионеток-солдатиков по большому счету не имели теперь никакого значения: ведь ТА, ЧТО У ГЛАВНОГО ПУЛЬТА, их всех в любой момент может…

Просто отключить!

Как биороботов!

Рыдать Дик начала только после того, как в дальнем конце коридора провалились межэтажные перекрытия, осели крошка и пыль от штукатурки, и затихли шум и крики.

В коридоре перед Кабинетом никого не было.

Странно. Не иначе Вторая Леди сама удалила охрану.

Чтоб они могли «задать свои с…ные…»

Макс постучал. Толкнул дверь. Она легко открылась.

Напротив них, положив обе руки на крышку стола, восседала пожилая и очень благообразно выглядевшая женщина. Нет, правда: как на виденных фотографиях, и в видеорепор-

тажах, так и сейчас – на лице женщины было такое выражение, такое…

Воплощение Духа Традиций гуманности, веры, демократии, и прочих «хрестоматийно-священных» идеалов. Словом – казалось, что добрее и порядочней просто не может быть!

То, что на ней тоже белая блузка и чёрная строгая миди-юбка, Дайану не удивило.

Удивило то благостно-радушное выражение, которое, словно у пастора во время спиричуэла, озаряло приятное и почти доброе лицо.

– Подойдите ближе. Я не люблю кричать. Только пожалуйста, без глупостей. – она чуть приподняла обе руки. В одной размещался пистолет с глушителем, направленный прямо в грудь Максиму, в другой – странная коробочка. Не иначе, пульт дистанционного управления всеми марионетками Страны.

– Это – то, что я думаю? – спросил, чуть кивнув, Макс.

– Да. Ст*о*ит мне чуть шевельнуть пальцем, и все наши «дорогие и любимые» Граждане отправятся к праотцам. Но – быстро и безболезненно. Я ведь не зверюга какая.

– Почему же вы хотели объявить и начать войну, раз, как вы говорите, не зверюга? Ведь нам никто реально не угрожает? – Макс пошёл напролом.

– А я и не собиралась её начинать. На…ать мне три раза на эту Индию, Китай и прочих! – женщина за столом чуть

закашлялась, прикрывшись предплечьем, – Ф-фу, какая гадость этот ваш усыпляющий газ… Но должна же я была что-то наплести высокопарное и объясняющее мои поступки своему «любимому»!

Дайана почувствовала, что что-то должна сделать. Надо остановить эту… Эту старуху! Вон как блестят глаза – не иначе, сумасшедшая. Опасная. Такая и правда – застрелит, и не почешется! И ведь нажмёт!

Однако в голову ничего не лезло. Она же не боец спецназа… Тогда, быть может, ей хотя бы…

– Извините меня. – она нахмурила брови, и тоже прикрыла рот ладошкой, сделав вид, что ей нехорошо. – Я – выйду. Меня тошнит!

Женщина в кресле Первого Лица чуть приподняла бровь:

– Конечно, моя милая! Я знаю, что ты тут лишняя.

Ответы нужны Максимилиану Гольдблюму…

Левон, не без трепета занявший место уложенного чёртовым «специалистом по у-шу» как минимум на месяц, Кайла, махнул теперь *своим* раздолбаям – чтоб не высовывались!

Осторожно, на полусогнутых, подобрался к окну. Ага. Пять посетителей… Ничего. Кто не захочет неприятностей – сами уберутся… А не уберутся, так пусть пеняют на себя!

Уж что делать, чтоб из номинального Лидера стать фактическим – он знает!

Навалять как следует конкурентам!!!

Он сделал знак ребятам: пора! Все быстро натянули капюшоны с прорезями для глаз и рта: ну ни дать ни взять – спецназ! Вот только спецназ не нападает на бары конкурентов… А что: всё вполне по-честному – услуга за услугу!

Пока Акулы загорают на нарах, а чёртов Кайл посиживает в тюремном лазарете, нужно дать Бенни, прикрывшему их задницы, хоть подзаработать! А что может лучше помочь в этом плане, как разнести вдребезги всю мебель и барные стойки у всех баров соседнего квартала, как раз и «крышуемых» Акулами?!

Сжимая кто – бейсбольную биту, а кто – и цепи от мотоцикла, они направились к двери уже не таясь.

Ларссон на появление отреагировал невнятно, но адекватно: просто взял и убежал в подсобку, захлопнув и заперев за собой железную дверь.

Однако Левон ничего не успел сказать остальным клиентам, пьющих что-то каждый в одиночку за пустыми столиками по углам полутёмного помещения.

Потому что вдруг… Почувствовал себя нехорошо.

Словно после второй бутылки синтетической текилы.

В голове зашумело, зрение скосилось, а ноги почему-то подогнулись…

Боли от удара о пол он не почуял. Но видел, как и его банда, и все остальные клиенты, кто уже успел встать, или даже сделать пару шагов к выходу, валятся на пол, словно переспелые груши от порыва осеннего ветра. (Да, он видел груши

только по видео, но картина эта врезалась в подкорку лучше всего: недоступная красота Природы, мать её!..)

Пот*о*м…

Потом он подумал, что вот повезло придурку Кайлу: его не уделали усыпляющим газом. (А чем же ещё?!)

Но тут глаза сами собой закрылись, сознание куда-то уехало, словно на роллере.

И больше он ничего не видел.

Выйдя, Дайана, однако, сразу отбежала подальше, и достала из лифчика телефон.

Мать, однако, трубку не брала. А-а, всё ясно: идёт её любимый сериал «Кружок рукоделия» – о мелкопакостных и изобретательных с-сучках Второго Уровня в провинциальном Сент-Луисе… Вот уж – поистине смертельная привычка.

Телефон отца оказался «вне зоны обслуживания». Не иначе, опять в дороге.

Лесли… Вне зоны обслуживания. Проклятье!..

Тогда нужно постараться помочь хотя бы…

– Алло, Черри?!

– Да. Привет, Дайана!

– Черри, я у тебя в долгу… Так вот – хотела отплатить! Как насчёт твоей *жизни* – подойдёт? В смысле – сохранить её! Вот и отлично. Нет, не шучу. – она почувствовала, что рыдает чуть не в голос, – Ты д*о*ма? Слушай внимательно.

Сделай в точности! Прошу – сделай! Я – не сошла с ума! Но *объясню* – потом! Сейчас просто нет времени!

Намочи самое большое полотенце, которое у тебя есть! Как следует намочи! И оберни вокруг *всей* головы! Скорее! А ещё – для гарантии сунь голову внутрь самой большой кастрюли, что у вас на кухне найдётся! Иначе – умрёшь! Нет, не перебивай! Это *очень* важно: я не лгу – ты умрёшь!!! – Дайана уже тише – чтоб не услышала сумасшедшая за стенкой! – рыдала, понимая, что Черри, похоже, считает всё глупым детским розыгрышем! Но она должна хотя бы попытаться!..

– Умоляю!!! Да. Вот обмотай, и сиди так… Не меньше часа! Твоя мать дома? Ах вот как… Ладно – тогда сделай сама! Если сможешь – заставь и Билли своего сделать… Я… Перезвоню вам, когда станет *безопасно*! Всё! *Пожалуйста*, Черри – сделайте это.

Ради меня… И себя!..

Она вернулась обратно в кабинет. На неё словно бы и не обратили внимания. Потому, наверное, что «беседа» была в самом разгаре:

– … так какого же ещё … вам не хватало?! Что плохого вам сделала ваша страна?!

– Ха-ха. Молодой человек, вы что – действительно ждёте, что на этот *личный* вопрос я отвечу?

– Ну… Да! – с такого обычно невозмутимого Максима

уже градом тёк пот. Интересно, чего она тут ему успела наговорить?!

– Весьма оригинально. И глупо. А я вас удивлю: действительно отвечу! – она снова предплечьем откинула со лба закрывающие глаза пряди, – Страна-то… Не моя!

– ?!

– Да-да, вы правильно, в принципе, подумали, когда начали разбираться, что к чему тут с этим делом… Внушениями, саботажем, тщательно пестуемым недовольством…

Я – Враг. Причём – Враг с большой буквы, для вашей проклятой Америки! – лицо, только что такое спокойное и даже улыбавшееся, вдруг исказила ужасная гримаса столь умело до этого сдерживаемых эмоций: словно из-под маски доброй феи-крёстной вдруг выглянула ведьма-людоедка!..

Теперь женщина не говорила, а как бы выплёвывала слова:

– Ненавижу! Ненавижу-ненавижу-ненавижу! НЕНАВИЖУ!!!

Вы, гнусная и отвратительная пародия на «Единую Великую Нацию» – сынки ссыльных бандитов, проституток, да вонючих эмигрантишек со всего мира – итальяшек, евреев, англичан и мексиканцев! Которые не смогли навести порядок у себя в странах, и, как жалкие трусы, поджав хвост, побежали туда, где можно начать «С чистого листа»!

Тупая иллюзия – вы точно так же плясали здесь все, словно паяцы на проволочке, под дудку продажных политиков,

и тех, кто им платил, и фактически ими и правил – ворам в законе! Миллионерам, нажившимся на вашей же эксплуатации!

Это *вами* правят гнусные твари Глобалисты, решившие, что если уж у них в руках деньги всего Мира, можно остальных людишек попросту давить, как клопов! Травить, взрывать, морить голодом! – на открывшийся было рот Макса она завопила:

– Заткнись, сопляк, и не перебивай! Да, я – голодала! Выжила вообще – чудом! А мать моя так и умерла – от голода! И чтобы выжить, и отомстить, мне пришлось СЪЕСТЬ ЕЁ!!! И своего родного брата!!! Пока вы тут жрали от пуза свои гамбургеры, смотрели сериалы, да развлекались компьютерными симуляторами «для развития мышления»!!!..

А мой отец погиб от осколков кассетной бомбы. Ему разворотило живот, и он кричал почти час! Этот крик до сих пор стоит у меня в… А дом разрушило взрывной волной! Да и весь город. – она сделала паузу, откинув голову назад, и выдохнув, словно очнулась, вынырнув на поверхность из чёрных пучин омута мучительных воспоминаний. – Я знаю, конечно, почему вам было так легко убить нас всех.

Потому что для вас всё это – кровь, боль, смерть! – *не реальность*!

А – игра! Абстрактное и виртуальное понятие!

Игра, которая видна вам лишь в визуализационном шлеме – как на симуляторе.

Боевая техника совершает налёты на позиции и территории врагов, а чёртовы «отлично обученные» операторы этой техники просиживают штаны и жирные задницы в безопасных катакомбах у пультов управления! А не за штурвалом самолёта, танка, или подводной лодки… И умереть им ни при каком раскладе не грозит!

Конечно – вы не знаете войны. Поэтому и не боитесь её. У вас тут, на вашей земле, её не было лет двести! Давно сдохли те, кто сам столкнулся с оторванными руками-ногами-головами, вспоротыми животами, и кровавыми ошмётками, вылетающими из тел при попадании шрапнели или пуль! А от отца к сыну *такое* передавать тут не принято!

Женщина побледнела, голос звенел от сдерживаемых эмоций, но пистолет в руке не дрожал, и не сдвинулся ни на миллиметр.

– А больше всего меня бесит это ваше подлое лицемерие: нам, обесчещенной, завоёванной, и на девяносто девять процентов обезлюдевшей и загаженной всякой радиацией, и химикатами, и смертоносными бациллами стране, привезли «гуманитарную помощь»! Бросили, словно голодным собакам, кусочек косточки – подачку!

Дескать, жрите, и не вякайте против нас! Больше никогда!..

Ненавижу!

Она замолчала, но взгляд пылал такой страстью, что у Дайаны мороз шёл по коже.

Фанатичка. Таких она видала только в кино…

Она внушала подлинный ужас – своей целеустремлённостью и…

Терпением. Долго же она, наверное, шла к своей Цели, и ждала!

Макс тоже всё это понял:

– Вы… из России?

– Да. Я – из России. Из той страны, что «представляла опасность» для вашей поганой «демократии», про которую ваши СМИ втёрли всем, что мы «враждебно настроены». И которую вы разбомбили, как только Нуньес сделал вам Поле, и вы смогли накрыть США непроницаемым для ракет колпаком… А я-то думала, отец шутил, или преувеличивал, когда говорил, что вы воюете только тогда, когда вас не могут достать. Не могут дать сдачи – то есть, адекватно ответить…

Из «безопасной позиции».

Технологическое превосходство.

Ну так оно вам же и выйдет боком.

Вот уж спасибо за «Предохранители» – без них я бы никогда… – она дёрнула краем рта.

– Я поставила таймер на десять минут. – увидев его начатое было движение, она засмеялась, злобно оскалившись, словно загнанная в угол крыса, – Смотри сюда, патриот хренов! Вот – кнопка нажата! «Мёртвая рука»! Ст*о*ит мне разомкнуть контакт, и всё произойдёт даже раньше!

Макс словно только теперь увидел вскинутую левую ру-

ку: в ней устройство, похожее на пульт управления детской машинкой, смотрелось гротескно глупо. Но палец женщины действительно лежал на большой чёрной кнопке. Макс сглотнул.

– Дорис… Мне чертовски понятно ваше желание отомстить… Но – погибнут же невинные люди! Что они-то вам сделали?

– Ох, уж эта ваша проклятая демагогия из дешёвых боевиков! – женщина покачала седой головой со слегка съехавшей на бок (Похоже – следы от потери сознания!) шикарной прической.

– Что сделали… Да хотя бы, посадили себе на шею – «добровольно избрав»! – кучку гнусных тварей и мерзавцев!.. Которым моя страна была – как кость поперёк горла. Ресурсы наши им и территории, понимаете ли, были нужны, а местное население – нет! Напомнить бы вам историю, но вы всё равно ни …рена её не знаете: то же самое было нужно в СССР и Гитлеру!

Так что, агент Гольдблюм? Можете внятно объяснить: что *вам,* вот лично вам, сделали сто девяносто миллионов россиян?! Живущих вообще на другом континенте? Вот – лично вам, агент Максимилиан? *За что* вы позволили их убить?!

– Ну… – он сглотнул, ощущая, как холодный пот ручейками бежит по лопаткам, – Лично мне – ничего. Но, наверное, это было вызвано объективными… – он снова сглотнул, и докончил совсем уж замогильным голосом, – и интересами

страны.

Дорис рассмеялась. Слушать этот смех было неприятно – словно есть гамбургер с песком. Он буквально скрипел на зубах.

Циничный. Жестокий.

Но, похоже, она смеялась не столько над неубедительными для него самого теперь, словами, сколько над ним самим, загипнотизированным штампами о патриотизме и любви к своей стране, и лишь недавно сбросившем пелену с глаз… Но, похоже, не до конца.

Невольно Макс потянулся и потрогал шрам на затылке, ещё откликающийся острой болью.

Дорис смеялась.

Она смеялась и над собой.

И над страной врага, так боровшейся за демократию, что и *своих* Граждан превратила в рабов! Безмолвных и послушных роботов, не интересующихся ничем.

Кроме личного благосостояния. Статуса. Дома. Телевизора. Хвастовства перед соседями. Согласившейся – добровольно! – поделиться на Привилегированных, и людей второго и третьего сортов…

Но он-то, как разносторонне образованный и «подкованный», и изучавший мировую историю, и как Агент, знал – так было не всегда. Люди его Страны ещё семьдесят лет назад были РАВНЫ!!! Недаром же произошли те восстания – кое-кто не мог не понимать того, что делить на высших и

низших…

Нельзя!

– Вижу по вашим глазам, что вам тоже неприятно. Неприятно то, что вот это. – она постучала по своему виску. – делает вас всех рабами. Заложниками. Роботами!

Да-да, вы все – рабы и безвольные роботы! Куклы, которые способны лишь слепо копировать шаблоны «счастливой» жизни, которую вам втюхивает ваш чёртов Голливуд! Стадо баранов, которым надо управлять! Ваши хозяева создали вам видимость рая на земле… Пусть и за чужой, в том числе и за наш, счёт.

А за рай надо платить. Даже обитателям этого самого Рая.

Вот с вас и взяли, как плату, право на собственную свободу – то дурацкое хрестоматийное понятие, что вам тут с детства вдалбливали в башки. Приятно слушать правду?

Макс почувствовал, что краска стыда заливает лицо, расходясь и по шее.

Да, это – правда. Гнусная и унизительная правда о его родине, его стране.

Но всё равно – это *его* страна! И он не должен позволить вот просто так убить всех её жителей этой свихнувшейся на почве личной вендетты русской!

– Опоздал. – констатировала Дорис, всё это время внимательно следившая за сменами выражений на его лице, – я уже всё отпустила. Прощения прошу только за твою дурочку. Она-то точно ни в чём… А кстати… – тень беспокойства

набежала вдруг на её чело, – Почему это вы не падаете и не умираете?

Злорадного удовлетворения Макс, как ни странно, не чуял. Вместо этого он молча достал из кармана и показал металлическую коробочку с четырьмя крошечными зёрнышками со следами запёкшейся крови.

– О! Умн*о*. Никогда бы не подумала, что кто-то догадается… Я имею в виду – догадается о *подлинном* назначении Предохранителей. А уж тем более – осмелится вынуть их…

Как вам удалось?

– Какое это теперь имеет значение?! – горечь поражения разлилась по телу, словно жгучая волна, отдавшись тяжестью в сердце и болью в голове, – Вы… Правда – отпустили?

– Да. И можешь не сомневаться – все остальные мертвы. Я опробовала этот способ пять лет назад. Надёжно. Общий пульт с аккумулятором – здесь, в тумбе вот этого стола. А ретрансляторы имеются во всех городах и городишках, и *на всех* Уровнях. Последним из убитых из Бункера был ваш полковник. Ну а эти два придурка убиты уже отсюда, – она покосилась вниз и топнула носком туфли по полу, – Да, вот ещё: если тебе будет от этого легче – *умирая*, Кларксон не мучился.

Макс, поняв смысл ударения, заскрипел зубами. Но спросил:

– И – что же?! Все остальные… люди… здесь, в стране, просто… Умерли?

– Нет. Умерли – не *люди*. Умерли только тупые самовлюблённые бараны, позволившие отнять у себя право первородства за миску чечевичной похлёбки!

Я счастлива. Что с вами, «держателями акций и контрольных пакетов», потребителями, и так называемыми «свободными людьми» покончено навсегда! Я выкосила вас – «под корень»! На нашей планете теперь остались лишь те, у кого нет *этого*! – она снова постучала себя по виску, – И кто ещё способен понять и признать, что все люди РАВНЫ!

И не важно: пред Богом ли, пред Законом, пред другими людьми…

Просто – равны!

Чёрт. Извини за излишнюю патетику – я не готовилась… Слова шли сами.

– Вы… очень жестоки.

– Я?! – она рассмеялась – теперь уже почти весело, – Да, я – жестока! И чтобы доказать тебе, что я не только жестока, но и принципиальна, я покажу вам ещё кое-что! Теперь, когда мои родные и близкие отомщены, моя Миссия завершена!

И я не вижу смысла тянуть.

Раньше, чем Макс успел пошевелиться, она поднесла пистолет к виску и нажала спусковой крючок. Голова резко дёрнулась, на втором виске возник фонтанчик из брызг крови.

С глухим стуком на ковёр упал пистолет. Затем – и тело.

Ноги нелепо раскинулись. И от этого наваливалось ощущение какой-то чудовищной неправильности, нереальности

происходящего.

Макс заставил себя подойти и прощупать её горло.

Пульса, разумеется, не было. А крови из крошечных дырочек на висках натекло совсем немного.

Аккуратная такая смерть. Только кто будет теперь хоронить её…

Да и всех остальных.

Он повернулся спиной к её трупу, и вышел из овального кабинета, Дайана шла за ним. Слёзы сами текли по щекам, а она даже не думала утирать их.

Как-то сама собой всплыла глупая мысль, что они так и не спросили – зачем эта женщина провоцировала бунты и беспорядки… Ах, да – перевыборы.

Но это – версия её мужа. А чего всё-таки хотела она?.. Ведь доступ к кнопке так и так у неё уже был?!..

Макс старался на кабинет не оглядываться.

Нечего им там делать. Хотя…

Может быть, как раз и есть!

Кто-то же должен управлять страной, пока удастся привести всё в порядок.

Он одёрнул сам себя – какой, к чертям, «страной». Какой, в задницу, «порядок»!

Здания-Башни останутся стоять мёртвыми гигантскими монолитами, грандиозными гекатомбами массовых усы-

пальниц, осыпаясь под действием Времени и Природы. Фабрики и подземные заводы тоже сгниют от ржавчины. И некому будет жить и работать в них. Все мертвы.

И ещё он подумал – интересно, почему она не нажала на эту кнопку сразу, когда только получила доступ в эту Комнату…

Что это – желание продлить чувство всемогущества? Комплекс леди Макбет? Или – любовь к драматическим эффектам? Но теперь узнать не у кого.

Он пошёл к лифту. Дайана, шмыгая носом, так же молча, двигалась чуть сзади.

Лифт не работал. Пришлось идти по лестнице. Но здесь перед ними возник завал. Пришлось идти в обход, через другой коридор.

В подвале они направились туда, где оставили Майлза и Дик.

Дик уже успела перебраться назад в комнату с двумя всё ещё привязанными к креслам трупам, и перетащить туда же Майлза. И теперь Агенты лежали рядышком, уставив глаза – равнодушные и пустые – в белый потолок Бункера. Вот только из глаз Дик по грязным щекам катились слёзы. Макс вздохнул.

– Майлз?..

– Он… не мучился. А я…

Даже не успела забеременеть. Что мне делать теперь?! – Дик повернулась к Максу. – Скажи! Для чего всё это?! Ведь

все они – мертвы?..

– Да. – Макс сглотнул. Слова не шли. – Она… всё равно убила бы всех. Фанатичка. Отомстила за Россию.

– Она… Рассказала вам – ПОЧЕМУ?!

– Да. Кстати, до сих пор не понимаю этого. В-смысле, почему – рассказала. Может, тщеславие? Желание… покрасоваться?

– Нет. – Дайана говорила жёстко и зло, как никогда до этого, – Она не хотела покрасоваться. Она… Вызвала нас, чтобы воочию убедиться, что мы… Ну, а в нашем лице – и все остальные… Умрут! Ей было на…рать на тщеславие! Она хотела УВИДЕТЬ.

И увидеть – уж*е* объяснив, хоть кому-то, *за что*…

– Д-да… – Макса передёрнуло, – Ты права, наверное. Кому же понять другую женщину, как не женщине. Поэтому её так и удивило, что мы не п*а*даем.

Но покончить с собой она, как я думаю, хотела с самого начала.

– Все и правда мертвы. – Дик повернула глаза, наконец, к ним, – И что мы будем делать теперь… Со всеми этими трупами?

– Не знаю. Но вытащить их отсюда, – Макс обвёл глазами Белый Дом, – придётся. Чтобы «оплот демократии» был готов к нашему… Воцарению.

– А-а, да. И правда: мы же – последние из могикан. Герои, победившие несмотря ни на что. «Избранные», чтобы воз-

родить Великую Нацию! – в голосе Дик было столько горечи, что Дайане свело челюсть и защипало глаза. Но Дик ещё не закончила:

– Так ты теперь… Последний мужчина Америки? – она хмуро смахнула слезу.

Макс поперекатывал в мозгу эту мысль и так и этак…

Хм! А ничего, занятная мысль!

Сам-то он готов… Постараться воссоздать из пепла, как выразилась Дик, «Великую Нацию»! Парень он молодой и крепкий. А у, например, мормонов, или мусульман, так и положено – иметь две-три-четыре жены! Вон: в Солт-Лейк-Сити как раз была мормонская Община. Пока их не запретили и не расформировали.

Но опытом воспользоваться можно. Архивы, те, что на бумаге, не пострадали.

– Чёрт. Значит, полигамия. Впрочем, и … с ним! Если Дайана готова поделиться, я не возражаю. Рожать настоящих американцев. От тебя. – Дик вновь отвернула глаза к потолку, но Макс понял, что она не шутит.

Дайана надулась. Потом, вероятно, чувство ответственности перед Будущим возобладало:

– Ладно. Если бы это сказала одна из этих лицемерных лживых сучек – моих подруг, я бы… Но тебе – можно. Похоже, у нашего мужа будет Гарем.

– Гарем – это когда жён много, а не две.

– Три. И ещё: у тебя, возможно, будет помощник… Если

только Черри сделала, как я сказала. – Дайана рассказала, о чём она просила Черри, – Я увидала этот способ в одном старом фильме.

– Молодец. Это… Должно было сработать. Позвони-ка ей – проверь.

Вот. Он – ее парень. Или уже – Муж. Он может теперь отдавать ей приказания.

Дайана не заставила себя долго упрашивать: номер подруги набрала сразу.

Как ни странно, сеть работала – в трубке послышались сигналы вызова.

– Алло, Черри? – ждать пришлось подозрительно долго, и Дайана уже и не надеялась, когда сквозь скрип и треск донесся слабый голос подруги: «Алло. Кто это?»

– Черри! Черри – я так рада тебя слышать! Ты жива?!

– Ну… – после ещё одной долгой паузы последовало уточнение, – Можно это и так назвать. Если не считать того, что я только что еле поднялась с пола. Меня минут пять назад – будто осёл лягнул в голову!

– Это – не осёл. Я тебе всё пот*о*м объясню! А сейчас – что там… твой? Он – жив?

– Не знаю. Ещё не звонила. Сейчас выясню и перезвоню тебе. Но ему затея с полотенцем показалась идиотской шуткой. Розыгрышем. Так что сделал или нет – не знаю.

– Ладно. Попробуй узнать, и перезвони мне сразу!

И вот ещё что. Ничего не бойся! Мы тут, в Вашингтоне, с моими… Друзьями.

И тоже живы!

– Ладно. Я… перезвоню. – тон такой, словно подругу тошнило. А может, так и было: кто знает, как воздействовал, даже ослабленный мокрым полотенцем, и тонким металлом кастрюли смертельный импульс…

Дайана повернулась к Максу:

– Она – жива. (А то он и сам не догадался!) Она перезвонит.

Макс обнял Дайану. Молодец у него девушка. Уже позаботилась об их маленькой общине: чтоб генетического материала было побольше.

Такой приятно будет руководить.

Руководить.

Да!

А что: он теперь – Бог и Царь, и Большой Начальник. И может устанавливать любые правила. Любые законы! Страна – полностью в их распоряжении!

Впрочем, почему – их? Его!

Править должен компетентный мужчина! Лидер. Это однозначно. А помогать должен парень этой Черри. Если, конечно, выжил.

Только… как бы это потактичней объяснить девушкам?!

А! Очень просто! Нужно предложить *им* поправить.

Вот уж чего женщины не любят, так это – лишних хлопот!

Особенно, когда у них на руках несколько шустрых и вечно голодных сорванцов… Плита с кастрюлями. Стирка. (А вот стирать, похоже, придется в реке! Как сотни лет назад – их бабушки.) Уборка.

Значит, сами отдадут эту сверкающую и вожделенную игрушку – Власть.

А для себя предпочтут более конкретное занятие: воспитание детей, готовку, шитьё. Теперь-то всё будет на них! И работы у них – чтоб ему лопнуть! – будет, ох, много!..

Ведь это подлинное Призвание – быть НАСТОЯЩЕЙ Домохозяйкой!

В оформлении обложки использована фотография с https://pixabay.com/ по лицензии CCO. (Бесплатные иллюстрации. Город.)